

КЕННЕТ АНДЕРСОН

ЧЕРНАЯ ПАНТЕРА

из ШИВАНИПАЛИ

www.dmitryzhitenyov.com

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

■

)

КЕННЕТ АНДЕРСОН

ЧЕРНАЯ ПАНТЕРА

и ШИВА- НИПАЛИ

Сокращенный перевод с английского
Р. И. КОТОВСКОЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Москва 1964

Kenneth Anderson

THE BLACK PANTHER OF SIVANIPALLI

AND OTHER ADVENTURES
OF THE INDIAN JUNGLE

London, 1959

Кеннет Андерсон — страстный охотник, влюбленный в природу индийских джунглей.

В увлекательной форме рассказа о приключениях охотника К. Андерсон воссоздает жизнь леса и его диких обитателей в Южной Индии, наименее известной по литературе советским читателям.

Особую ценность книге придает то, что автор не только живописует индийскую природу, но делает яркие зарисовки быта жителей деревень, затерявшихся в глуши джунглей. Его друзья по охоте — простые крестьяне, принадлежащие к местным лесным племенам или же к «низким» кастам, к которым автор относится с глубокой симпатией. Одного из своих героев он называет «скромным, но великим по своим душевным качествам человеком».

Мы надеемся, что книга, согретая любовью автора к Индии и ее людям и проникнутая тонким юмором, будет хорошо принята советским читателем.

Всем, кто любит еще нетронутые уголки земли: тропические джунгли, горные выси, цепи холмов; всем, кто любит мир, покой и уединение, простую жизнь и природу, посвящаю я эту книгу.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В первых четырех главах этой книги рассказывается о пантерах. Вас, возможно, удивит, почему я уделил этим животным так много внимания. Во-первых, они все еще широко распространены в Индии. Во-вторых, их сравнительно легко встретить, так как даже в наши дни они водятся поблизости от некоторых крупных городов. В-третьих, охота на пантер не требует больших расходов и вполне по карману человеку среднего достатка. Пантера идет на такие приманки, как собака, козел или осел, тогда как для тигра требуется бык, который обходится значительно дороже.

Вместе с тем выслеживание пантеры, когда охотник находится не в безопасном махане *, а на земле, захватывает не меньше, чем охота на тигра.

Отдельную главу я посвятил тиграм и другим животным, особенно змеям. Ведь о тиграх, слонах, львах и других крупных животных имеется обширная литература, тогда как о змеях написано совсем немного, и большинство людей знает о них очень мало, разве, пожалуй, то, что их следует избегать. Надеюсь, мне удалось рассказать кое-что новое об этих интересных существах и убедить вас, что тигры, пантеры, медведи — не самые грязные обитатели индийских джунглей. Ядовитая змея, скрывающаяся в кустах или траве, гораздо незаметнее и опаснее.

Я рассказал также об одном храбром бизоне и о приключениях во время охоты на тигра. Они помогут вам составить представление о тех трудностях, препятствиях и разочарованиях, с которыми связано преследование тигра-людоеда. В одном случае я потерпел полную неудачу, в другом — добился успеха, но совершенно случайно. Заканчиваю я книгу коротким рассказом о тигре

---

* Сооружение на дереве, напоминающее русский лабаз, с которого летом охотятся на медведей.— *Здесь и далее примечания переводчика.*

с чрезвычайно странными повадками. Сейчас, когда я пишу эти строки, он жив и все еще остается для меня загадкой.

Стоит мне взяться за перо, как звуки и образы настоящего меркнут и наплывают воспоминания: о ночной тьме в лесу, когда над головой усыпанное звездами небо, а под погами мерцающий драгоценными камнями ковер джунглей; о мириадах светлячков, подобно волшебным огням, сверкающих в темной листве; и о других более ярких огнях — о горящих глазах тигра, пантеры или бизона, о зеленых глазах пробирающегося через подлесок грациозного, быстроногого оленя, в которых отражается свет мого фонаря, когда я прохожу под перешептывающимися деревьями.

Отправьтесь со мной на несколько часов, которые вам потребуются, чтобы прочесть эту книгу, во владения тигра, пантеры и слона, под раскачивающиеся вершины, в глубокую тень огромных деревьев, чьи стволы образуют причудливые сооружения. Позабудьте о фальшивых ценностях и ложных понятиях, присутствующих так называемой цивилизации, которые ограничивают свободу и извращают простую правду жизни. В джунглях вы найдете покой, блаженство и счастье, вы найдете самую жизнь. Здесь нет ни времени, ни места для лицемерия и притворства, для фальши и лжи. В джунглях вы столкнетесь с самым прекрасным, что есть на земле,— с первозданной природой.

Если мне удастся на какое-то время увести вас от будничной повседневности к чудесам и волнениям тропического леса и вам покажется, что вы идете через густые заросли и каменистые россыпи по кровавому следу раненого людоеда и жизнь ваша зависит от вашей сообразительности и ловкости, я буду вознагражден сполна.

ПОВАДКИ ПАНТЕРЫ

Пантеры бывают разные: одни очень смелы, другие трусливы; одни настолько хитры, что их поведение кажется непостижимым, другие же ведут себя, на наш взгляд, глупо. Мне встречались пантеры, которые, казалось, обладали шестым чувством и поступали так, будто могли читать мысли человека и предвосхищать его намерения. Бывают, наконец, но довольно редко, пантеры, которые нападают на человека, и еще реже — пантеры-людоеды.

Обычно хищник становится людоедом в силу исключительных обстоятельств. Например, после ранения он уже не может легко преследовать животных, являющихся его естественной добычей, и по необходимости начинает питаться мясом человека. Или же он поедает труп человека, отрытый шакалами и медведями, и человеческое мясо приходится ему по вкусу. Случается, наконец, что пантеру приучает к человеческому мясу ее мать — людоед.

Как правило, пантера не нападает первой. Она боится человека и, услышав или увидев его, бесшумно исчезает в чаще. Некоторые пантеры, будучи ранены, проявляют необычайную свирепость и смелость, другие же, напротив, поразительно трусливы: их можно преследовать и даже травить как зайцев.

Если бы вам удалось с вершины холма наблюдать, как пантера выслеживает свою жертву, вы бы увидели чрезвычайно интересное зрелище. Пантера использует для прикрытия каждый куст, каждый ствол дерева, каждый ка-

мень. Она распластывается на земле, совершенно с ней сливаясь. Окраска шкуры у нее такая, что, не обладая острым зрением, ее невозможно обнаружить. Я однажды наблюдал за одной пантерой в бинокль и был поражен тем, как великолепно умеет она подкрадываться в лесу к жертве.

Когда наступает решительный момент, пантера двумя молниеносными прыжками настигает добычу. Точно нацелившись, она набрасывается сзади на свою жертву, сверху впивается сильными клыками в ее горло, а когда та падает, прижимает ее к земле и не ослабляет хватки, пока животное не испускает последнего вдоха. Но даже и после этого хищник не отрывается от его горла, высасывая из глубоких ран еще теплую кровь.

Представьте себе безмолвные джунгли и пантеру, бесшумно подбирающуюся к намеченной жертве или к специально для нее привязанной живой приманке. Если вы намереваетесь охотиться на пантеру, постарайтесь проверить каждый куст, осмотреть заросли травы, будьте осторожны, проходя мимо скал или валунов, загляните во все ямы и овраги — за каждым препятствием, в любом углублении может прятаться пантера. От вашей бдительности зависит не только успех охоты, но и ваша жизнь, так как вы вступили в поединок с наиболее, быть может, ловким и опасным обитателем джунглей.

Одно из наиболее трудных и интересных развлечений заключается в том, чтобы выследить пантеру, пользуясь ее же методами. Такая охота называется «потайной». Для успеха в ней необходимо уметь ступать бесшумно, обладать «чувством джунглей» и способностями действовать почти так же, как пантера. Ведь вы пытаетесь перехитрить очень хитрого зверя и прекрасного охотника.

Прежде всего необходимо установить, когда пантера выходит на поиски добычи. Как правило, она рыщет по лесу ночью. Вам, чтобы видеть в темноте, нужен электрический фонарь. Но тогда это уже, конечно, не «потайная» охота.

Иногда пантера выходит поздно вечером, перед самым наступлением темноты. Искать ее днем бесполезно: она не любит палящего солнца и в это время отдыхает.

Далее следует выяснить, где же, собственно, лучше всего выслеживать пантеру? Для этого нужно узнать, на кого обычно она охотится. Впрочем, и это мало поможет:

ведь она пожирает все живое — лесных птиц, кроликов, обезьян, кабанов и, за исключением крупных самцов, даже оленей. Основной пищей пантеры, охотящейся вблизи селений, служат свиньи, собаки, козы, овцы, рогатый скот. Даже деревенские коты, по глупости забредшие слишком далеко от дома, пополняют ее меню.

Вообразите на минуту, что вы находитесь в джунглях, где пантера выслеживает свою добычу. Помните, что она обладает прекрасным зрением и острым слухом, но почти лишена обоняния. Что бы сделали вы на ее месте? По-видимому, одно из двух: либо бесшумно кружили бы поблизости от облюбованного животного, либо спрятались бы недалеко от родника или солонцов, куда оно имеет обыкновение приходить. Именно так и поступает пантера.

Выслеживая жертву и стараясь не производить шума, пантера должна избегать подлеска и сухой листвы, так как треск или шуршание могут ее выдать. Поэтому, если она не лежит в засаде близ места, куда животные приходят пить или лакомиться солью, она крадется по тропинкам, звериным тропам, проселкам, по высохшим руслам потоков и ручьев. Именно там и следует ее искать.

Любое ваше движение может привлечь ее внимание. Раз так, вам надо днем побродить по джунглям и попытаться отыскать следы пантеры, но не случайные, а постоянную ее тропу со старыми и свежими отпечатками. Старайтесь обнаружить место пересечения двух или нескольких таких троп с ручьем или просекой.

В тот же вечер возвращайтесь туда, встаньте за ствол дерева или куст и, не шевелясь, зорко следите за тропами, просекой или берегом ручья. Если вам повезет, вы увидите пантеру, которая крадется по одной из своих троп, возможно, посматривая время от времени на деревья в надежде обнаружить обезьяну или крупную лесную птицу. Само собой разумеется, из своей засады вы сможете также увидеть тигра, слона, оленя.

Если вы разыскали в джунглях водопой или солонец, разумнее всего залечь вблизи за каким-нибудь укрытием. Вы получите большое удовольствие, наблюдая за различными обитателями леса, которые посещают такие места. Не удивляйтесь, если через некоторое время обнаружите, что пантера или тигр заняли сходную с вашей позицию, хотя вам будет не легко их заметить, настолько тихо они передвигаются.

Помню, однажды я лежал за стволом дерева, наблюдая за мелким овражком, в углу которого выступила соль. Предварительная разведка показала, что сюда любят приходить самбары * и пятнистые олени. Начинало смеркаться, когда чуть слышный шорох сзади заставил меня осторожно оглянуться. Я увидел пантеру, рассматривающую меня с явным удивлением. Заметив, что ее обнаружили, она встала и повернулась, намереваясь уйти. Затем снова посмотрела на меня, как бы желая сказать: «Не можешь ли ты обратиться отсюда?» — и наконец удалилась.

Очень интересно наблюдать за пантерой или тигрицей с детенышами. Нельзя не заметить, какие они заботливые матери. Хищники не выводят детенышей из логова, пока те не окрепнут настолько, что могут уверенно передвигаться и участвовать в охоте. В самом раннем возрасте они питаются только молоком, затем мать начинает прикармливать их сырым мясом. На первых порах она сама проглатывает его и частично переваривает, а затем отрыгивает и кормит им малышей. Когда они уже в состоянии усваивать более твердую пищу, мать приносит в логово добычу: павлина или другую лесную птицу, иногда мелкое животное, а потом ногу оленя или даже оленя целиком.

Детеныши пантеры очень прожорливы. У меня было несколько котят пантеры и тигра, и я установил, что первые склонны к заболеванию гастритом на почве обжорства. Захлебываясь кровью, они жадно заглатывают большие куски сырого мяса, пока уже не в состоянии шевельнуться. Гастрит у них неизбежно заканчивается через три-четыре дня страшной агонией и смертью. По-видимому, он угрожает пантерам приблизительно до восьмимесячного возраста; я сам потерял нескольких котят таким образом.

Очевидно, на воле пантера, повинаясь инстинкту, дает детенышам ограниченное количество мяса, дополняя его своим молоком до тех пор, пока подростки не начинают ее кусать и царапать во время кормежки.

Если логову угрожает человек или самец пантеры, который любит лакомиться своими же детьми, — мать прячет их в безопасное место. Переносит она их одного за другим, крепко держа зубами за загривок.

Как только они начинают ходить, мать принимается обучать их искусству охоты: выслеживать и убивать жи-

---

* Вид оленя.

вотных. Это довольно длительный процесс. В первый раз она сама убивает животное, а спрятанные котята наблюдают за ней. Затем она призывает их, издавая гортанные звуки, напоминающие мяуканье, позволяет прыгать по трупу, кусать его и пробовать еще теплое мясо и кровь. Потешно слушать свирепые звуки, которые при этом издают котята. Они возбуждают себя, рычат, бросаются друг на друга и даже на свою мать.

Следующий урок начинается с того, что пантера только калечит свою добычу, а прикончить ее разрешает малышам. Они яростно накидываются на раненое животное и кусают его в шею, пока оно не умирает. Это очень жестокая сцена.

Тигренка труднее посвятить в искусство охоты. Пантера впирается в горло своей жертве и, повисая на ней, душит, тогда как тигр искусно переламывает ей шею. Обычно тигрице приходится самой убить четырех или пять коров, иначе тигрята, только искусаив и изранив животное, в конце концов упустят его. Вспрыгнув сбоку на спину животного, тигрица перегибается на другую сторону, впирается ему в горло, повисает, сжимая могучими передними лапами его плечи, и сильными рывками валит наземь. Тяжесть тигра вызывает перелом шейного позвонка жертвы.

Когда тигрица или пантера выводит своих детенышей на охоту, они следуют за матерью, повторяя все ее движения. В это время опасно находиться поблизости: тигрица может напасть на вас, защищая свое потомство. Пантера нападает реже, хотя и проявляет свою неприязнь тем, что свирепо рычит. Однако предугадать ее намерения невозможно, поэтому разумнее всего при встрече с подобной семейной процессией сразу же взять ружье на изготовку.

В мать-тигрицу или пантеру следует стрелять только в крайнем случае: если вы ее убьете, звереныши обязательно убегут в джунгли, где погибнут голодной смертью или же, если они достаточно взрослые, могут стать людоедами, так как не успели приобрести навыков охоты. Человека ведь куда легче подстеречь и убить, чем любое крупное животное.

Очень интересно наблюдать за пантерой и тигром в зимние месяцы — в ноябре, декабре, январе, на которые приходится брачный сезон у этих хищников. Дрожь пробирает, когда слышишь призывный рев тигрицы. В нем

можно различить ноты нетерпения. В это время тигры очень опасны, особенно в период ухаживания за самкой или при спаривании. Их страсть проявляется чрезвычайно грубо: часто они начинают яростно кусать и царапать друг друга.

Они доводят себя до неистовства, до бешенства, и горе человеку, который помешает их уединению во время полового возбуждения. Известно, что тигрица бывает еще более возбужденной и, следовательно, более опасной, чем тигр. Ее страстный призыв в период течки часто заставляет прекращать работы в лесу и движение по дорогам.

Пантера ведет себя почти так же, как тигр, но обычно у нее не хватает храбрости напасть на помешавшего ей человека, хотя она и проявляет свою ярость самым недвусмысленным образом.

Своими повадками пантера больше, чем тигр, напоминает кота: следы когтей на песке или на сухих листьях на обочине тропы указывают на то, что здесь пантера отравила свои естественные нужды, а затем зарыла экскременты. Тигр, подобно собаке, оставляет их неприкрытыми. Экскременты как тигра, так и пантеры состоят в основном из непереваренной шерсти последней жертвы.

В прошлом было много споров между охотниками. Одни утверждали, что пантера и леопард — два различных вида животных, другие же относили их к одному виду. В настоящее время установлено, что они принадлежат к одному биологическому виду, но благодаря различиям среды, некоторые из них достигают больших размеров. Лесные пантеры, питающиеся разнообразной дичью, обычно крупнее и имеют более темную густую шерсть, чем пантеры, которые обитают вблизи деревень и охотятся на собак и коз. Темная окраска помогает лесной пантере маскироваться в густой растительности джунглей, тогда как «деревенская пантера», как ее иногда называют, благодаря своей светлой шкуре трудно различима среди скал.

То же можно сказать и о тиграх. Те из них, которые привыкли лакомиться домашним скотом, толстеют, становятся неповоротливыми, тогда как их собратья, охотящиеся за дичью, тратят гораздо больше энергии, а потому остаются поджарыми и мускулистыми. Физические упражнения сгоняют жир не только у людей, но и у животных.

Бывают, однако, хотя и редко, исключения из этого

правила, когда природа сама нарушает ею же установленный закон. Мне приходилось убивать близ деревень, вдали от джунглей очень крупных пантер с темной густой шерстью, а в джунглях, наоборот — небольших пантер со светлой шкурой.

Представители этих видов хищников очень редко становятся людоедами, и то в силу обстоятельств, о которых я уже упоминал выше.

Пантеры умеют карабкаться на деревья; в погоне за обезьянами или же спасаясь от преследования диких собак, они иногда взбираются довольно высоко. Тигры этой способности лишены, хотя в зоологическом саду Майсура я видел тигра, который взлезал на платформу, сооруженную для него на дереве. Это говорит о том, что тигры, как и люди, глубоко индивидуальны.

Тигры применяют весьма оригинальный метод охоты на обезьян. Обезьяны, живущие в джунглях, очень осторожны и бдительны. Увидев или почуяв, что приближается враг, они взбираются на самую вершину дерева. Зная это, хищник останавливается у его подножия, и начинает рычать и реветь. Напуганные обезьяны, вместо того чтобы оставаться в своем убежище, где они недосыгаемы, пытаются перескочить на соседнее дерево, а если оно слишком далеко, с невероятной высоты прыгают вниз, чтобы добраться до него по земле. Некоторые из них, оглушенные или покалеченные, легко становятся жертвой ловкого охотника.

Один из самых умных, если не самый умный, обитатель индийских джунглей — дикая собака. Охотники-аборигены* ставят на первое место слона, тигра, пантеру, но, изучив повадки диких собак, вы, пожалуй, придете к иному выводу. Во время охоты собаки высылают «фланговых», которые забегают вперед и гонят оленя на стаю. Собираясь стаями по тридцать, а то и больше голов, они окружают тигра или пантеру и буквально разрывают хищника на куски, хотя и сами несут при этом большие потери.

---

* Под названием «аборигены» этнографы объединяют многочисленные племена, населяющие горно-лесистые районы юго-западной, центральной, северо-западной и северо-восточной Индии и находящиеся на различных стадиях разложения родо-племенного строя. Аборигенные племена стоят на низших ступенях сословно-кастовой иерархии или вообще вне ее.

Особенно прославились своей храбростью собаки округа Читтур, в бывшем Мадрасском президентстве. Я знаю по крайней мере о трех случаях, когда в кровопролитных битвах тигр был разорван на куски, хотя предварительно уничтожил нескольких собак и многих поранил. Однако мне никогда не приходилось слышать, чтобы собаки растерзали пантеру: как я уже сказал, в случае опасности она может спастись бегством на дерево.

Тигр не боится воды и легко переплывает большие реки. Он любит, особенно в жаркие дни, нежиться на берегу тенистого ручья, а то и прямо в воде. Он охотится и в пенастые ночи, и нередко после ливня утром можно увидеть его следы. Иное дело пантера. Истинная кошка во всех отношениях, она ненавидит воду и дождь и пускается вплавь только в минуту крайней опасности, например спасаясь от преследования диких собак.

Тигр переселился в Индию из более холодных районов Монголии, поэтому любит прохладные места, где можно укрыться от палящего зноя. Пантера же — уроженка тропической части Индии.

Иногда в лесу, где много оленей, тигр подражает крику самбара, очевидно, для того, чтобы заманить это животное и из засады напасть на него. Пантера не прибегает к такой мимикрии: она целиком полагается на свое умение подкрадываться к жертве.

В прошлом охотники говорили, что тигр — «джентльмен», а пантера — «невежа». Эти охотники несомненно заслуживают того, чтобы снять шляпы перед ними: вооруженные ружьями старого образца, часто заряжавшимися с дула, одетые по моде того времени в тяжелые башмаки и громоздкие тропические шлемы, они бесстрашно шли по следам раненого животного. Какой контраст по сравнению с современным «охотником», стреляющим в зверя ночью из автомобиля, свет фар которого слепит животное и лишает его возможности спастись.

Раненый тигр рычанием выдает приближающемуся преследователю свое местонахождение, тогда как пантера большей частью лежит тихо и, когда охотник проходит мимо, нападает на него сзади. Тигр значительно более храбрый и грозный противник; напав на охотника, он обычно его убивает. Пантера же, если она не людоед, чаще только калечит своего преследователя и спасается бегством.

Пантера обгладывает кости своей жертвы, даже если труп сильно разложился. Тигр же, как правило, уже на третий день не возвращается к добыче. Он ест значительно больше и обычно уничтожает все съедобное за две или три трапезы. Кроме того, тигр значительно более привередлив в еде.

Мясо, попадающее хищникам под когти, разлагается и служит средой для размножения опасных микробов. Поэтому царапины, нанесенные тигром или пантерой, скорее вызывают заражение крови, чем их укусы. Тигра раздражают остатки пищи, пахнущие под его когтями, и, царапая мягкую кору деревьев, он не только точит свои когти, но и очищает их. Отпечатки когтей на деревьях на высоте шести-семи футов* (тигр становится на задние лапы и чистит передние) подсказывают охотнику, что преследуемое животное недалеко.

Чистоплотность тигра проявляется и в другом. Пантера вместе с мясом своей жертвы уничтожает и внутренности; тигр же, прежде чем приступить к трапезе, раздвигает задний проход убитого животного, извлекает оттуда лапой несъедобные части и желудок и оттаскивает их приблизительно на десять футов. Предварительно он нередко отгрызает хвост у животного. Так же иногда поступают наиболее крупные лесные пантеры, но мелкие и средние пожирают добычу вместе с кишками и экскрементами.

По сравнению с логовом пантеры пещера, где обитает тигрица с детенышами, содержится в большей чистоте, и в ней никогда не бывает костей и других остатков пищи.

За исключением брачного сезона, тигр чаще, чем пантера, оповещает джунгли о своем присутствии. Это подтверждают живущие в лесах индийские племена. По голосу тигра они могут указать примерное направление, в котором он передвигается во время охоты. Его мелодичный, гортанный, протяжный стон, заканчивающийся незабываемым «уу-уу-уунг», далеко разносится под мрачной тенью гигантских деревьев или в фосфоресцирующем свете луны по долинам и заросшим лесом лощинам и ласкает слух тех, кто любит джунгли. Более резкий, но слышимый на меньшем расстоянии зов пантеры, напоминающий звук пилы, значительно реже нарушает ночной покой.

---

* Фут=0,3 метра.

Другая особенность тигра заключается в том, что он выбирает для своих охотничьих экспедиций определенный район, пусть даже охватывающий сотни миль*, вдоль русла высохшего потока, берега реки или ручья, вдоль долины или склона холма. Если вы увидите на проторенной звериной тропе отпечатавшиеся в пыли следы охотившегося тигра, можете быть уверены, вы встретите их снова. Пройдет не один день и не одна неделя, а может быть и месяц — это зависит от размеров охотничьего района тигра, — и он, сделав огромный круг, почти наверняка опять появится в том месте, где вы обнаружили его следы. Если ему удастся убить животное, он день-другой, пока не уничтожит добычу, остается поблизости, затем возобновляет свой путь.

Не забывайте об этой повадке тигра, если хотите определить местонахождение людоеда. Отметив на карте пункты, где тигр убил людей, можно приблизительно очертить его охотничий район, а зная даты, нетрудно при помощи простого арифметического подсчета определить срок его возвращения.

Пантера, по-видимому, не ограничивается определенным маршрутом и появляется то здесь, то там. Поэтому попытки проследить или предугадать передвижение пантеры-людоеда обречены на неудачу. Она может внезапно наброситься на человека в таком месте, где этого меньше всего ожидал даже самый опытный и проницательный из местных охотников.

В этой главе я попытался рассказать о некоторых повадках и особенностях крупных хищников и дать кое-какие советы по «потайной» охоте на них. Я умышленно не упоминал о тех случаях, когда мне удавалось застрелить хищника. Мне кажется, что это не очень интересно. Ведь в конце концов удовольствие не в том, чтобы убить зверя, а в том, чтобы выследить хищника в то время, когда он сам охотится. Я бы даже советовал вам носить с собой аппарат и фотографировать этих красивых животных, вместо того чтобы убивать их. Не забывайте на всякий случай взять с собой ружье как средство защиты от внезапного нападения, но старайтесь удержаться от бесполезного убийства, если в ваших силах побороть искушение.

---

* Миля=1,5 километра.

Помните, что хороший оригинальный снимок заслуживает большей похвалы, чем трофейная шкура, украшающая стену или пол вашей гостиной. В первом случае вы имеете возможность любоваться грациозным сильным животным во всей его красе, тогда как трофейная шкура, подобно сброшенному кокону или скорлупе от яйца, лишь оболочка некогда прекрасного существа, которая рано или поздно сгниет или будет изъедена пылью и насекомыми.

ПАНТЕРА-ЛЮДОЕД С ГОР
ЕЛАГИРИ

Был полдень. Тропическое солнце ярко сверкало над головой, напоминая огненный шар. Неподвижные и безмолвные, словно зачарованные, лежали томящиеся в зное джунгли. Даже птицы и обезьяны, шумевшие все утро, сейчас замолкли, усыпленные разлившимся в воздухе покоем.

Облегчение можно было найти в густой тени леса, хотя и здесь все трепетало и пульсировало от жары. Ни малейшее движение воздуха не тревожило опавшие листья, покрывавшие землю роскошным толстым ковром желто-коричневых тонов, сотканным самой природой. Во время муссонов эти листья превратятся в труху, и много лет спустя, когда уже рухнут те лесные великаны, с которых они опали, она даст жизнь новым деревьям.

Гнетущую тишину иногда нарушали глухие звуки деревянных погремушек. Их привязывают на шею скоту, пасущемуся в джунглях, чтобы отпугивать хищников, а главное, чтобы пастухи могли определить в густом подлеске, где находится стадо. Тигры и пантеры очень подозрительны и не решаются напасть на облюбованную жертву, если на ее шее подвешен странный деревянный предмет, издающий необыкновенные звуки. Но уловка не всегда удается. Это зависит от индивидуальных особенностей хищника, а более всего от того, насколько он в данный момент голоден.

Как раз в этот полдень произошел подобный случай. Упитанный коричневый бычок, укрывшись в тени фику-

сов, пасся в стороне от стада. Набрав полный рот жвачки, он поднимал голову и, методично работая челюстями, в ленивом раздумье разглядывал джунгли. Казалось, ничто вокруг не шевелится, и бычок был очень доволен собой и всем миром.

Но случись ему обернуться назад, он не был бы настроен так благодушно. Трава раздвинулась без малейшего шороха, и два злобных зеленых глаза уставились на бычка. Они принадлежали огромному самцу пантеры, одному из представителей крупной лесной породы. Он пригнул свое тяжелое туловище, почти не уступающее по размерам тигрице, чуть ли не до самой земли, так что его пикюра с розоватыми полосами слилась с различными оттенками травы.

Медленно и бесшумно пантера подтянула задние лапы, готовясь к нападению. Ее мышцы дрожали и вибрировали от напряжения, а все тело слегка раскачивалось в усилиях сохранить равновесие перед смертоносным броском.

Как гром среди ясного неба, промелькнуло в воздухе тяжелое тело пантеры, сверкнув желтыми и черными пятнами, и прежде чем бычок понял, что произошло, страшные желтые клыки впихались ему в горло. Он пытался удержаться на широко расставленных ногах и проскочить в середину стада, но с разорванным горлом, из которого била кровь, смог сопротивляться не более секунды. Несчастный рухнул наземь, отчаянно пытаясь лягнуть своего врага. Пантера ловко увертывалась от ударов копыт, ни на минуту не ослабляя мертвой хватки. Из раскрытой пасти поверженного животного вырвалось короткое бульканье, движения ног ослабли, полные ужаса глаза постепенно остекленели. Через несколько минут наступила смерть.

Так пастух Натхан потерял одного из лучших своих животных. Стадо, перепуганное предсмертным криком бычка, кинулось к лесной просеке, ведущей к деревне.

Потери Натхана этим не ограничились: за три последующих месяца в его стаде были задушены еще четыре животных и столько же у двух других пастухов. Пантера, видимо, решила, и не без основания, что нашла место, изобиловавшее легкодоступной пищей. Она предпочла отказать от трудного выслеживания дичи в лесу и поселиться поблизости от пастбищ.

Наступили муссоны, и под грозовыми дождями все покрылось свежей растительностью. Уже не нужно было

выгонять скот в джунгли: его пасли на полях около деревни, где следить за ним было легче. Это, конечно, не поправилось пантере; условия охоты на новых пастбищах заставляли ее становиться все более дерзкой.

Ближе к деревне лес редел, на полях деревья совсем не росли, так что приблизиться к стаду незамеченной было нелегко. Нередко, увидев пантеру, пастухи начинали кричать, бросать камни, размахивать палками. Это отпугивало зверя.

Однако голод усиливался. Приходилось выбирать: либо оставить в покое деревенское стадо и легкую добычу и снова вернуться к охоте на диких зверей, либо начать действовать решительнее.

Пантера выбрала последнее. Однажды вечером она подкралась к стаду и, не таясь, бросилась на корову. Два пастуха находились поблизости и видели, как приближается хищник. Они кричали, грозили палками, но безрезультатно: пантера не обратила на них внимания и, прыгнув корове на спину, воцпила клыки ей в горло. Пастухи на несколько минут оцепенели, но, когда корова свалилась замертво, снова принялись осыпать камнями и бранью пятнистого агрессора.

И тут пантера отпустила добычу, приподнялась и грозно зарычала на людей. Ее морда искажилась от ярости, глаза горели жгучей ненавистью. Услышав рычание, от которого кровь стыла в жилах, и увидев отвратительную морду, пастухи убежали.

После этого жители деревни обратились к местному объездчику с просьбой помочь им избавиться от хищника или пригласить охотников со стороны. У объездчика — его звали Раму — было одноствольное 12-калиберное ружье, заряжавшееся с казенной части. Хотя в его обязанности входила борьба с браконьерством, он сам любил посидеть с ружьем около водоема или солонца, подстерегая оленей или случайно забредшего кабана. Раму старался, чтобы подчиненные ему лесники не знали о его подпольной деятельности, но когда это не удавалось, заручался их молчанием при помощи сочной ножки подстреленного зверя и постоянно повторяемых угроз о том, что их ожидает, если хоть слово о его проделках дойдет до лесного офицера*. Тем не менее тот узнал о любимом

---

* Чиновник, возглавляющий лесничество в Индии.

времяпрепровождения Раму. Это был добросовестный молодой чиновник, ревностно выполнявший предписания по охране дичи и не раз пытавшийся поймать своего подчиненного на месте преступления. Но последнему удалось сохранить чистым свой послужной список. Либо Раму был очень ловок, либо его угрозы действовали на лесников, но так или иначе все усилия лесного офицера пока не увенчались успехом.

До того времени Раму никогда не применял своего оружия против крупного хищника, и просьба односельчанина Натхана убить пантеру привела его в замешательство. Однако жители деревни настаивали, и очень скоро Раму понял, что на карту поставлена его честь. Не мог же он без конца оттягивать время, отговариваясь то занятостью, то отсутствием патронов, то еще какими-нибудь обстоятельствами!

И вот однажды утром Раму с ружьем в руке появился в деревне. Восторженно встреченный жителями как будущий спаситель, он немедленно воспользовался преимуществами своего положения и уселся за обильную трапезу, предложенную крестьянами. Запив угощение кувшинчиком кофе, он с удовольствием рыгнул и объявил, что намерен вздремнуть часок.

Проснувшись часа через два, когда уже перевалило за полдень, Раму потребовал у старосты деревни козла для приманки и, получив его, в сопровождении пяти или шести крестьян отправился в джунгли.

Поскольку этот участок входил в район Раму, он хорошо знал местность и заранее наметил, на каком дереве устроит махан.

Это была огромная смоковница, росшая недалеко от скрещивания дороги с просекой. Поблизости просеку пересекало высохшее русло ручья. Пантера пользовалась всеми тремя путями, об этом свидетельствовали частые отпечатки ее следов. Раму выбрал место очень удачно: если бы пантера пошла вдоль просеки или по руслу ручья, она не могла бы не почуять привязанного козла, а Раму, находясь в махане, хорошо просматривал оба подхода, а также часть дороги.

Раму велел своим спутникам устроить махан на высоте приблизительно двадцати футов от земли, а сам так хорошо замаскировал его листьями, что пантера никак не могла его заметить.

Работа была закончена только в пятом часу вечера. Раму забрался в махан, а козла привязали перевкой к вбитому в землю колу.

Деревенские жители ушли. Козел почувствовал, что остался один, уставился на дорогу, ведущую в деревню, и громко заблеял. Все получилось как нельзя удачнее: пантера услышала козла и около шести часов, когда было еще достаточно светло, напала на него. Она вцепилась козлу в горло и повалила его на землю. Раму, зарядивший ружье крупной дробью, выстрелил. Раздался громкий звук, напоминавший кашель, и пантера, прежде чем скрыться в чаще, перевернулась в воздухе. Полузадушенный, умирающий от ран козел был прикончен дробинкой, попавшей ему через ухо в мозг.

Выждав немного, Раму спустился со смоковницы и поспешил в деревню. Он заверил жителей, что попал в пантеру и что на следующий день ее, несомненно, найдут мертвой.

На рассвете большая группа крестьян во главе с Раму направилась к смоковнице. Они обнаружили, что труп козла съела гнена. Раму показал, в каком направлении скрылась пантера, и чащу тщательно обыскали. Вскоре был найден кровавый след на листьях и кустах лантаны, подтверждавший, что пантера действительно была ранена. Однако хищника так и не удалось обнаружить, хотя люди больше мили шли по кровавому следу, пока он не исчез.

В течение двух месяцев после этого не было ни одного нападения на скот, и все, в том числе и Раму, были уверены, что пантера ушла в чащу и там сдохла.

Однажды вечером шестнадцатилетний паренек по той же просеке возвращался к себе в деревню. Дойдя до изгиба дороги, он увидел в тридцати ярдах от себя пантеру, которая сидела и смотрела прямо на него. Паренек остановился, полагая, что она скроется, как сделала бы на ее месте любая другая пантера. Но эта поступила иначе: выгнула спину и злобно зарычала.

Мальчик повернулся и помчался обратно, пантера кинулась за ним. Когда зверь прыгнул мальчику на спину, он, падая, увидел гнилой сук, лежавший на просеке. Ужас и отчаяние придали ему ловкость и сообразительность. Схватив сук, он перевернулся на бок и воткнул конец его пантере в пасть. Ей пришлось выпустить свою жертву. Вскочив на ноги, мальчик слова ударил животное. Неожиданно

данное нападение напугало пантеру, и она прыгнула в кусты, а мальчик, которому она успела расцарапать руки и бедра, шатаясь и обливаясь кровью, бросился бежать в деревню, не выпуская из рук спасший ему жизнь сук.

Так было совершено первое нападение на человека. Следующее произошло недели через три, но на этот раз пантера не убежала. Под вечер, когда пастух возвращался со стадом коз, на одну из них напала пантера. Пастух был беден, стадо составляло все его богатство. Пытаясь спасти козу, он кинулся к пантере, крича и размахивая палкой. Это был смелый, но опрометчивый поступок, так как пастух знал, что недавно пантера напала на человека, спокойно шедшего по дороге. За свою безрассудную храбрость пастух поплатился жизнью: пантера оставила козу и, прыгнув на него, впилась ему в горло.

Козы примчались в деревню. Те, кто видел, что стадо вернулось без пастуха, не придали этому значения. Пастух жил один, родственников у него не было, и лишь час спустя, когда уже начало смеркаться, соседи заметили его отсутствие. Но было слишком поздно, чтобы что-нибудь предпринимать.

Утром человек тридцать, вооружившись дубинами и палками, отправились на поиски. Следы копыт, оставленные накануне бежавшим стадом, были отчетливо видны на тропе. Вскоре люди дошли до того места, где пантера напала на пастуха. На пыльной земле ясно отпечатались лапы огромной кошки. Так же отчетливо был виден след тела, которое пантера тащила волоком. Кое-где на землю упало несколько капель крови. Но в стороне от тропинки высушенная солнцем твердая почва бесследно поглотила кровь, затрудняя поиски.

Пантера оттащила свою жертву с дороги и уволокла ее в джунгли. Но она ушла недалеко: пройдя еще ярдов * сто, крестьяне обнаружили тело несчастного пастуха. Объедена была грудь и небольшая часть бедра.

Так появился людоед из Елагирри.

Елагирри — горная гряда в форме полумесяца, расположенная к востоку от железнодорожного узла Джаларпет на Южной линии. «Полумесяц» своей вогнутой стороной обращен к станции; на расстоянии двух миль от нее его вершина круто поднимается на высоту около трех тысяч

---

* Ярд=0,9 метра.

футов над уровнем моря. Очень неровная, с крутыми поворотами тропа петляет по крутому склону, причем в некоторых местах проходит по крупным валунам.

Много лет назад, в 1941 году, я купил наверху этой гряды ферму в несколько акров*. Она находилась приблизительно в девяносто пяти милях от Бангалура, и я намеревался проводить там конец недели, но мне это редко удавалось. В результате оставленная без присмотра земля заросла непривередливой лантаной.

И вот теперь я решил провести на ферме три дня, чтобы проследить за расчисткой участка. Приехал я вскоре после гибели пастуха, и нанятые мною кули рассказали о пантере, о которой ничего не сообщали газеты. Кули уверяли, что пантера продолжает появляться в окрестностях деревни: они только накануне видели ее следы.

История заинтересовала меня, и я подумал, что неплохо бы попытаться убить этого зверя. Из охотничьих ружей я захватил с собой только 12-калиберный дробовик. Елагири изобилует пернатой дичью, и в прежние мои визиты я каждый раз убивал по несколько птиц к столу. Кроме дробы шестого номера, предназначенной для птицы, я взял с собой на всякий случай два заряда картечи. Имея при себе только два крупных заряда, надо было стрелять в пантеру наверняка.

В середине дня я прервал работу и решил обследовать местность. Все было так, как я ожидал. Джунгли переходили в узкую полосу кустарника лантаны, граничившую с полями, которые примыкали к деревне. На тропинке, шедшей по краю одного из полей, были отчетливо видны следы пантеры, по-видимому, довольно крупного взрослого самца, проходившего здесь еще прошлой ночью.

Я отправился в деревню и, представившись пателю**, которого мне не приходилось раньше встречать, объяснил цель моего прихода. Он очень обрадовался и с восторгом обещал оказать всяческое содействие. Мы обсудили положение, и я сказал, что прежде всего хотел бы купить козу для приманки.

Оказалось, что в этом деле помощь пателя необходима, так как достать козу на месте было невозможно. С большими трудностями и далеко не сразу ему наконец уда-

---

* Акр = 0,4 гектара.

** Староста.

лось кушить в соседней деревушке козленка, такого маленького, что можно было ручаться, что он будет бляеть. Меня проводили патель и четверо крестьян: один вел козленка, остальные же несли топоры, чтобы соорудить махан.

Они привели меня на просеку, где было совершено нападение на пастуха, а потом туда, где были найдены останки несчастного. Это место густо поросло мелким кустарником, известным под названием «мадрасский боярышник», или «коркапулли». Нечего было и думать о том, чтобы устроить засидку* прямо на земле, так как кусты боярышника росли так часто, что животное можно было увидеть лишь на расстоянии двух ярдов от себя. Поэтому нам пришлось вернуться приблизительно на четверть миль назад.

Мы подошли к огромному хлебному дереву с роскошной раскидистой кроной мясистых листьев, которое, казалось, было создано для устройства махана. Первая ветка отходила от ствола на высоте приблизительно восьми футов. Третья раскинулась над самой дорогой. На ней-то, на высоте пятнадцати футов, я и велел моим спутникам соорудить махан.

Они нарубили мелких веток с соседнего дерева, очистили их от листьев, настелили поверх двух сучьев, образовавших развилину, и привязали лозами ползучих растений. Вскоре была готова платформа длиной примерно в четыре фута и шириной в три — достаточно большая, чтобы я на ней поместился. Затем крестьяне замаскировали махан со всех сторон ветками. Платформу мы тоже тщательно прикрыли, чтобы пантера, даже остановившись под самым маханом, не заметила сидящего в нем человека или чего-нибудь необычного, что могло бы возбудить ее подозрительность.

Одному из моих спутников я велел выстрогать кол, заострить его конец и камнем вбить в землю на расстоянии немногим более двадцати футов от махана — ведь у меня был только дробовик.

Около пяти, когда все приготовления были закончены, я забрался в махан и раздвинул листья так, чтобы ясно видеть козленка и небольшой участок земли вокруг него.

Не собираясь охотиться на крупного зверя, я не за-

---

* То есть засаду (охотничье выражение).

хватил с собой фонаря, прикрепляемого к стволу ружья. У меня был только маленький фонарик, работавший на двух батарейках, которым я обычно пользовался на привалах. Он отбрасывал рассеянный свет и совершенно не подходил для моей задачи. К тому же из-за отсутствия крепления фонарь приходилось держать в левой руке, около ствола ружья. Ночи в это время безлунные, и, пояись пантера, в темноте я бы мог установить, где она находится, только по звукам или интуитивно.

Обдумав все это, я постарался устроиться в махане поудобнее. Затем велел крестьянам привязать козленка к колышку и возвращаться в деревню, громко переговариваясь. Это нужно было не только для того, чтобы заставить заблеять козленка, когда он почувет, что люди уходят, но и чтобы привлечь внимание пантеры.

Мои спутники сделали все, как я велел. Козленок кинулся за ними, натянув веревку до предела, и начал блеять так громко и настойчиво, что я возликовал, не сомневаясь, что, если пантера поблизости, она непременно услышит блеяние и поторопится к предназначенной ей жертве.

Но все случилось иначе. Козленок орал так громко и упорно, что к тому времени, когда солнце село, охрип, и из его горла вырывался какой-то сплый писк. К наступлению сумерек он, казалось, покорился неизбежности провести ночь в лесу, улегся на землю и заснул. Теперь пантера могла обнаружить его только в том случае, если бы, проходя мимо, буквально наткнулась на него. Все же я решил подождать до девяти часов.

Следующие два с половиной часа были похожи на многие другие, которые я провел в джунглях. Голоса пернатых обитателей леса давно уже смолкли. Тишину только время от времени нарушала птица-пастушок, издающая низкий, но очень пронзительный крик, напоминающий звук, который производит пастух, созывая пасущееся в лесу стадо. Отсюда и ее название. Эта серая ночная птица величиной около восьми дюймов обитает, по-видимому, только в джунглях или в непосредственной близости от них; мне во всяком случае не приходилось встречать ее в населенных районах.

Больше мне нечего вам рассказать, кроме того, что в четверть десятого я решил покинуть свой пост. Я осветил фонарем, но рассеянный свет едва достиг спящего

козленка, неясные очертания которого я смог различить лишь после того, как он вскочил на ноги. Если бы пантера напала на козленка, я вряд ли даже увидел бы ее. Утешая себя мыслью, что, может быть, к лучшему, что она так и не пришла, я слез с дерева, отвязал козленка и отвел обратно в деревню, где оставил у одного из крестьян, помогавших строить махан.

Рано утром я вернулся в деревню, чтобы собрать дополнительные сведения, но никто не знал, откуда появлялась пантера и где могло находиться ее логово.

Работы на моей земле продолжались еще три дня, и каждый вечер я несколько часов проводил в махане, используя в качестве приманки различных коз. Меня преследовала неудача — я даже не услышал голоса пантеры. По утрам я обследовал окрестности махана, просеки и берега ручья, но нигде не находил свежих следов. Значит, в эти ночи ее здесь не было. Может быть, пантера ушла в отдаленную часть Елагирри.

На четвертый день я оставил пателю записку с моим адресом и фамилией и деньги на телеграмму, а сам уехал в Бангалур.

Прошло больше месяца. Телеграммы не было, и я решил, что либо людоедство не вошло у пантеры в привычку, либо она спустилась с Елагирри на равнину, пересекла поля и отправилась в более обширные леса на горах Джавади.

Последующие события показали, что это было не так.

Прошло семь недель, и я уже перестал ждать телеграммы, как вдруг она пришла. Староста сообщал, что пантера убила письмоноса, разносившего почту со станции Джаларпет по деревням и селениям, расположенным на вершине гор.

Я получил телеграмму после трех часов дня, но все же поспел на тричинопольский экспресс, уходивший из Бангалура в семь вечера, и в половине одиннадцатого уже был в Джаларпете. Яркий свет переносной лампы-молнии — петромакса — помог мне преодолеть восьмимильный подъем от станции до деревни, куда я пришел к двум часам ночи. В иное время я бы не рискнул ночью пуститься в путь по неровной, крутой, покрытой крупными валунами дороге, зная, что в ее окрестностях бродит пантера-людоед. Однако я был уверен, что пока мой петромакс светит, можно не опасаться нападения.

405-калиберное ружье, вещевой мешок со снаряжением за спиной да еще лампа в левой руке составляли весьма тяжелую и неудобную ношу для восхождения по крутой тропинке, и я совсем взмок, добираясь до вершины. Отсюда оставалась еще миля до деревни, и пока я дошел до нее, холодный предутренний ветерок высушил мою одежду.

Я разбудил пателя, а он в свою очередь поднял на ноги почти всю деревню. Вскоре меня окружила толпа смуглых людей, белые зубы которых ослепительно сверкали в свете петромакса.

Патель предложил мне поесть, но я согласился только выпить горячего чая. Прихлебывая его из большой медной кружки, я стал слушать рассказ пателя.

Рассказывать, собственно, было не о чем. После моего отъезда все даже днем вели себя осторожно, особенно вблизи леса, но почам же вообще никто не выходил из дому. Прошли недели, патера ничем не выдавала своего присутствия, и, как всегда бывает, об осторожности постепенно стали забывать.

Обычно письмоносец выходил из маленького почтового отделения, расположенного в Джаларпете рядом со станцией, около шести утра. Все почтовые поезда из Бангалура, Мадраса и Калкаты проходили через Джаларпет ночью. Корреспонденция для Елагирри была сравнительно невелика, и сортировщики почтовых поездов откладывали немногочисленные письма и посылки, адресованные в поселок, в мешки и сбрасывали их на станции. Письмоносец перекидывал их содержимое в одну сумку, которую нес перевесив через плечо или на голове.

Его единственным оружием, представлявшим собой не столько средство защиты, сколько символ должности, а также своего рода приспособление для отлугивания змей, было короткое копьё с напизанными на древко железными кольцами. Письмоносец держал его в руке и через каждые несколько шагов ударял им о землю. Кольца издавали громкий звон и бряцание, по которым на протяжении почти ста лет в Индии узнавали почтальона.

В этот роковой день письмоносец по обыкновенному рано утром вышел из Джаларпета, но на вершину гор так и не попал. Жители деревни, привыкшие к его ежедневным посещениям, не услышали звона и дребезжания, раздававшихся, когда он проходил по главной улице, но с

чисто восточной беспечностью не обратили на это внимания.

После обеда несколько человек отправились в Джаларпет. Пройдя примерно четверть пути, они заметили на каменной дороге ржавые пятна крови. Они остановились, чтобы выяснить в чем дело. Вдруг зоркие глаза одного из путников заметили в стороне от дороги около куста копые письюноса. Догадавшись, что произошло, крестьяне поспешили в деревню за подмогой. Затем они вернулись на дорогу и в конце концов нашли полусъеденные останки несчастного.

Патель послал тех же крестьян в Джаларпет, чтобы отправить мне телеграмму. Пришла она на следующий день, хотя от Джаларпета до Бангалура всего лишь семьдесят девять миль.

Крестьяне рассказали мне также, что полицейские власти Джаларпета забрали тело для следствия и кремации. Только в пятом часу утра я собрал все нужные сведения, вернее, все, что патель и местные жители знали о пантере. Патель одолжил мне походную веревочную кровать, я отнес ее на окраину деревни и лег там отдохнуть на два часа, оставшихся до рассвета. Разбудил меня громкий лай двух дворняжек, рассматривавших меня и мою кровать с явным подозрением и недовольством.

Около Елагирри не было настоящих джунглей, а следовательно, и лесных племен. Приходилось рассчитывать лишь на себя и крестьян.

С раннего утра я начал расспрашивать, где могло находиться логово пантеры. Точного ответа мне получить не удалось, хотя двое пастухов уверяли, что за последние несколько недель три или четыре раза видели пантеру, гревнуююся на солнце на скалистом выступе Перайямалаи, что означает «Большая гора». Елагирри заканчиваются плато, и Перайямалаи — единственная возвышающаяся над ним вершина. Она достигает четырех с половиной тысяч футов над уровнем моря.

Я вернулся к дому пателя. Он вскоре проснулся и предложил мне горячего молока в большом чумбо — круглом медном сосуде, напоминающем по форме котел для воды. Я попросил его позвать пастухов, видевших пантеру на Перайямалаи, и предложил им проводить меня к выступу, который, по их словам, она часто посещала. Пастухи, очень недовольные и явно напуганные, со-

гласились не сразу. Пателю пришлось применить свои собственные методы убеждения и даже пригрозить возмездием в случае отказа. Только после этого я наконец смог отправиться в путь.

Перайямалаи находится приблизительно в трех милях к востоку от деревни. От места, где был убит несчастный письмоносец, до горы — около пяти миль возделанной земли. Джунгли, покрывающие Перайямалаи, здесь отступают вниз по склонам Елагри в направлении той части «полумесяца», которая обращена на север. Все это меня не радовало, ибо давало основание предположить, что пастухи могли видеть другую пантеру, а вовсе не убийцу письмоносца.

Дойдя до подножия Перайямалаи, мои спутники показали уступ скалы, возвышающийся почти на триста футов. Густые заросли лантаны покрывали примерно половину склона Перайямалаи до основания уступа, откуда уже начинался настоящий лес. Здесь происходило то, что часто бывает в лесах южной Индии — паразитирующие заросли лантаны медленно, но уверенно вторгались в джунгли, заглушая деревья. Подобно самой гряде Елагри, Перайямалаи — скалистая гора, на ее склонах громоздятся валуны, и искать пантеру среди скал и непроходимых зарослей было делом безнадежным.

Поэтому я ограничился тем, что выбрал дерево, росшее у подножия горы, после чего вернулся в деревню за приманкой. Патель достал мне осла. В данном случае козел не годился, так как я не собирался сидеть в засидке. Случись пантере убить козла, она сожрала бы его в один присест, тогда как с ослом она не управилась бы за один раз и на следующую ночь возвратилась бы доедать остатки. Но по сравнению с козлом у осла был тот недостаток, что он не блеет.

Я рассчитывал на то, что, если пантера обитает где-нибудь на горе, она с возвышенности увидит осла. Поэтому я достал крепкую веревку и велел пастухам привязать осла под намеченным деревом.

После этого патель и трое или четверо крестьян отправились показать мне место, где был убит письмоносец. Оно находилось в полутора милях от деревни, как раз там, где дорога из Джаларпета проходит между зарослями лантаны и валунами. Я, конечно, проходил здесь прошлой ночью, когда поднимался на гору, освещая себе путь фо-

нарем, но не заметил пятен крови. Это, несомненно, было к лучшему, иначе от моего спокойствия не осталось бы и следа.

Как я уже сказал, останки письмоносеца были перевезены в Джаларпет для кремации, поэтому задерживаться не имело смысла: ничего нового обнаружить все равно не удалось бы.

Примерно в трехстах ярдах вверх от тропинки росло ореховое дерево кешью, под которым я попросил пателя привязать еще одного осла.

Затем мы отправились назад в деревню, и я посоветовал там, где к ней ближе всего подступал дикорастущий кустарник, привязать третьего осла. Пателю снова пришлось употребить свое влияние, чтобы достать ослов.

К часу дня подготовка закончилась, и мне ничего не оставалось делать, как ждать. Я мог надеяться только на то, что ночью пантера убьет одного из трех ослов, если, конечно, наткнется на него. Судя по тому, что пантера к тому времени растерзала не так уж много людей, она, очевидно, существовала за счет другой добычи.

Патель угостил меня кушаньем из риса с приправой из бобов, баклажанов и лука с его огорода, обильно сдобренным чилли — красным стручковым перцем. От острого чилли лицо мое покрылось испариной. Заметив это, удивленный хозяин начал было извиняться, но я прервал его на полуслове, заверив, что обед мне очень понравился. Затем я сделал пару глотков кофе и почувствовал полное удовлетворение.

Чтобы как-то скоротать время, я отправился к себе на ферму и проболтался там до конца вечера. Вам, возможно, небезынтересно узнать, что мой небольшой участок был очень густо засажен. У меня росло черпильное дерево, из плодов которого получают черную жидкость для изготовления чернил для меток. Обычно служащие прачечных и дхоби* перед стиркой ставят на углу каждой вещи инициалы владельцев. Метки, сделанные этими чернилами, не смываются. Три хлебных дерева давали мне плоды весом от двух до двенадцати фунтов; кроме того, на ферме росло несколько деревьев гуайавы и персиков и был разбит огород. Перед двумя коттап** с глинобитными

---

* Каста прачек, производящих стирку традиционным способом.

** Искаженное «коттедж».

стенами, крытыми толстым слоем сена вперемишку с соломой чолам*, был небольшой садик, усаженный розами и кротоном. В то время я развел около сорока кур различных пород, в том числе леггорнов, родес, черных минорок, а также с десятков уток. Питьевую воду давал небольшой колодец, в который я для очистки воды пустил несколько рыб, привезенных из Бангалура. Границей участка перед фасадами коттаи служил небольшой ручеек, а с трех других сторон — высаженные в ряд бамбуковые деревья. Хотя и маленький, участок был чрезвычайно уютным уголком для воскресного отдыха.

Около половины моей земли находилось в низине, по краю которой и протекал ручеек. Я отвел от него воду для орошения и выращивал разновидность черного риса, когда-то вывезенного из Бирмы и известного под названием «рис из Пегу**». Редко где еще в Индии он рос. Многие пробовали его сеять, но неудачно.

Ферма была примечательна тем, что о ней ходили слухи, будто один из коттаи часто посещал призрак брата англо-индийской*** леди, у которой я в 1941 году купил ферму за пятьсот рупий, или тридцать пять фунтов стерлингов. Бывший хозяин умер от какой-то таинственной болезни, проявлявшейся во внезапных приступах мучительной боли в левой руке и в груди. Возможно, это была грудная жаба. Он был очень привязан к своей ферме, которую создал на пустом месте и где прожил больше двадцати пяти лет. Не имея семьи, он оставил ферму сестре. Рассказывали, что после смерти хозяина проходившие мимо крестьяне не раз видели его в сумерках перед одним из коттаи. Нечего и говорить, что жители деревни стали обходить ферму стороной.

Сестра покойного, по-видимому, опасаясь, что, узнав о «призраке», я могу отказаться от сделки, сообщила мне о его «посещениях» только на следующий день после того, как я оформил купчую у помощника нотариуса и уплатил в его присутствии деньги. Она уверяла, что брат бродит иногда ночью вокруг обоих коттаи, что она много раз ясно видела его в лунном свете около розовых кустов, которые

---

* Вид проса.

** Область в Бирме.

*** Англо-индийцы — дети от смешанных браков англичан с индийцами.

он особенно любил, но поспешила добавить, что «дух» был совершенно безобидным, не издавал звуков и не причинял никому неприятностей, а при приближении к нему людей немедленно исчезал.

Чуть было не забыл сказать, что вместе с коттаи ко мне перешла и кое-какая старая мебель: по кровати в каждом доме, сломанный туалетный столик, два комода и три или четыре колченогих стула. Кровати были старомодные, с досками вместо сеток.

Мне хорошо запомнилась первая ночь, которую я провел в том самом коттаи, где умер хозяин фермы; шел дождь, а крыша второго коттаи протекала. Я расстелил плед прямо на кровать и лег спать. Однако неровные доски врезались мне в спину, и, промучившись некоторое время, я решил, что на полу будет удобнее. Конечно, электрического освещения и в помине не было, поэтому я зажег свечу, переложил плед на пол и, загасив свечу, улегся. На этот раз мне повезло, и я заснул немедленно.

Не знаю, в котором часу я проснулся. Было еще совершенно темно. Что-то тяжелое и лишнее двигалось по мне; движение прекратилось у моего горла, и два ледяных пальца обхватили его.

Природа не оделила меня богатым воображением, я не боюсь темноты и не суеверен. Но тут мне немедленно пришел на ум призрак хозяина, я вспомнил, что оставил фонарь на подоконнике и не знаю, куда дел спички. Все эти мысли пронеслись у меня в голове одновременно, тогда как холодные влажные пальцы явственно шевелились и, казалось, еще крепче сжимали мое горло. Я почувствовал, как у меня волосы встают дыбом. В ужасе я вскочил и кинулся к окну за фонарем, опрокинув по дороге стул, который развалился при этом на части. Истуканно шаря в темноте, я наконец нащупал фонарик и нажал кнопку, ожидая увидеть призрак, протягивающий ко мне свои бледные руки. Вместо этого на полу лежала жаба невиданных размеров. Черная, скользкая, величиной почти в фут, она приползла в коттаи укрыться от дождя.

Этот случай показывает, что могут сделать с человеком нервы. Я буквально был мертв от страха при мысли, что столкнулся с чем-то неведомым мне, с чем-то сверхъестественным, а несколько секунд спустя, подсмеиваясь над собой, подтолкнул жабу носком домашней туфли к двери и вышвырнул ее на дождь.

На следующее утро все три приманки оказались живы, и я снова провел день на ферме. Прошла еще ночь, а ослы по-прежнему здравствовали, но появились кое-какие новости. После смерти письмоносца почту на холм стали доставлять трое: новый письмоносец и два охранявших его чаукидара, то есть стражника. В дополнение к «символу должности», который автоматически перешел к премнику убитого письмоносца, они были вооружены примитивными копьями. Эти трое взволнованно рассказали в деревне, что на выступе скалы приблизительно в четверти мили ниже того места, где был убит письмоносец, видели гревшуюся на солнце пантеру.

Патель немедленно послал с этим известием одного из жителей деревни ко мне. Чаукидары вызвались проводить меня. Мы быстро прошли расстояние до скалы — немногим более двух миль, но выступ был пуст. Разыскивать пантеру в такую жару, к тому же среди скал, казалось бесполезным. Но я радовался хотя бы тому, что ее видели: значит, она все еще находится в окрестностях. Прежде чем вернуться, я снова осмотрел приманку, привязанную под деревом кешью, и выбрал ветку, на которой в случае необходимости можно было устроить махан.

Ночь принесла нам удачу, а ослу — гибель: его в темноте убила и наполовину съела пантера.

Это обнаружили рано утром люди, которых я послал накормить и напоить ослов. Прикрыв останки от стервятников, они вернулись сообщить новость.

Я позавтракал пораньше и, захватив пальто, фонарь, флягу с чаем и немного печенья, отправился в деревню, где патель с готовностью одолжил мне чарпай*. Четыре добровольных помощника отнесли кровать к ореховому дереву, подвесили ее и укрепили веревками. Я показал им, как замаскировать кровать мелкими ветками и листьями, чтобы ее не было видно, ибо знал, как это важно. Малейшая небрежность может повлечь за собой неудачу. Лист, повернутый нижней частью кверху, чарпай, видная с одной из сторон, набросанные под деревом ветки и сучья — все это вызывает подозрения у людоеда, который всегда с большой осторожностью возвращается к оставленной добыче.

---

* Индийская кровать, представляющая собой переплетенную веревками деревянную раму на четырех ножках.

Когда все было готово, я нашел только один недостаток — махан был устроен слишком низко над землей, на высоте не более десяти футов. К тому же на дерево было нетрудно взлезть.

Около половины третьего сопровождавшие меня люди ушли. Я велел им, если ночью не приду в деревню, вернуться на рассвете, и уселся в махан.

День был знойный, и громоздившиеся вокруг раскаленные скалы излучали жар. Дерево плохо защищало от изнуряющей жары, и я по-настоящему обрадовался, когда наступил вечер и солнце начало садиться за Майсурское плато. Далеко подо мной на равнине я мог различить Джаларпет и кремовые дымки маневрировавших на станционных путях паровозов. Время от времени в тишине отчетливо слышались свистки прибывавших и уходящих составов.

Перед наступлением сумерек где-то вдалеке прокричал павлин и пара козодоев пролетела мимо. Находясь на склоне горы, лицом к западу, я мог наблюдать, как темнеют равнины, словно одеваясь в черную мантилью, в то время как надо мной, на вершине горы, задерживался последний отблеск уходящего дня. Огни Джаларпета один за другим погасли. Дольше всех светились голубоватые неоновые лампы станционных платформ и маневровых путей. То тут, то там я различал красные и зеленые огоньки железнодорожных сигналов. С севера в Джаларпет шел поезд. Главный фонарь паровоза отбрасывал далеко вперед полосу света. Поезд подошел к подъему, и ныхтение локомотива, старавшегося его преодолеть, складывалось в моем воображении в слова: «Если он сможет сделать это... я смогу... если он сможет сделать это... я смогу». Эти звуки и скрежет тормозов раздавались как будто совсем рядом, хотя в действительности они доносились с расстояния по крайней мере пяти миль.

Меня окутал мрак. Ночь была безлунной. По небу мчались темные облака, некоторые из них сливались с вершинами Елагирн. Темнота все сгущалась: на небе не было приветливых звезд, и мне оставалось надеяться только на свой слух.

Насекомые в этот вечер молчали. Даже дружелюбного стрекотания кузнечика — и того не было слышно. Я неподвижно сидел на подвешенной кровати, а над моей головой жужжали москиты. Они усаживались на лицо и

руки и прокалывали своим хоботком-иглолкой кожу, причиняя острую боль. Я шевелил рукой или пальцами или же, слегка оттопырив нижнюю губу, бесшумно дул на лицо. Часть москитов улетала, остальные же продолжали кружиться надо мной, досаждая своими укусами.

Я привык сидеть в джунглях в махане и потерял счет времени. Да и что пользы смотреть на часы, если заставить время идти быстрее не в моих силах.

В подобных обстоятельствах в голову лезут всякие мысли, всплывают воспоминания. В этот вечер я почему-то раздумывал над проблемой изобретения нового велосипеда, развивающего большую скорость и покрывающего огромные расстояния при минимальной затрате энергии. Что только ни придет в голову человеку, мозг которого бездействует!

Слабый вздох прервал мои размышления. Я понял, что пантера пришла и стоит над останками осла.

Я рассудил, что зажечь фонарь и стрелять преждевременно. Благоразумнее было дать пантере приступить к трапезе. Потом я очень жалел об этом решении, так как упустил выстрел, который в случае удачи предотвратил бы гибель еще одного человека.

Я выжидал, надеясь услышать звуки раздираемого мяса и хруст костей, но время шло, а их все не было.

По опыту я знал, как бесшумно умеют передвигаться хищники, особенно пантера, которая может беззвучно прийти и уйти и остаться незамеченной даже днем. Сейчас она могла быть и за ярд и за милю от меня — разве в таком крошечном мраке разглядишь!

Я посмотрел на светящийся циферблат моих часов. Было без двадцати девять. Я сидел не шевелясь. Пошел уже десятый час, как вдруг со стороны камней справа от меня я услышал глухое рычание. Через несколько секунд оно повторилось.

Каким-то образом пантера узнала о моем присутствии. Учуять меня она не могла, ведь обоняние у пантеры или очень слабое или вовсе отсутствует. Услышать — тоже, так как я сидел не шевелясь. Следовательно, пантера либо случайно взглянула вверх и заметила махан, либо ее предостерегла интуиция.

Рычание стало более громким и продолжительным. Пантера издавала страшные звуки, я решил, что она собирается залугать меня и заставить спрыгнуть вниз или

подзадоривает себя, прежде чем взобраться на дерево, и приготовился к последнему.

Так продолжалось еще несколько минут, затем раздался своеобразный рев-кашель, который пантера издает перед нападением. Когда она оказалась у основания дерева, я перегнулся через край кровати и, нащупав выключатель фонаря, раздвинул маскировочные ветки, чтобы направить ружье вниз. Я знал, что мне следует торопиться. Как я уже сказал, махан находился низко над землей, дерево было очень удобным для лазанья, и пантера могла мгновенно добраться до меня.

К несчастью, на нее упала одна из маскировочных веток. Она, несомненно, помешала хищнику двигаться вверх по стволу, но в то же время скрыла его от света моего фонаря. Взглянув вниз, я увидел колыхавшуюся ветку и решил, что пантера под ней.

И в этот момент я ошлошал. Вместо того чтобы выждать, пока мой враг освободится от ветки, я поспешил прицелиться туда, где должна была находиться пантера, и нажал спусковой крючок. За звуком выстрела последовал шум падающего тела. Какую-то долю секунды я думал, что убил ее. Коснувшись земли, пантера вывободилась из-под ветки, в которой зашуталась, и я на миг увидел очертание ее желтого тела, проскользнувшего в подлесок прежде, чем я успел перезарядить ружье.

Я осветил фонарем в том направлении, куда она исчезла, но ничего не увидел и не услышал. Вокруг царил тишина. Может быть, пантера лежала в кустах мертвая или раненая, а может, ушла и находилась уже далеко. Выяснить это было невозможно.

Я продолжал шарить вокруг лучом фонаря, а затем выключил его, надеясь в темноте уловить какой-нибудь шум. Через час я наугад пальнул в кусты. Эхо многократно повторило звук выстрела, но пантера не подавала признаков жизни.

Я подождал до половины двенадцатого. Услышав громкий свист экспресса Мадрас — Кочин, я спустился с дерева и пошел к коттеджу. При этом я был совершенно спокоен: если бы пантера была ранена и находилась поблизости, она бы как-то отреагировала на мой последний выстрел.

По дороге я завернул в деревню и рассказал обо всем, что случилось, пателю и взволнованным крестьянам.

На следующий день рано утром я вернулся в деревню. Человек двадцать вызвались мне помочь. По моему совету они собрали несколько дворняжек, и вот с этим-то отрядом, достаточно многочисленным, чтобы чувствовать себя в безопасности, мы двинулись к ореховому дереву.

Останки осла оказались нетронутыми. Отверстие в земле, как раз под деревом, показывало, где пуля ушла в землю. Следов крови нигде не было видно. Мы тщательно обыскали кусты, в которых исчезла пантера и куда я вторично разрядил ружье, а также валуны и подлесок на большой площади вокруг. Было ясно, что я промахнулся и пантера ушла.

Испытывая к себе чуть ли не омерзение, я вернулся со своими спутниками в деревню, где сообщил пателю, что времени у меня больше нет и я уезжаю в Бангалур. Однако я попросил его, если что-нибудь произойдет, снова дать мне телеграмму.

Мадрасский экспресс, проходивший через Джаларпет, в четверть девятого вечера доставил меня домой.

Так закончился первый тур моих встреч с пантерой-людоедом из Елагири.

Против всяких ожиданий от пателя ничего не было. Через два месяца я написал ему. В ответ патель сообщил, что не располагает новыми сведениями о животном. Это наводило на мысль, что пантера отказалась от привычек людоеда или перебралась через горную гряду Джавади, расположенную менее чем в пятнадцати милях к югу от Елагири. Но если бы последнее предположение было верно и на горах Джавади был убит человек, я узнал бы об этом из газет или правительственных сообщений. Поэтому я начал склоняться к первой версии. Разумеется, мой случайный выстрел мог достичь цели, животное могло уползти куда-нибудь в уединенное место и там умереть. Но это представлялось маловероятным.

Прошло еще девять недель, и от пателя пришла телеграмма: пантера появилась и опять убила человека. Меня просили приехать немедленно, и двумя часами позже я уже сидел в попутный поезд.

Около половины девятого вечера я сошел в Джаларпете. Идти в деревню в такое время не имело смысла, и я решил поспать несколько часов в зале ожидания, а на рассвете подняться в горы. План этот оказался неразумным. Сплю я очень чутко, и шум проходящих поездов каждый

раз будил меня. Кроме того, нападение москитов и клопов — последние, казалось, кишели в стуле — заставило меня выйти на платформу и пробродить до пяти утра. Когда я начал подъем на Елагири, уже светало, и в четверть восьмого я добрался до деревни.

Мой друг патель встретил меня со своим обычным радушием и немедленно предложил горячий кофе, разбавленный большим количеством молока. Он рассказал, что три дня назад пантера утром убила девушку, которая пошла за водой к ручью у подножия Перайямалаи. Крестьяне из ее деревни вскоре обнаружили останки и забрали их для кремации. Пантера успела только немного объесть труп; возможно, ей помешали люди, отправившиеся на поиски девушки.

На этот раз я решил использовать в качестве живой приманки козла и сидеть над ним в засидке, так как не мог оставаться в Елагири больше четырех дней. Патель предупредил меня, что козел будет стоять около двадцати рупий. В Елагири было мало козлов, да и хозяева, узнав о спросе на них, взвинтили цены. Я вручил пателю деньги, а сам пока отправился к себе на ферму.

В полдень, съев холодный завтрак, захваченный из Бангалура, я вернулся в деревню и обнаружил, что козла еще нет.

После двух часов дня привели черного козла. Он давно вышел из того возраста, когда, будучи предоставлен самому себе, стал бы бляеть и тем самым привлек бы пантеру. Кроме того, некоторых пантер черные и белые козлы настораживают. Обычно в качестве приманки лучше всего использовать животное с коричневой шерстью, напоминающее диких животных — естественную добычу пантеры. Однако менять козла было уже поздно.

Меня сопровождали патель и четверо или пятеро крестьян; они несли топоры, веревки и ту же самую чарпан, которой я пользовался прошлый раз. Менее чем через час мы пришли в деревню, где жила убитая девушка. Там к нам присоединилось еще двое крестьян. Место, где было совершено нападение, находилось примерно в трех четвертях миль от деревни, около ручья, протекавшего с запада на восток. Его песчаные берега густо заросли лантаной и колючим кустарником «подожди немного». Пантера атаковала девушку возле неглубокого пруда, вырытого крестьянами для того, чтобы иметь воду в засушливое

время года, когда ручей пересыхает. Людоед, очевидно, выследил девушку из-под покрова лантаны.

Все говорило о том, что у этой пантеры совершенно необычные повадки даже для людоеда. Она опять напала на человека при свете дня. Так поступают только тигры, тогда как пантеры-людоеды, от природы трусливые, обычно подкрадываются к своей жертве в темноте. Я был склонен думать, что, когда девушка пришла, животное уже лежало в чаще и не могло побороть искушения отвратить пищу, самой шедшей к нему в лапы.

Я встал на колени и тщательно исследовал заросли лантаны и землю около них. Моя догадка подтвердилась: один из кустов служил просторным укрытием для пантеры. Земля под ним была покрыта толстым слоем сухих листьев, не дававшим возможности обнаружить следы, но слабый, однако отчетливый запах дикого животного убедил меня в том, что пантера время от времени пользовалась этим убежищем.

Я обрадовался: если пантера приходила сюда раньше, она придет снова. Кроме того, Перайямалаи находилась примерно в полумиле отсюда, и на ее вершине среди скал и расщелин пантера могла иметь постоянное логово. Тогда укрытие в лантане было для нее самым удобным местом, где она подстерегала животных, приходивших на водопой.

После того как я изучил обстановку, меня осенило: надо воссоздать как можно более естественную сцену, то есть привязать козла рядом с прудом так, чтобы казалось, будто он пришел на водопой. Я же должен был опередить пантеру и спрятаться под кустом. Услышав блянные козла или завидев его с горы, откуда он будет хорошо заметен, она немедленно направится к засаде, где я буду ее поджидать.

Я изложил план моим спутникам. Они его одобрили, только патель считал, что неразумно подвергать себя такой опасности. Я заверил его, что риск невелик: благодаря густым зарослям лантаны пантера могла подойти ко мне только с одной стороны. К тому же ее внимание будет сосредоточено на козле, и вряд ли она заподозрит, что враг подкарауливает ее в ее же собственном убежище.

И вот мы вбили в землю кол, после чего я пролез под куст, укрепил фонарь на стволе ружья и проверил, хорошо ли он работает. Этот фонарь, приобретенный мной

недавно, питался от трех батарей и давал сфокусированный луч света. Наконец, я не торопясь выпил чаю из фляги и только после этого велел пателю и крестьянам привязать козла за задние ноги к колу, а самим уходить.

До тех пор козла держали в некотором отдалении, чтобы он не знал, что в кустах прячется человек: иначе вряд ли бы он почувствовал одиночество и стал блеять.

Под лантаной было очень жарко. Задолго до того как зашло солнце, я очутился во мраке. Несколько раз поблеяв, козел затих, и мне оставалось только надеяться, что он снова подаст голос с наступлением темноты. Но меня постигло горькое разочарование: сначала до меня время от времени доносился стук его копыт и шум, который он производил, стараясь освободиться от веревки, но затем все смолкло, по-видимому проклятое животное заснуло. Я же должен был всю ночь бодрствовать и быть пачеку. Как я завидовал козлу!

Меня беспокоили москиты, какие-то насекомые бегали по моему телу. Лесные мыши, которые по величине уступают домашним, шелестели в сухой листве и лазали по стволам лантаны. Что-то длинное и мягкое проскользнуло вдоль куста. Змея... Безвредная или ядовитая — я не знал. Несмотря на москитов и насекомых, я сидел совершенно неподвижно и слышал, как она проползла дальше.

Пантера не появлялась. Ничто не нарушало тишины, даже ночные птицы. Время тянулось томительно долго. Стрелка на светящемся циферблате моих ручных часов медленно отмеряла минуты. Меня клонило ко сну, но я не решался поддаться дремоте и закрыть глаза хоть на секунду. Я старался отвлечься и думать о другом, но мысли мои неизменно возвращались к козлу.

Постепенно просачивавшийся серый свет возвестил приближение нового дня. Я вылез из-под куста, чувствуя себя самым презренным человеком во всей Индии. Козел, свернувшись, крепко спал. Он лениво встал на ноги, неторопливо отряхнулся, помахал своим коротким хвостиком и насмешливо поглядел на меня, как бы желая сказать: «Ну что, кто из нас на самом деле козел, ты или я?»

Я отвязал козла и отвел в деревню к пателю. Тот как раз собирался пойти узнать о моих успехах. Я попросил его вернуть черного козла хозяину, сказав, что сам зай-

мусь поисками более подходящей приманки, и ушел к себе в коттан, где проспал до полудня.

Встав, я почувствовал голод и открыл банку лосося, которого съел с хлебом, привезенным из Бангалура. Хлеб уже зачерствел, но я сдобрил его толстым слоем консервированного масла. Это и был весь мой завтрак. На портативной плитке-примусе я вскипятил чай, и он придал мне бодрости. Собрав все необходимое для очередного ночного бдения и наполнив флягу чаем, я вернулся в деревню. К счастью, было так же тепло, как прошлой ночью.

Я попросил пателя сопровождать меня в деревню, где можно было достать козла. После тщательного отбора и ожесточенного торга, я остановился на козленке, который, по-моему, должен был бляеть. Около четырех мы пошли к месту, где я провел прошлую ночь. Через час я уже сидел под кустом, новый козел был привязан, а мои спутники отправились обратно.

Как только они скрылись из виду и замолкли их голоса, козел начал бляеть и бляел непрерывно. Я мысленно поздравил себя с удачным выбором.

К вечеру под лантаной снова стало очень темно, козел громко бляел, а я с нетерпением ожидал пантеру. Прошел час. И вдруг я уловил слабый шорох, чуть слышное потрескивание сухих веток и понял, что она приближается. Решающий момент вот-вот наступит! Теперь главное не зажечь фонаря до того, как пантера окажется полностью в поле зрения, иначе она убежит. Но если я промедлю, она может первая обнаружить меня и напасть.

Нервы мои были напряжены до предела, я продолжал ждать. Вокруг ни шороха, ни звука. Вдруг до меня донеслось слабое шипение. Значит, пантера обнаружила мое присутствие. Она ощерилась, готовясь зарычать, и в этот момент у нее из пасти вырвался шипящий звук. Сейчас или никогда! Мой палец нажал кнопку фонаря. Его свет ударил прямо в белесые, палитые кровью глаза пантеры. Я ясно различил ее морду и грудь, может быть, в десяти футах от меня. Наспех прицелившись ей в горло, я спустил курок винчестера. Пантера сделала шаг вперед и поднялась на задние лапы, но вторая пуля уже угодила ей в грудь. Она повалилась на спину и скрылась из виду. Несколько секунд слышался треск ломаемых сучьев, затем раздался булькающий звук, издаваемый умирающим

животным, который ни с чем нельзя спутать. И все смолкло.

Я подождал еще с полчаса, прежде чем рискнул выйти из кустов, хотя был почти уверен, что пантера мертва. Держа перед собой заряженное ружье, я вылез из-под прикрытия. Первым моим поползновением было отвязать козленка и увести с собой, но потом я подумал, что убитая пантера могла и не быть людоедом. Тогда возвращаться в деревню надо было с максимальной осторожностью и нельзя было брать с собой козла, который неизбежно отвлекал бы мое внимание. Поэтому я оставил его на месте, а сам медленно и осторожно пошел к дому пастеля. Там еще не спали. Рассказав, как все было, я отправился в котан и погрузился в крепкий сон.

На следующий день мы нашли труп пантеры. Это был старый самец с довольно редкой и блеклой шкурой и с ярко выраженными признаками людоеда: клыки его от старости стерлись, когти притупились. Но только время могло сказать, действительно ли я прикончил убийцу.

Днем я со шкурой пантеры спустился с гор Елагири.

Много воды утекло с тех пор, но на Елагири и Джавади не было убито больше ни одного человека. Так что у меня есть все основания считать, что в ту ночь я прикончил людоеда.

СТАРЫЙ МУНУСВАМИ
И ПАНТЕРА ИЗ МАГАДИ

Город Бангалур, где я живу, находится на линии, соединяющей Мадрас на восточном побережье Индии, омываемом Бенгальским заливом, и Мангалур на западном побережье, омываемом Аравийским морем. Бангалур расположен на плато на высоте трех тысяч футов над уровнем моря. Тот, кто жил в этом городе, никогда не забудет его в своем роде исключительный климат, не слишком жаркий и не слишком холодный, не слишком влажный и не слишком засушливый, не забудет восхитительные туманы по утрам в холодное время года, с ноября по середину февраля, и бодрящую прохладу по утрам даже в летнее время. Название Бангалур является английским вариантом слов «бенгал уру», на языке каннада означающих «город бобов», от которых пошла его слава. И действительно, тот, кому хоть раз довелось отведать бангалурские овощи и фрукты как индийских, так и европейских сортов, уже никогда не сможет их забыть.

Бангалур был небольшим селением до конца второй мировой войны, когда стратегическое положение и громадные потенциальные возможности сделали его самым популярным городом Индии. Благодаря притоку беженцев его население увеличилось в три раза, и он превратился в быстрорастущий промышленный центр.

Я, однако, не собираюсь описывать здесь все достоинства Бангалура. Хочу только сказать, что я живу в очень красивом городе. Он раскинулся на нескольких холмах, и

с любого из них видны на горизонте три горы — на севере, северо-западе и западе. Все они расположены в радиусе тридцати пяти миль, высота каждой превышает четыре тысячи футов.

Самая высокая — северная состоит фактически из трех гор, образующих группу Нандидруг. «Друг» означает «горная крепость». Одна из трех вершин, более других выдвинутая на восток, и в самом деле увенчана довольно хорошо сохранившимися остатками древней крепости. Она была построена грозным мусульманским воином Типпу-султаном, прозванным «Тигр Майсура». Крепость известна «обрывом Типпу», имеющим в глубину около шестисот футов. Здесь жестокий военачальник чинил расправу над своими недругами: они должны были с завязанными глазами пройти по узкой качающейся дощечке над пропастью. Тот, кому удавалось дойти до конца и вернуться обратно, был спасен. Однако нигде нет упоминаний о таких счастливицах. Быть может, дощечка слишком сильно качалась или ее слишком сильно раскачивали — кто знает? Историки до сих пор не могут ответить на этот вопрос.

К северо-западу от Бангалура возвышается гора Шиванагага. На ее вершине стоит храм — место паломничества индусов. Там же имеется колодец, о котором говорят, будто у него нет дна. По другой версии, в нем начинается тайный подземный ход, ведущий в Бангалур.

Третья гора, на востоке, называется Магади. Если смотреть из Бангалура, она напоминает сахарную голову, но, поднявшись на нее, вы обнаружите две возвышенности, наподобие горбов верблюда. Между ними лежит долина, заросшая густым лесом, в которую трудно попасть из-за крутых склонов. А случись вам на них оступиться, вас ожидает такой же бесславный конец, как пленников Типпу.

С этой долины я и начну мой рассказ, так как здесь находилось логово пантеры, терроризовавшей Магади.

Возвышенность Магади находится на пересеченной местности, к югу от нее простирается охраняемый лес, покрывающий цепь холмов, которые тянутся более чем на семьдесят миль и недалеко от селения Сангам достигают реки Кавери.

Средняя часть этой цепи холмов, где теснятся ее самые высокие вершины, между городами Клозепет и Кан-

канхали, кишит пантерами. Этот район — рай для моего сына Дональда. Он подстрелил там около сорока пантер и более десяти медведей.

На запад от Магади раскинулась равнина, поросшая низким кустарником. Здесь в изобилии водятся черные олени, зайцы, павлины, куропатки, перепела. Холмы тянутся и дальше на север, но там они значительно ниже. На востоке лежит более всхолмленная местность, а в тридцати пяти милях — Бангалур. Дорога на Бангалур на двадцать третьей миле пересекает сравнительно небольшую реку Аркраварти в том месте, где устроена запруда. Емкость этого водохранилища настолько велика, что оно обеспечивает Бангалур водой даже в самые засушливые годы.

Теперь вы имеете представление о той местности, где впервые появился леопард, о котором пойдет речь. Не думайте, однако, что если я назвал этого хищника леопардом, значит в нем было нечто особенное. Я уже объяснил в начале книги, что леопард и пантера — это одно и то же животное. В Индии, насколько мне известно, без всяких на то оснований более употребительно название «пантера».

События, о которых я собираюсь рассказать, произошли до второй мировой войны.

В некоторых из немногочисленных деревень, разбросанных у подножия Магади, пантера убила нескольких коз и одну или две деревенские дворняжки. Никто не обратил на это особого внимания, так как здесь поколения пантер совершали подобные нападения на глазах у многих поколений людей.

Но со временем пантера становилась все смелее. Она задрала нескольких молодых бычков, а потом и коров.

В Индии бык считается священным животным, и ни один индус не прикаснется к его мясу. Тем не менее бык выполняет всю тяжелую работу. На нем пахут, его впрягают в повозку. Он даже приводит в движение огромные жернова, которые растирают в порошок чунам — гашеную известь. Несмотря на то что бык необходим в хозяйстве и обходится недешево, люди не особенно сетуют, если время от времени пантера убьет быка — лишь бы она не становилась слишком прожорливой. Но когда пантера начинает нападать на коров, дающих молоко, из которого получают гхи — топленое масло, широко используемое по

всей стране и ценящиеся очень высоко, — это уже преступление, и его следует пресечь.

В Бангалуре живет (я употребляю настоящее время, потому что он и сейчас живет там) один субъект по имени Мунусвами, претендующий на роль проводника «охотников-джентльменов». Это большой мошенник. Он привозит в город новости и сообщает их новичкам и неопытным охотникам:

— Мастер, около Уайтфилда, всего в двенадцати милях отсюда, целое стадо, голов сорок, кабанов, которых можно подстрелить.

Или:

— Мастер, в десяти милях по дороге в Магади и в семнадцати милях по дороге в Майсур — стада горных оленей, по пятидесяти голов в каждом.

За информацию он требует умеренное вознаграждение. Если Мунусвами в назначенный день и приходит, чтобы сопровождать к указанному месту новичка, последнему остается только удивляться, куда делись многочисленные кабаны и черные олени, которые, по словам Мунусвами, изобилуют там. Но не вздумайте хоть на минуту усомниться в правдивости Мунусвами. Он очень образовательный и ловкий плут.

— Вот, мастер, — скажет он, — я вам давно говорил: надо было приехать раньше. Вы не послушались. Только вчера на машине приехала целая толпа сахибов — военных офицеров. Они подстрелили двух кабанов. Все остальные сейчас разбежались. Э-э, мастер, приезжайте в другой раз!

Кабаны и черные олени — «детские игрушки» для Мунусвами. Чтобы понять, на что он способен, следует понаблюдать, как он преподносит новости о пантере какому-нибудь несчастному новичку, которому предстоит получить хороший жизненный урок. Он появляется у ворот бунгало или останавливает сахиба на дороге словами:

— Сар, я большой охотник — проводник джентльменов. Я покажу мастеру черных оленей, кабанов, павлинов, зайцев, куропаток и зеленых голубей. Или мастер любит бекасов и диких уток? Их появляется много, много в декабре, во время кистмисса*. Мастер хочет убить очень, очень большую пантеру? Только в пятнадцати милях от-

---

* Искаженное «кримс» — рождество (англ.)

сюда, на дороге в Канканхали, есть огромная. Мастер даст в аванс пятнадцать монет, я привяжу живого осла и сообщу мастеру. Я также построю махан, очень хороший. Мастер убьет пантеру очень легко.

Новичок поражен. Живая приманка всего лишь за пятнадцать рупий? Пантера только в пятнадцати милях отсюда? Кто это говорил, что охота — развлечение дорогое, связанное с большими трудностями?

Итак, пятнадцать рупий вручаются Мунусвами. В этот момент он вдруг вспоминает, что мастер должен дать ему еще две рупии на еду и три рупии на автобус, иначе он не сможет оповестить мастера о том, что пантера убила приманку. Новичку эти требования кажутся весьма умеренными, и он раскошелливается еще на пять рупий. Очень довольный, Мунусвами уходит.

Первым делом он навещает одну из многочисленных местных лавчонок, где продают тодди. Пьет он только тодди и не признает спиртных напитков вроде араки, которые, по его словам, слишком крепки — по крайней мере для него. Но тодди — перебродивший сок кокосовой пальмы — он пьет по три бутылки зараз. После этого старый Мунусвами погружается в глубокий сон.

Пробудившись на следующий день, он ревностно берется за поиски приманки для пантеры.

В Бангалуре имеется два загона для заблудившегося скота и собак. Чтобы получить обратно осла, попавшего в подобный загон, его владелец должен уплатить одну рупию. Если в течение десяти дней владелец не является, неопознанное животное продается с публичных торгов, чтобы покрыть часть расходов по его содержанию. Такие аукционы проводятся дважды в неделю.

Мунусвами ничего не стоило пойти на аукцион и рупии за две приобрести осла. Он даже мог выдать себя за владельца животного и потребовать его возвращения. В конце концов один осел похож на другого, а у зрителя загона не было возможности проверить законность притязаний Мунусвами, особенно если он заявлял их через подставных лиц.

Таким образом осла, за которого сахиб заплатил пятнадцать рупий, Мунусвами достает всего за две, получая при этом доход в тринадцать рупий, что составляет 650% на вложенный капитал. Что и говорить, начало прекрасное!

Затем он отиравается в путь, проходит несколько миль до места, где, по его словам, должна находиться пантера, и на два дня привязывает осла. На третий день он рано утром сам его убивает. Делается это так. У Мунусвами есть огромный складной нож — из тех, что имеют с десяток различных приспособлений, в том числе круглый инструмент с острым концом, предназначенный, по-видимому, для удаления камней из копыт лошадей. Так мне по крайней мере говорили, хотя сам я в этом вовсе не уверен. Этим примитивным орудием Мунусвами перерезает яремную вену животного, а когда оно падает, наносит ему на шею еще четыре раны, по две с каждой стороны. Концом лезвия того же ножа он вспарывает ему брюхо, разбрасывает кругом внутренности, вырывает несколько больших кусков мяса, а затем прикрывает труп ветками. Наконец из грязной сумки он извлекает таинственный предмет. Знаете, что это такое? Главный козырь Мунусвами — лапа пантеры, набитая соломой. Ею он воспроизводит в нескольких местах следы зверя.

Когда его как знатока удовлетворяет общий вид картины, он останавливает грузовик и за несколько анна доезжает до города, где, чрезвычайно возбужденный, находит сахиба. Волнение передается и повичку. Он заставляет «миссуе» * в нестовой спешке готовить сэндвичи и чай для термоса, а сам чистит ружье, собирает патроны, фонарь, батарею и множество других вещей, как правило, совершенно бесполезных. Затем он с Мунусвами на полной скорости мчится к тому месту, где пантера совершила «убийство».

Мунусвами показывает «следы» на земле, отпечатки «зубов» на шее осла, и у сахиба не остается никаких сомнений. Мунусвами же руководит сооружением махана, для чего нанимает двух кули, требуя в уплату каждому по две рупии, хотя выплачивает им только двенадцать анна **. Наконец, прежде чем сахиб забирается в махан, Мунусвами заключает с ним сделку: если сахиб убьет пантеру, он должен дать Мунусвами бакшиш в двадцать рупий; если мастер промахнется (это вина самого мастера), он должен дать своему покорному слуге десять рупий; если вдруг пантера не придет (а мастер не должен

---

* Искаженное «миссис».

** Рупия делится на шестнадцать анна. -

забывать, что пантера очень и очень хитрое животное и иногда не возвращается на место убийства), он должен дать Мунусвами пять рупий. Ведь ему пришлось под палящим солнцем выполнять для мастера очень тяжелую работу. Сделка заключается. Как ни странно, Мунусвами так же доверяет мастеру, как мастер ему.

Итак, пантера не приходит. Не приходит по той простой причине, что ее вообще нет. Первым делом Мунусвами заботится о том, чтобы положить в карман свои пять рупий, затем начинает утешать мастера, напоминая ему, что пантера — очень загадочное существо и в следующий раз может прийти. Он предлагает привязать другого осла. История повторяется снова и снова до тех пор, пока новичок не теряет надежду даже увидеть одного из этих неуловимых животных и не решает ограничить свой интерес дикими утками и куропатками. Однако и здесь Мунусвами незаменим.

Вы можете спросить: «Откуда вам все это известно?» Когда-то я тоже был новичком, и Мунусвами не меньше четырех раз обводил меня вокруг пальца. Однажды произошел непредвиденный случай. В то время как Мунусвами показывал мне «следы зверя», наблюдавшая за нами бродячая собака вдруг стрелой кинулась в кусты и вытащила оттуда полотняный мешок. Мунусвами, очень испуганный, помчался за ней. Собака убежала, но из мешка вывалился какой-то пятнистый предмет. Мунусвами кинулся к нему. Я тоже. Это была набитая соломой лапа пантеры. Тогда, под угрозой мучительной казни, даже более мучительной, чем участь ослов, Мунусвами детально изложил свой *modus operandi* * в том самом виде, в каком я пересказал его вам.

Я человек терпимый и придерживаюсь правила: «живи сам и давай жить другим». Если новички такие же дураки, каким был я, только и ждущие того, чтобы их «ощипали», почему бы Мунусвами и не делать этого? Поэтому я никогда не портил его игры, и Мунусвами даже в некотором роде любит меня.

Не подумайте, что, рассказав вам эту историю, я на этот раз поврежу ему. Очередному новобранцу в армию охотников, которых полно в Бангалуре, Мунусвами каждый раз представляется под новым именем: то Рамайяха,

---

* Способ действия (лат.)

то Пуйяха, то Пунайяха. На тот случай, если вам когда-нибудь придется побывать в Бангалуре и захочется пополнить наши ряды, я помогу вам, описав внешность Мунусвами. Если вам представится на английском языке в качестве «проводника джентльменов-охотников» пожилой смуглый человек, высокий и тощий, с длинными волосами, завязанными узлом на затылке, с большими выпуклыми глазами, в тюрбане или в кепке на голове, одетый в дхоти *, ланготи **, шаровары или шорты, то даже если он назовется Джеком Джонсоном, держитесь от него подальше и предусмотрительно закройте свой кошелек в ящик. Почти наверняка это будет мой старый друг Мунусвами, «вестник счастливой удачи», проводник-обманщик.

Вы можете решить, что, разглагольствуя об этом человеке, я слишком отвлекаюсь от основного рассказа. Это не так, поскольку он играет довольно видную роль как в начале, так и в конце этой истории. Кроме того, я уверен, что вы получили удовольствие от знакомства с таким необыкновенным персонажем.

Так вот, этот самый Мунусвами прослышал о проделках пантеры, которая начала убивать быков и коров в районе Магади. Не подумайте, что, хотя Мунусвами постоянно создает пантер вымышленных, он ничего не знает о настоящих. Отнюдь нет! Много лет назад, когда Мунусвами был молод, а времена не были такими тяжелыми, он сам охотился и хорошо изучил этих животных. Поэтому, когда до него дошли слухи о пантере из Магади, он на автобусе добрался до горы и там из первых рук собрал сведения, из которых явствовало, что пантера довольно часто нападала на крупный рогатый скот и коз.

Нетрудно себе представить, что проделки Мунусвами и тот странный факт, что все отправлявшиеся с ним на охоту никогда не видели пантеры, не могли не повредить его репутации проводника. А ведь с ним была тесно связана добрая половина господ, охотившихся в тех краях, как европейцев, так и индийцев. Создалось плачевное для Мунусвами положение, непосредственно отражав-

---

* Мужская одежда: кусок ткани, повязанный вокруг талии и обернутый вокруг бедер и части ног — в различных частях Индии по-разному.

** Узкая набедренная повязка.

шееся на его кошельке, а следовательно, и на желудке. Пора было реабилитировать себя.

Частые и наглые налеты пантеры позволяли надеяться, что выследить ее будет нетрудно. В Мунусвами пробудился охотничий инстинкт. Он решил, что убьет зверя, а затем разрекламирует это событие: устроит процессию и под звуки тамтама на телеге, запряженной волами, торжественно провезет труп пантеры по улицам Бангалура. Более того, он снимется рядом с ним и подарит фотографии тем клантам, которые еще поддерживали с ним отношения. Тем же, которые от него отвернулись, он пошлет фотографии почтой. На обратной стороне каждой из них он сделает краткую надпись, гласящую, что в таком-то месте и в такой-то день охотник Мунусвами убил пантеру, потому что сахибы, которые приезжали вместе с ним, не могли ее убить, несмотря на всяческую помощь, оказанную им Мунусвами.

Чем больше размышлял старый Мунусвами, тем больше нравилась ему его выдумка. Она заставит людей задуматься и поможет исправить его подпорченную репутацию.

Свое ружье Мунусвами давно продал и теперь каким-то образом раздобыл старую 12-калиберную двустволку с курковым механизмом. Затем вернулся в район Магади и объявил крестьянам, что он, Мунусвами, старый «шикар»*, некогда служивший генералам и вице-королям, явился, чтобы убить животное, которое причиняет им такой урон. Он сообщил, что обоснуется в деревне Магади, расположенной примерно в четырех милях к северу от горы, название которой она носит, и просил немедленно известить его, если пантера снова нападет на скот.

Спустя два дня пантера задрала корову. Захватив с собой пулю и картечь, одолженные вместе с ружьем, Мунусвами отправился к месту происшествия и соорудил махан. Хотя ему удалось попасть пулей в плечо пантере и всадить в нее находившийся во втором стволе заряд картечи — для верности он стрелял сразу из обоих, — пантера все же ушла. Взвесив обстоятельства, Мунусвами решил, что слишком стар, чтобы разыскивать раненую пантеру. Преимущества от пропаганды «подвига», которыми он так распалил свое воображение, казались ему теперь ни-

---

* Охотник (хипди).

чтожными по сравнению с опасностью преследования животного по кровавому следу. Решив вернуться сюда как-нибудь днем, Мунусвами отправился в Бангалур.

История, как известно, повторяется, и все пошло своим чередом. Пантера снова начала охотиться на собак и коз около деревень, расположенных вдоль дороги из Магади в Клозепет протяженностью в двадцать две мили. Два раза она напала на пастухов, пытавшихся спасти своих коз. В результате мужчина и мальчик были покалечены.

Затем произошел случай с пони. Однажды ночью на станции Клозепет из майсурского поезда высадились трое. Автобус в этот час не ходит, и прибывшие решили проехать до нужной им деревни, находившейся в десяти милях от Клозепета, на джатке. Джатка — двуколка, с полукруглым верхом из циновок, уложенных на бамбуковый остов. В нее впрягают пони некрупной породы, специально тренированного для этой цели. От обычных деревенских «тат»* они отличаются только более короткими гривами и хвостами.

Джатка прибыла к месту назначения, и пассажиры высадились. Возница решил переночевать в деревне и возвратиться в Клозепет утром. Он выпряг пони, задал ему сена, которое привез в джутовом мешке, подвешенном под джаткой, и лег спать.

Очевидно, покопавшись с сеном, пони отправился бродить по деревне, надеясь найти какую-нибудь растительность. Так он очутился на окраине.

Вдруг из-за последней хижины на него вскочил какой-то зверь и начал рвать ему горло. Пони с громким ржаньем поскакал назад. Хищник не смог удержаться и упал, успев, однако, нанести пони серьезное ранение. Это была пантера.

Ржание напуганного пони и рычание пантеры разбудили возницу, и он увидел мчавшуюся к нему лошадку. Животное остановилось, дрожа от страха. Из его горла текла кровь. Погонщик немедленно поднял тревогу.

Пони не мог везти джатку, и на следующее утро хозяин отвел его в Клозепет, где заявил о случившемся в полицию. Новость распространилась, стало известно, что в окрестностях появилась пантера, которая в один прекрасный день может стать людоедом.

---

* От «татту» — индийский пони (хинди).

Вскоре после этого в двух милях от деревни Магади пападению подвергся человек. Крестьяне, работавшие неподалеку на полях, бросились бедняге на помощь. Он лежал на земле, сильно искусаанный и исцарапанный. Его отнесли в Магади и поместили в больницу. Был составлен акт, и местный дафедар — это звание приблизительно соответствует сержанту, — старший по чину в деревне и начальник полицейского участка, на велосипеде отправился на место происшествия. Его сопровождал констебль.

Пока он рассматривал пятна крови и следы зверя и составлял, быть может, длиннейший протокол, который в подобных случаях пишут полицейские, кто-то взглянул вверх и закричал, что на обнаженной каменной вершине небольшого пригорка, едва ли в двух фарлангах * от них лежит пантера. Увидев ее, дафедар взял велосипед у констебля и, изо всех сил нажимая на педали, помчался в деревню за одним из трех ружей, составлявших весь арсенал полицейского участка.

Хотя обратно он ехал так же быстро, пантера успела скрыться за вершиной холма. Крестьяне посоветовали дафедару обогнуть холм, — расстояние было невелико, — и перехватить пантеру на другой стороне.

Дафедар, человек храбрый и энергичный, взял с собой одного из жителей деревни, чтобы тот показал ему кратчайший путь, и поспешил в обход холма, пополнив свое вооружение 303-калиберной винтовкой. Индийские полицейские вооружены такими же винтовками, что и военнослужащие, но без магазина для патронов, так что при нажатии на спуск из них можно произвести только один выстрел. Эта мера предосторожности охлаждает пыл полицейских, жаждущих спустить курок во время местных беспорядков и стычек. Поэтому ружье дафедара было заряжено одним патроном, а еще два или три лежали у него в кармане.

С другой стороны холма не было и признаков пантеры, лишь груды валунов громоздились вокруг. Крестьянин предложил подняться на холм, так как зверь мог находиться где-нибудь поблизости. Едва они начали подниматься, как из-за скал выскочила пантера. Растерявшийся от неожиданности дафедар выстрелил, не целясь,

---

* Мера длины, равная приблизительно двумстам метрам.

и промахнулся. В следующую секунду он уже лежал на траве, пантера сидела на нем и царапала и кусала его грудь и руки, а его спутник со всех ног несся вниз с холма.

Утолив свою ярость, пантера, еще не ставшая людоедом, оставила раненого полицейского и вернулась в свое убежище за скалами. Тем временем крестьянин добежал до места, где находились констебль и второй крестьянин, и сообщил им о том, что случилось. Констебль вскочил на велосипед и помчался в участок.

Захватив оставшиеся в козлах два ружья и дополнительно вооружившись палками, четверо представителей закона поспешили на холм. По дороге к маленькому отряду присоединилось несколько крестьян. Он насчитывал более десяти человек, когда подобрал дафедара, который был в очень тяжелом состоянии. На следующий день его на санитарной машине отвезли в Бангалур.

Проказы пантеры были известны и раньше, но когда она напала на представителя власти, и притом дафедара, полиция зашевелилась. Не много понадобилось ей времени, чтобы отыскать корень зла. Оказалось, что во всем виноват жуликоватый проводник охотников, старый Мунусвами. Он был пойман с поличным. Свидетели показали, что он соорудил махан, подкараулил пантеру и ранил ее. Для этого он должен был пользоваться огнестрельным оружием. Есть ли оно у него? Если да, имеет ли он лицензию на право ношения оружия? Не прячет ли он оружие, на которое не имеет лицензии? Или он его одолжил? У кого? Почему? Когда? Где? Имеет ли владелец оружия лицензию? Сколько Мунусвами взял патронов?

Посыпался сто один вопрос. Бедный Мунусвами попал в переделку. Предъявленные ему обвинения, завершавшиеся выводом, что, в случае смерти дафедара от ран, старого охотника будут считать «потенциальным человекоубийцей», заполнили целую страницу и, без сомнения, могли служить основанием для того, чтобы на долгие годы упрятать его за решетку.

Тут на помощь Мунусвами пришла его врожденная сообразительность, и он заключил одну из самых выгодных своих сделок. Он обязался в течение четырех дней застрелить пантеру и положить ее к ногам начальника полиции округа. Если это ему не удастся, полиция может делать с ним все, что угодно. В противном случае все обвинения против него должны быть сняты.

Начальник полиции округа, человек практичный, был больше заинтересован в уничтожении пантеры, чем в судебном преследовании Мунусвами. Пантера со временем неизбежно превратилась бы в людоеда, тогда как маловероятно, чтобы Мунусвами, несмотря на все свои мошеннические проделки, дошел до этого. Поэтому начальник полиции округа дал ему четыре дня и выпустил на свободу.

В тот же день я услышал у парадной двери настойчивый призыв: «Сар, сар!». Это был Мунусвами. Слезы текли по его щекам (как он умел их вызывать, было его секретом, который он мне еще не раскрыл), когда он поведал мне от начала до конца о своей горе, а заодно и все, что знал сам или что ему удалось узнать о пантере — большую часть этого я уже рассказал.

Он твердил, что получил только четыре дня, чтобы убить пантеру, что в случае неудачи его отправят в «большую-большую тюрьму». Смеясь, я спросил Мунусвами, почему он не убежал. Такая мысль возникала у него, но где еще в Индии сможет он найти сахибов-спортсменов, столь щедро дающих деньги, аукционы, где можно приобрести живого осла всего за две рупии, и, о!.. многие другие преимущества, которыми он пользуется в Бангалуре. Эти мысли сломили старика, и слезы полились по его щекам еще обильнее. Я бы не удивился, если бы узнал, что часть их была искренна.

Буду ли я настолько любезен, чтобы помочь ему убить пантеру? Я бы спас его и, о!.. многих других людей, которые еще могут стать ее жертвами.

Я уступил последнему доводу, но не скрыл от Мунусвами, что первый меня мало трогает. Он не обиделся. Я согласился помочь ему при одном условии: поскольку он, несомненно, виновник всех злоключений, он должен быть около меня до конца охоты.

Старик в знак согласия улыбнулся. Странное дело, его слез как не бывало.

В тот же вечер я отправился к начальнику окружной полиции и со смехом передал ему разговор с Мунусвами. Я заявил полицейскому, что не знаю, насколько серьезно он относится к четырехдневной отсрочке Мунусвами, но что такое ограничение будет мне только помехой, так как мне хотелось бы взять с собой старого мошенника и было бы досадно, если бы на пятый день полиция увела его.

Начальник полиции ответил, что действительно собирался предоставить Мунусвами четыре дня, но, поскольку я возглавлю охоту, он больше не будет вмешиваться. Кроме того, он дал мне письмо, в котором приказывал всем полицейским властям оказывать всяческое содействие.

Конечно, я не рассказал об этом Мунусвами, чтобы не охлаждать его пыла, а напротив, убедил его, что сахиб начальник полиции округа уже начал жалеть о четырехдневной отсрочке, хотел сократить ее до трех дней, но что я вступился за него и в самый последний момент спас положение.

Мунусвами проникся ко мне еще большей благодарностью и горел нетерпением как можно скорее отправиться в путь. Рано утром на следующий день мы на «студебеккере» доехали до Магади и начали расспрашивать жителей деревень, расположенных у ее подножия. Так мы дошли до деревни Магади, и я переговорил с констеблем, спасшим жизнь своему дафедару. Оттуда мы на машине добрались до Клозепета. По дороге мы останавливались в каждой встречной деревне и задавали вопросы снова и снова. Побывали мы и в той деревне, где пантера совершила нападение на пони. В Клозепете я показал записку начальника полиции округа местному помощнику инспектора. Он немедленно послал за возницей джатки, и тот рассказал, что случилось с его пони.

Опрос продолжался до позднего вечера, но тем не менее я не встретил ни одного человека, который знал бы местонахождение логова пантеры или ее повадки. Я-то, конечно, понимал, что спешить незачем, но мрачное лицо Мунусвами приняло еще более страдальческое выражение, когда стало ясно, что один из дарованных ему четырех дней прошел безрезультатно.

Мы вернулись в деревню Магади и провели там ночь в бунгало для путешественников.

Наутро перед нами предстал худой человек, назвавшийся Алмуту. Он рассказал, что зарабатывает себе на жизнь тем, что собирает мед на окрестных холмах, разыскивает лечебные травы и, когда представляется возможность, ставит силки на зайцев, куропаток и перепелов. Услышав прошлой ночью, что мы с Мунусвами объезжаем окрестности в поисках сведений о пантере, он при-

шел сообщить, что, по его наблюдениям, зверь обитает в пещере, находящейся в ущелье горы Магади.

Я спросил его, почему он так думает. Несколько недель назад, собирая в том месте травы, он заметил, что между скалами прошло истекавшее кровью животное, которое оставило за собой отчетливый след. Идя по нему, он обнаружил там, где животное спустилось со скалы, отпечатки лап пантеры. Дальше он не пошел. Позже ему рассказали, что днем раньше недалеко от этого места кто-то ранил пантеру. Этим неизвестным был Мунусвами.

Он знал о существовании пещеры, так как раньше не раз собирал в ней мед. Два дня назад, вернувшись из Кловепета и не зная о случившемся накануне нападении на дафедара, он подошел к пещере, желая проверить, начали ли пчелы строить соты. Вдруг из пещеры раздалось рычание. Вспомнив кровавый след, он мгновенно покинул долину.

Это была важная новость.

Алимуту брался проводить меня до пещеры при условии, что около фарланга я проползу на четвереньках через густые заросли лантаны.

Я согласился и сказал Мунусвами, что пришло время выполнить наш уговор: во искупление зла, которое он совершил, ранив пантеру, сопровождать меня на охоту.

Не подумайте, что он стал отказываться. Полиция так запугала Мунусвами, что он боялся не встречи с пантерой, а того, что оставшиеся три дня пройдут впустую.

Дожидаясь, пока солнце начнет припекать, я не спеша позавтракал: надо было дать пантере погрузиться в своем логове в дневной сон. Появись я слишком рано, животное могло услышать меня и скрыться.

Ровно в десять мы отъехали на машине от бунгало и менее чем через пятнадцать минут оказались почти точно напротив долины, расположенной в седловине горы. Здесь Алимуту велел остановиться. Я поставил машину в тени дерева у обочины дороги, и мы вышли. Нажав на ложе ружья, я проверил, хорошо ли ходит механизм. Затем Алимуту, Мунусвами и я направились к Магади, находящейся примерно в двух милях от дороги. Вскоре мы достигли ее подножия и начали подниматься к долине, которую заслоняли от нас деревья. Поверх их раскидистых крон мне были видны возвышавшиеся слева и справа вершины горы.

Подъем был трудным, и мы карабкались целый час, пока достигли зарослей лантаны, совершенно заглушивших деревья и подлесок. Вот здесь-то и надо было пробираться ползком.

Могу вас заверить, нам стоило большого труда преодолеть это небольшое расстояние. Алимуту полз впереди, я на небольшом расстоянии — за ним, а за мной почти вплотную следовал Мунусвами. Когда мы миновали пояс лантаны, пот лил с нас ручьем, а моя рубашка цвета хаки и брюки во многих местах были разорваны. Уверен, на крючкообразных колпачках, которыми усыпаны ветки лантаны, остались частицы моей кожи — с лица, шеи и кистей рук.

Наконец мы вырвались из зарослей и вступили в долину. Нас окружали крупные валуны, наполовину прикрытые высокой острой травой. Алимуту прошептал, что пещера налево, до нее надо пройти три четверти долины. Увидеть пантеру было бы невозможно, даже если бы она находилась совсем рядом. Будь здесь с десятков тигров, мы и тогда ни одного не заметили бы.

Теперь я возглавлял отряд, за мной шел Алимуту, а за ним — Мунусвами. Я придерживался правой стороны, рассчитывая, что, если пантера нападет из своего логова или из-за какого-нибудь прикрытия слева, я замечу ее приближение.

Вот мы очутились напротив пещеры. Расселина в нависшей над ней скале была заполнена восковыми ячейками — старыми медовыми сотами, тогда как свежих, как будто, еще не было. Высокая трава и груды камней, многие из которых, по-видимому, скатились сверху, закрывали внутреннюю часть пещеры.

Вдруг мы услышали рычание зверя. Алимуту коснулся моего плеча, чтобы остановить меня, но я уже и сам услышал эти звуки.

Их могли издавать пантера или медведь.

Я остановился, чтобы обдумать положение. Рычание несомненно доносилось спереди — из пещеры или откуда-то поблизости. Я мог либо начать бросать в том направлении камни, либо подойти немного ближе. Последнее было опасно. Животное могло кинуться на меня сверху. Если бы за травой или за камнями я не заметил его приближения или промахнулся, мне угрожали бы серьезные неприятности.

Осторожность одержала верх, и я шепотом приказал Алимуту и Мунусвами бросать камни.

Взяв ружье наизготовку и взведя курок, я напряженно следил за малейшими движениями вокруг, но все по-прежнему было спокойно. Мунусвами и Алимуту снова начали бросать камни, но опять безрезультатно.

Вдруг справа, там, где пещера примыкает к склону, я заметил, что высокая трава слегка колыхнется. Это движение могло быть вызвано ветерком или животным, крадущимся в траве.

В одном я был уверен: это не медведь. Южноиндийский медведь — черный, и в бурой траве я без труда различил бы его шкуру. Кроме того, он не умсет подкрадываться так неслышно и принадлежит к тем неуклюжим созданиям, которые с шумом появляются и с таким же шумом уходят.

Я напряг зрение и увидел на уровне нависшей над пещерой скалы кусочек пятнистой шкуры. Сейчас животное не двигалось и, без сомнения, смотрело на нас, хотя трава мешала мне разглядеть его голову и морду. Несколько секунд промедления — и оно может уйти.

Я прицелился в пятнистый предмет и осторожно нажал курок. На миг из травы показалась подскочившая вверх пантера, затем она покатила по склону и скрылась из виду. Вскарабкавшись на скалу, я попытался разглядеть ее внизу, но ничего не заметил.

Я подождал минут десять, затем, приказав Алимуту и Мунусвами спрятаться, пополз на разведку. Время от времени я взбирался на крупные валуны, стараясь увидеть исчезнувшее животное.

Наконец мне это удалось. Моя предосторожность оказалась напрасной: пантера была мертва. Пуля, пройдя через шею, попала в череп.

При ближайшем осмотре выяснилось, что Мунусвами угодил пантере в спину. В том месте образовалась большая рваная рана, в которой копошились черви. Два осколка пробили шкуру, но, по-видимому, вызванные ими раны заживали. Основная рана, однако, в конце концов вызвала бы голодную смерть животного, если бы оно не превратилось в людоеда.

Было чертовски трудно тащить тяжелый труп через заросли лантаны, но, обливаясь потом, мы и с этим справились.

В тот же вечер мы положили тело пантеры к ногам начальника полиции округа. Прошло ровно двое суток с тех пор, как я попросил продлить установленный им четырехдневный срок. Мунусвами и я выполнили поставленную задачу в два раза быстрее. Вид у начальника полиции округа был очень довольный.

ЧЕРНАЯ ПАНТЕРА ИЗ ШИВАНИПАЛИ

Шиванипали всегда было моим любимым местом охоты; оно находится на краю охраняемого леса, недалеко от Бангалура, и туда удобно приезжать на уикэнд* и даже вечером на несколько часов погулять при лунном свете. Для этого нужно проехать сорок одну милю до Денканикоты и оттуда еще четыре мили, а затем, оставив машину, пять миль пройти по тропе.

Примерно в трех милях к западу от селения местность круто обрывается к реке, протскающей в распадке на глубине около трехсот футов. К югу от Шиванипали с востока на запад несет свои воды другой поток; он образует несколько водопадов, а затем сливается с рекой. К востоку от Шиванипали до охотничьего домика «Гулхати бунгало», расположенного на склоне холма на высоте около пятисот футов, простираются джунгли. На восток от Гулхати, примерно в пяти с половиной милях по прямой, в местечке Айюр,— другое бунгало. В четырех милях к северо-западу от него, около скалистого холма Кучувади, находится принадлежащий лесничеству сарай. В этой местности произрастают сандаловые леса, и в сарае на огромных старинных весах взвешивают бревна перед отправкой на склад в Денканикоту.

К северу от Шиванипали тянутся густые заросли кустарника. Шиванипали едва ли насчитывает полдюжину крытых тростником хижин — его и селением-то с трудом

* Время отдыха с субботы до понедельника (англ.)

можно назвать. В трех милях севернее, почти на полпути к главной дороге, расположена деревня Силиварам.

Шиванипали со всех сторон окружено просеками, проложенными лесничеством на расстоянии мили от деревни для обозначения границ охраняемого леса. Почти в точке пересечения двух просек в юго-восточном углу находится водоем. Две речки, сливающиеся к западу от селения в овраге глубиной около трехсот футов, петляют по густым джунглям, направляясь к большой деревне Анчети, находящейся примерно в восьми милях на юго-запад от Шиванипали.

Я так подробно описываю топографию окрестностей Шиванипали, чтобы вы могли представить себе картину местности, где произошло событие, о котором я собираюсь рассказать.

Такие уголки — с невысокими скалистыми горами, густым кустарником, непроходимыми джунглями, водопоями, которыми пользуются не только хищники, но и составляющие их добычу животные, — идеальное пристанище для пантер. Наличие невысыхающих источников позволяло держать в Шиванипали довольно большое стадо крупного рогатого скота, что, конечно, делало его окрестности еще более привлекательными для этих представителей семейства кошек.

И действительно, множество пантер избрало район Шиванипали своим более или менее постоянным местопребыванием. Именно этим пленило меня местечко в первый же мой приезд в 1929 году.

Растительность вокруг Шиванипали весьма разнообразна: вокруг водоема заросли бамбука, на юге и западе — густой лес, на востоке и севере — более редкие джунгли и кустарник, перемежающийся сандаловыми деревьями.

Живописные горы, которые на западе образуют задержанную голубой дымкой зубчатую линию горизонта, придают местности особую прелесть. Рано утром из джунглей поднимается завеса тумана. Она закрывает основания гор, оставляя видимыми только их вершины, напоминающие скалистые островки среди моря кудрявых барашков. В пасмурные дни, наоборот, грозовые тучи закрывают вершины гор, так что в поле зрения остаются только нижние склоны, и местность кажется почти ровной.

Я провел много лунных почей в «чхуми» (от глагола «чхум», означающем на языке урду «бродить») по окру-

жающим Шиванипали джунглям. В них водилась дичь всех видов, за исключением бизонов. Лунной ночью в джунглях можно встретить слона, услышать тихое стелание тигра, рев пантеры, напоминающий скрежет пилы, и треск веток, производимый убегающим самбаром, которого вы потревожили. Увидеть вам удастся, быть может, только слона, так как хищники, да и самбар тоже, слишком хитры и видят или слышат человека задолго до его приближения. Можно встретить медведя, в поисках белых муравьев или съедобных корешков энергично копающегося в земле или, громко фыркая и нюхая воздух, проходящего мимо. Его слышно задолго до того, как на неясном туманном фоне растительности появляется темное пятно.

Очень давно, в 1934 году, Шиванипали поразила новость: пастух, возвращавшийся со своим стадом из леса, видел у водоема черную пантеру. Она стояла у куста и спокойно лакала воду. Пастух клялся, что пантера была черная как смоль, и у меня не было оснований ему не верить. При приближении стада пантера усталилась на него, но как только среди животных появился пастух, исчезла в подлеске.

В пастоящее время черную пантеру не выделяют в особый биологический вид. Считают, что черная шкура у животных — следствие меланизма*. Иногда, хотя довольно редко, среди помета можно увидеть черного детеныша. Правда, черные пантеры чаще встречаются в густых вечнозеленых лесах Малайи, Бирмы, Ассама, чем в южной Индии. Изредка такую пантеру удается подстрелить в Западных Гатах**. Правы, по-моему, те, кто утверждает, что черные пантеры обитают преимущественно в густых вечнозеленых лесах, потому что темная окраска растительности позволяет им лучше маскироваться. Верно также, что меланизм может проявиться где угодно, вне зависимости от характера лесной растительности. Однако мой опыт не подтверждает этого. Черные пантеры составляют одну из тайн природы, вернее джунглей, которая до сих пор не раскрыта до конца.

Наличие в покровах животного организма в чрезмерно большом количестве красящего вещества, обуславливающего их темную окраску.

** Горный хребет в западной части Индии.

Если вы в зоопарке внимательно приглядитесь к черной пантере, то различите в ее темном мехе розоватые, как у обычной пантеры, пятна, хотя, разумеется, очень неясные.

По возвращении в деревню пастух рассказал односельчанам, что встретил черную пантеру. В этих краях никогда прежде не видели черной пантеры и не слышали о такой и пастуху просто не поверили. Сам пастух, конечно, не сомневался, что видел черную пантеру, но искренне считал, что его взору предстало не живое существо, а сам сатана в одном из тех обличей, которые он часто принимает в джунглях, чтобы напугать таких же, как он, бедных крестьян.

Прошло несколько недель, о черной пантере не было ни слуху, ни духу, и рассказ пастуха был забыт.

Однажды в полдень, когда солнце стояло прямо над головой, стадо отдыхало в тени деревьев. Животные лежали группами от двух до шести голов, закрыв глаза и лениво пережевывая траву. Двое пастухов, закончив обед, состоявший из просяных лепешек и карри*, легли рядом под деревом и вскоре заснули. Трудно вообразить более мирную картину: лазурное небо, тропическое солнце, посылающее на землю жгучие лучи, которые земля отражает волнами трещащего зноя. Разомлевшее от жары стадо дремлет, ни на что не обращая внимания.

И вот в этот момент черная пантера из Шиванпали совершила первое нападение. Неожиданно появившись, она вонзила клыки в горло молоденькой рыже-белой корове, почти телке, которая замычала от боли и вскочила на ноги, подняв с земли своего врага.

Предсмертный крик коровы разбудил одного из пастухов.

Тот растолкал товарища и показал ему дьявола в облике черной пантеры. У них на глазах обезумевшая от ужаса корова рухнула наземь, еще продолжая нештовно брыкаться, хотя жизнь уже покидала ее. Черная пантера не ослабляла хватки. Наконец бедное животное испустило дух. Только тогда пастухи вскочили на ноги.

Обычно в случае нападения пантеры на скот пастухи бросались на помощь, размахивая палками и крича во все горло, и если им не всегда удавалось спасти жизнь жертве,

---

* Приправа из бобов, овощей и специй.

то они по крайней мере отгоняли хищника, прежде чем он успевал утащить труп в джунгли.

На этот раз они не осмелились так поступить. Пораженные, они стояли, словно прикованные к месту. Пантера тем временем отпустила свою добычу и посмотрела в их направлении. Хотя она была ярдах в пятидесяти от пастухов, они ясно различали потоки крови, хлеставшие из разодранного горла коровы и окрасившие пасть хищника в ярко-красный цвет, выделявшийся на фоне черного меха.

Пастухи повернулись и со всех ног бросились бежать.

Немногочисленные жители Шиванипали, напуганные появлением неведомого черного чудовища, решительно отказались отправиться за трупом коровы.

С этого дня черный мародер начал регулярно взимать с Шиванипали дань домашними животными. Его видели еще несколько раз, так что теперь ни у кого не оставалось сомнений в его существовании. Тогда крестьяне решили впредь быть осторожнее: скот начали выгонять не дальше чем за четверть мили от деревни.

Обнаружив, что этот источник пищи стал для нее недостижим, пантера расширила поле деятельности. Она обратила свое внимание на стада Анчети, Гулхати и Айюра. Она даже утатила крупного осла из деревни Саливарам, которая, как я уже говорил, лежала к северу от Шиванипали на значительном расстоянии от лесного массива.

Примерно в это время мы с приятелем посетили Шиванипали. Мы отправились туда в воскресенье, после второго завтрака, намереваясь прогуляться по лесу и, если удастся, подстрелить для стола лесных петушков или пару зеленых голубей. Рассказ о появлении и налетах черной пантеры очень меня заинтересовал. Прежде мне только раз удалось видеть черную пантеру вне стен зоопарка, и я решил попытаться убить редкого зверя.

Я обещал крестьянам возместить стоимость животного, которого убьет пантера, если они не станут трогать его и известят меня. Для этого следовало добраться на автобусе до фермы Хосур, где находилось ближайшее почтовое отделение, и дать мне в Бангалур телеграмму. Я просил также сообщить об этом жителям всех селений, где орудовала пантера. Наконец, чтобы еще больше привлечь и заинтересовать крестьян, я обещал не только заплатить

за убитое животное, но и выдать награду в пятьдесят рупий тому, кто точно выполнит мои указания.

В ближайше несколько дней я держал наготове раскладную кровать — она заменяла мне махан — и другое снаряжение, чтобы выехать из Бангалура через несколько минут после получения телеграммы. Но она пришла больше чем через две недели и к тому же около четырех часов дня. В четверть пятого я уже отправился в путь, по до Шиванипали добрался после семи, когда было совершенно темно.

В Шиванипали жил человек по имени Рангасвами, который в прошлые мои приезды несколько раз помогал мне охотиться. Он-то и сообщил мне из Хосура, что в тот день, вскоре после того как скот был выгнан, пантера напала на стадо. Пастух, знавший о моем обещании уплатить за убитое животное и выдать награду, не тронув тушу, побежал в Шиванипали и передал новость Рангасвами. Тот в свою очередь поспешил в Денканикоту, чтобы успеть на автобус, отправлявшийся в четверть первого, и в час прибыл в Хосур.

Наградив Рангасвами и пастуха за расторопность, я начал раздумывать, что мне делать: попытаться выследить и при свете фонаря убить пантеру у ее добычи сейчас или переночевать в Шиванипали, чтобы с вечера подстеречь ее. Первый план был очень рискованным: в момент моего приближения к ее добыче, пантера могла броситься на меня. Но я не мог подобрать достаточно веских доводов и в пользу того, чтобы еще на сутки остаться в деревне, где мне решительно нечего было делать.

Нападение было совершено меньше чем в полумиле к западу от Шиванипали, там, где начинался крутой спуск к долине реки, протекавшей в трех милях от деревни. Соблазненный близостью расстояния, я все же решил попытаться убить пантеру в ту же ночь, если Рангасвами и пастух проводят меня и укажут, где лежит убитая корова. Дальше моими проводниками должны были быть слух и интуиция.

Пастух и Рангасвами настойчиво советовали подождать до следующего вечера, но я решил все же попытаться отыскать хищника.

К моменту окончания всех этих переговоров было уже без десяти восемь и нельзя было терять ни минуты, так как пантера уже могла приступить к трапезе.

Я прикрепил к ружью электрический фонарь, окрашенный для маскировки в черный цвет, и положил в карман про запас три батареи и пять патронов. Четырьмя патронами я зарядил ружье: три находились в магазинной коробке, один — в казенной части. Хотя магазин 405-калиберного винчестера предназначен для четырех патронов, я во избежание осечки, часто возникающей при быстрой перезарядке, всегда заряжаю его тремя патронами. Наконец я переобулся в кеды, позволявшие мне ступать легко и бесшумно, и вместо рубашки цвета хаки надел черную, в которой обычно подстерегал зверя в махане.

Рангасвами и пастух проводили меня до высохшего ручья. Затем пастух объяснил мне, что русло ручья следует почти точно на запад и до места, где пантера совершила нападение, образует две излучины. Он сказал также, что пантера оттащила труп коровы приблизительно на двести ярдов в джунгли, к северу от конца второй излучины.

Я был благодарен двум излучинам ручья, которые позволили моим проводникам дать такое точное объяснение. Приказав им возвращаться — в конце концов я и сам мог найти дорогу обратно в Шиванипали,— я приступил к осуществлению моего замысла.

Я решил, что разумнее всего идти не по берегу ручья, а по его высохшему руслу, где меньше будет слышен шум, который я мог печально произвести. Кроме того, в русле ручья мне было легче держаться нужного направления, не прибегая к помощи фонаря, без которого нельзя было обойтись на покрытом растительностью берегу, тем более, что тучи закрывали звезды и кругом царил кромешная тьма.

Итак, я очень осторожно двинулся по руслу ручья и скоро почувствовал, что оно делает первый поворот в юго-западном направлении. Через некоторое время русло снова повернуло на север, затем выпрямилось и пошло в первоначальном направлении: я миновал первую из двух излучин.

Вскоре начался второй поворот, теперь уже в северном направлении. Я двигался как можно осторожнее, стараясь не наступить на камень или валун. До трупа коровы оставалось еще около трехсот ярдов, но если преследуемый мною хищник находился где-нибудь поблизости

и не был поглощен пожиранием добычи, он мог услышать меня и убежать.

К счастью, в этой части русла почти не было кустов и камней, так что я пробирался по нему бесшумно. Немного погодя русло завернуло на юг, а через несколько ярдов выпрямилось.

Я остановился. Здесь пантера убила корову и утащила ее отсюда в джунгли примерно на двести ярдов в северном направлении. Теперь мне придется покинуть русло и пробираться по мелколесью.

Я на цыпочках направился к северному берегу, который доходил мне только до груди, осторожно положил ружье на землю и внимательно прислушался.

Прошло пять минут, но ничто не нарушало тишину. Возможно, труп коровы находился слишком далеко и я не мог услышать звуки, издаваемые пантерой во время еды, если, конечно, она была около добычи. Подтянувшись на руках, я бесшумно взобрался на берег, затем, подняв ружье, медленно, очень медленно двинулся вперед. Было темно, хоть глаз выколи. Я знал, что мне почти нечего опасаться, ибо пантера не была людоедом и не проявляла склонности к нападению на людей. Но это все же была моя первая встреча с черной пантерой, а я слышал, что они чрезвычайно свирепы и агрессивны. Честно признаться, я очень волновался.

Преодолевая дюйм * за дюймом, я то и дело останавливался и прислушивался, нет ли звуков, указывающих на то, что пантера занята едой. Только они могли быть моими проводниками: во мраке нельзя было ничего разглядеть, а к помощи фонаря я мог прибегнуть только перед самым выстрелом. Ведь заметив даже самое слабое мерцание фонаря, пантера немедленно сбежит.

Так я продолжал двигаться вперед, и мне казалось, что я иду уже очень долго. Возможно, я прошел семьдесят пять ярдов или немногим больше, когда спереди и чуть справа от меня раздались какие-то звуки. Я прислушался, но они не повторились.

Теперь я пробирался через густую растительность и, как ни старался, никак не мог совсем избежать шума. Чтобы он не походил на шаги человека, я передвигался так: отрывал ногу от земли и проносил ее вперед, а затем,

---

* Дюйм=2,5 сантиметра.

поставив на землю, слегка скользил. Тут мне пришла мысль, что я могу наступить на ядовитую змею и резиновые туфли не защитят мои лодыжки. Стараясь об этом не думать, я пошел дальше, обходя по возможности кусты и заросли. Благодаря этому я несколько отклонился от нужного направления.

Время от времени я продолжал останавливаться и прислушиваться, но кругом было тихо. Я уже решил, что прошел гораздо больше, чем двести ярдов, и что, кружась под затянутым тучами небом между деревьями и кустами, безнадежно потерял всякую ориентировку, как вдруг раздался долгожданный звук — звук разрываемого мяса и хруста костей.

Мне повезло: пантера в этот момент находилась около трупа коровы и — что еще важнее — была поглощена едой. Мне оставалось только приблизиться к ней настолько, чтобы можно было зажечь фонарь и сделать выстрел. На словах это просто, а на деле — куда сложнее.

Прежде всего звуки доносились несколько слева и сзади от меня, значит, в темноте я уклонился вправо. Может быть, раньше я не различал их потому, что пантера только что вернулась к своей добыче. А может быть — предположение весьма неприятное, — она услышала мои шаги и притаилась.

Я выждал несколько мгновений, чтобы точно определить, откуда доносились звуки. Мне казалось, что пантера находится на расстоянии пятидесяти-ста ярдов от меня.

Снова я начал очень медленно и осторожно скользить в том направлении, где раздавался шум.

Если пантера утащила добычу в куст или за него, я не смогу выстрелить. Если я выстрелю и раню ее, она упадет на меня и все преимущества окажутся на ее стороне.

Я старался подбодрить себя, не переставая мысленно повторять, что эта пантера никогда прежде не нападала на человека и что свет фонаря испугает ее и удержит от нападения, а может, и вовсе заставит убежать.

Очень трудно точно описать последующие минуты. Мой ум и чувства были обострены до крайности, так что я почти автоматически обходил все препятствия в виде деревьев и кустов. Пока пантера «ужинала», я мог быть уверен, что она находится поблизости, занята едой и не догадывается о моем приближении. Вот если бы звуки

прекратились, это значило бы, что пантера учуяла меня и прервала еду.

Они не прекращались, поэтому я продолжал подкрадываться, не забывая всякий раз, прежде чем опустить ногу, носком ноги проверить землю. Если я нащупывал сухой лист, то, чтобы не производить шума, ступал на другое место. Глаза мои напряженно всматривались в темноту, уши старались уловить звуки пиршества.

Внезапно они прекратились, и меня охватила жуткая тишина.

Сделала ли пантера перерыв или она закончила трапезу и ушла? Быть может, она именно сейчас уходит. Или, услышав мои шаги, готовится к нападению. Все эти мысли вихрем пронеслись у меня в голове, и я остановился.

Некоторое время — не знаю точно, сколько — я стоял совершенно неподвижно. Помню, я раздумывал, что делать дальше. Если продолжать идти вперед, пантера догадается о моем присутствии. Как ни старайся, человек не может двигаться в темноте настолько бесшумно, чтобы его не услышал зверь с таким острым слухом. К тому же, если я буду стоять неподвижно, то смогу услышать приближение пантеры.

Я решил не трогаться с места. Последующие события показали, что это решение было правильным.

Через несколько секунд мой напряженный слух уловил слабый шорох. Он прекратился, а затем возобновился снова. Кто-то двигался передо мной. Но кто? Такой непрерывный шорох могла производить не только змея, проползая по траве, но и пантера, подбиравшаяся на брюхе. Смею вас заверить, мне стало не по себе.

А может, это крыса, лягушка, ночная птица или мелкое животное, каких много в джунглях? Но тогда шум прерывался бы и возобновлялся снова, а до меня доходило шуршание, свидетельствовавшее о медленном, но безостановочном движении.

Прошло еще несколько секунд, и я уже был совершенно уверен, что ко мне подползает пантера. Внезапно шорох оборвался. Затем последовал хорошо знакомый шипящий свист, похожий на тот, который издает рассерженная кобра, когда выпускает воздух. Пантера начала ворчать. Очень скоро ворчание станет более внятным, может быть, перейдет в рычание, затем она бросится на

меня. Я достаточно часто слышал звуки в такой последовательности и знал, чего следовало ожидать. Быстро приложив ружье к плечу, я включил фонарь.

Два белесых палитых кровью глаза уставились на меня, но самого зверя я различить не мог: ведь это была черная пантера, невидимая в темноте.

Возможно, она не имела злобных намерений, а подкрадывалась, чтобы выяснить, кто ходит поблизости от ее добычи. Обнаружив, что шум производит ненавистный ей человек, пантера решила перейти в наступление. Не дрогнув, смотрела она на свет моего фонаря.

У меня было достаточно времени, чтобы точно прицелиться. Я выстрелил. Но вместо того чтобы упасть или по крайней мере начать биться в агонии, пантера с гортанным ревом отпрянула в сторону. Либо я промахнулся, либо только ранил животное.

Промахнуться я не мог, но выяснить это окончательно можно было лишь при свете дня. Я повернулся и пошел назад.

На этот раз я, конечно, мог пользоваться фонарем. Но я ошибся в направлении и проплутал около полутора часов, пытаясь найти русло ручья, по которому пришел.

Небо все еще было покрыто тучами, на нем не было ни одной звезды, которая могла бы помочь мне хоть приблизительно установить, в какой стороне находится Шиванипали. Тут я вспомнил, что к западу от деревни начинался некрутой спуск к оврагу, в котором протекали две реки. Следовательно, если я пойду по слегка поднимающемуся склону, то обязательно окажусь поблизости от деревни.

И я начал подниматься. В Шиванипали, однако, я попал не скоро. Чтобы не утомлять читателя излишними подробностями, скажу просто, что уже перевалило за полночь, когда я вышел, но не к Шиванипали, а на дорогу, ведущую к Саливараму. Теперь я, конечно, знал, где нахожусь, и за каких-нибудь полчаса добрался до деревни.

Там я разбудил Рангасвами и рассказал ему, как все было. Ничего иного, как лечь спать, мне не оставалось. Я уже сказал, что Шиванипали селение маленькое. У самого Рангасвами была большая семья, и он не мог пригласить меня переночевать в его хижине. Поэтому я улежся на стог сена и, чтобы согреться, прикрывлся сеном, уже влажным от росы.

Если вам когда-нибудь захочется быть почти съеденным заживо крошечными травяными клещами, которые кишмя кишат в сене и которыми вообще изобилуют лесные местности южной Индии, проведите ночь в стого сена в Шиванипали. Травяной клещ — мелкое насекомое, обычно не больше булавочной головки. Однако, напившись вашей крови, он раздувается. Эти крошечные существа — неблагодарные обжоры: они не только пьют вашу кровь, но и оставляют маленькие ранки. Чем больше вы их расчесываете, стараясь избавиться от невыносимого зуда, тем они становятся больше и в конце концов превращаются в гнойные водянистые рапы с коричневой, как струппя, коркой. Мало того, если многие из этих насекомых облагодетельствуют вас своим вниманием, будьте уверены, в добавление к болячкам они наградят вас еще и лихорадкой.

В эту проклятую ночь я глаз не сомкнул. С головы до ног покрытый болячками, усталый и раздраженный, рассвет я встретил в твердом убеждении, что ночью мне пришлось столкнуться со злейшим из врагов.

Для поднятия духа мне прежде всего надо было выпить горячего чаю. Я направился к хижине Рангасвами, но обнаружил, что дверь заперта. По-видимому, обитатели дома еще не собирались вставать. Я принялся отчаянно барабанить в дверь и громко и настойчиво звать. Через некоторое время внутри началось движение. Наконец деревянная палка, закрывавшая дверь с внутренней стороны, отодвинулась, и показалась взъерошенная голова заспанного Рангасвами.

Я велел ему разжечь огонь. На другой стороне улицы Рангасвами положил на землю три камня треугольником, а внутри него устроил костер из сильно дымившего сырого хвороста и соломы. Я не захватил с собой посуды для кипячения воды и одолжил у Рангасвами один из глиняных горшков, по его словам, совершенно чистый, хотя вид горшка заставлял в этом усомниться.

Когда вода закипела, я насыпал во флягу чайных листьев, налил кипятку, закрыл ее и несколько раз встряхнул. К этому времени начали появляться обитатели других хижин. Один предложил мне немного молока, другой угостил пальмовым сахаром, что оказалось очень кстати, так как сахар я тоже забыл дома. Я положил в кружку сахар, залил настоем из фляги, добавил молока, и — верьте

или нет — получилась смесь, отдаленно напоминавшая чай.

Завтрак состоял из яиц, которые я купил и сварил вкрутую на этом же костре. Около семи утра силы мои более или менее восстановились, у меня вновь пробудился интерес к окружающему, и я начал думать, как быть с пантерой.

Я попросил Рангасвами разыскать пастуха, чтобы, если это возможно, собрать стадо буйволов и выгнать его в густой подлесок. Буйволы помогли бы мне обнаружить пантеру, так как я был уверен, что не мог промахнуться.

Все присутствовавшие при этом разговоре стали уверять, что в Шиванипали нет буйволов. Никто не хотел рисковать своим скотом. В это время появился мой вечерний спутник. У его друга в Саливараме, сообщил он, есть заряжаемое с дульной части ружье. Пастух решил одолжить его, чтобы пойти со мной на пантеру, встал затемно и отправился в Саливарам. К несчастью, приятеля не оказалось дома, и пастух вернулся ни с чем.

Я поблагодарил пастуха за желание помочь мне, но в душе был еще более благодарен судьбе за то, что его затея не удалась: признаюсь, я бы очень нервничал, если бы за мной шел пастух с ружьем, заряжаемым с дульной части, которое при неумелом обращении очень опасно для окружающих.

Потерпев неудачу с буйволами, я попытался заручиться поддержкой хозяев собак, имевшихся в Шиванипали. После долгих колебаний и споров мне была предоставлена одна-единственная собака. Это была сучка коричневой масти с длинным туловищем, с подрезанными у самого основания ушами и с чрезвычайно длинным загнутым хвостом — одна из типичных деревенских собак «париев», которым сразу после рождения обрезают уши, чтобы в них не заводились клещи. По представлениям крестьян, было проще и легче отрезать собакам уши, чем время от времени удалять с них клещей.

По странному совпадению пса звали Куш. Это напомнило мне собаку Куш-Куш-Кария, принадлежавшую моему старому другу пуджари * Байре, с которым я много скитался по джунглям. Не знаю, была ли это популярная в лесистой части округа Салем кличка или она происхо-

---

* Брахман-жрец.

дила от междометий, при помощи которых зовут собак, — лично я склонялся к последнему. Трудно объяснить, как это могло получиться, но Куш вела себя совершенно так же, как ее тезка.

И вот наконец сопровождаемый Рангасвами, пастухом, Куш и ее хозяином, я отправился на поиски пантеры.

Мы вскоре достигли места, где накануне мои спутники покинули меня, затем по моим следам пошли по руслу ручья и перебрались на северный берег.

Отсюда я, с курком на взводе, возглавил маленький отряд; Куш бегала от меня к хозяину, который замыкал группу, и обратно; за мной шел Рангасвам, за ним — пастух.

Пастух, конечно, помнил, где лежал труп коровы, но мне хотелось найти место, где я стрелял в пантеру. Это не удалось. Тот, кто бывал в джунглях, знает, что кусты, днем совсем маленькие, ночью и по размерам и по очертаниям кажутся совсем иными, и я не мог установить, проходил я здесь двенадцать часов назад или нет.

Тогда я велел пастуху привести меня к трупу коровы, и он нашел его без труда. Пантера наполовину сожрала его, но неизвестно — до встречи со мной или, если я промахнулся, после. Бывает, хотя, по-видимому, довольно редко, что хищники возвращаются к своей добыче после того, как в них стреляли.

Дойдя до трупа, я попытался установить, откуда шел накануне. Я мог только предполагать, сколько времени ползла ко мне пантера. Мой опыт подсказывал, что, когда я впервые услышал звуки пришествия пантеры, я находился от нее на расстоянии от пятнадцати до пятидесяти ярдов.

Отмерив шагами пятнадцать ярдов, я велел одному из крестьян согнуть ветку, чтобы отметить место. Затем отмерил еще тридцать пять ярдов и согнул вторую ветку.

Где-то между этими двумя отметинами приблизительно в том направлении, в котором я шел, должен был остаться какой-то след. Если его не было, значит я промахнулся.

К этому времени я уже был уверен, что, если пантера ранена, она не скрывается поблизости, ибо в этом случае, услышав наши шаги и голоса, она несомненно выдавала бы себя, зарывав или даже попытавшись напасть.

Я велел моим спутникам тщательно прочесать окрестность в поисках кровавых следов. Вскоре Куш учуяла

что-то, и ее хозяин позвал нас: на листе лимонной травы виднелось продолговатое пятно сухой крови. Мое настроение поднялось: перед нами было доказательство того, что я не промахнулся, а ранил животное в верхнюю часть тела. Так как я целился между глаз, отражавших свет фонаря, то пуля должна была задеть голову.

И тут Куш показала, на что она способна. Она не была обучена, но, казалось, инстинктивно чувствовала, чего от нее хотят. Некоторое время она металась, обнюхивая все вокруг, затем заскулила и помчалась вперед.

Мы последовали за ней и обнаружили на листьях и на высоких стеблях травы новые пятна крови. Они виднелись также и на земле. Значит, рана не была простой царапиной, и животное истекало кровью. Она почти везде высохла, кроме очень затененных мест, где была настолько влажной, что ее можно было стереть пальцем. Кровь не была темной и густой, какой бывает, когда задеты легкие.

Куш помчалась в западном направлении. Она бежала по следу, ведомому, очевидно, к руслу реки Анекал Ванка, которая впадает в реку Додду Халлу, что на языке каннада означает «большая часть». Такое название она получила потому, что на своем извилистом пути поглощает воды многочисленных ручейков. Додда Халла протекает около деревни Анчетги, затем резко поворачивает на юг и, минуя Гундалам, в конце концов впадает в реку Кавери.

Я хорошо знал район Додды Халлы, которую окрестил «потайной рекой» за то, что ее берега редко кто посещал. Слишком трудный и долгий путь надо было для этого проделать. Благодаря этому долина Додды Халлы, удаленная от человеческих взоров и голосов, была полна чарующей прелести. Здесь я нашел породы, представляющие интерес для геологов, но и сейчас не решаюсь обнародовать это открытие, чтобы один из самых очаровательных уголков в джунглях округа Салем не утратил своей девственности.

Однако вернемся к событиям того утра. Подлесок был очень густой, но для острого обоняния Куш это, казалось, не было помехой. Труднее всего было держаться рядом с собакой. Ее маленькое гибкое тело проскакивало между кустами и обнаженными колючками кустарника «подожди немшого». Наши ноги и руки были сильно расцарапаны ими, так как, боясь унестить из виду собаку, мы двигались

слишком быстро, даже не принимая мер предосторожности на случай нападения раненой пантеры. Кусты куманьки и другие препятствия то и дело задерживали нас, и тогда Куш уходила далеко вперед и приходилось свистом звать собаку обратно, а когда она через несколько минут возвращалась, ей, казалось, было трудно снова отыскать след.

У нас не было с собой веревки, и я одолжил у пастуха тюрбан, один его конец обвязал вокруг шеи Куш, а другой передал ее хозяину. Но в небольшом тюрбане ткани было немного и, чтобы удержать собаку, хозяину приходилось сгибаться, тогда как Куш, стремясь вырваться вперед, затягивала на шее поводок, задыхалась и хрипела.

Так мы продвигались вперед, пока, наконец, не достигли окраины плато, откуда начинался крутой обрыв к Анекал Ванке, видневшейся внизу между вершинами больших деревьев; солнце отражалось в серебристой поверхности воды, бежавшей по извилистому песчаному руслу. Как всегда в это время года, река на три четверти пересохла.

Чуть дальше мы получили первое доказательство того, что пантера изнемогает от ран. Она легла на траву у ствола дерева бабул и, как было видно по разбрызганной вокруг крови, не просто отдыхала, а металась и даже каталась от боли. Здесь Куш остановилась надолго и проявила другое необычайное качество — вылизала кровь. Деревенские собаки обычно боятся пантеры, но Куш, как я уже сказал, была животным особенным. Нам действительно очень повезло, что хозяин Куш разрешил взять ее с собой. Крестьяне, которые не колеблясь отрезают щенкам уши, большей частью считают жестокостью использовать собак для выслеживания раненого хищника. Без неоценимой помощи Куш мы никогда не смогли бы тропить * кровавый след, проходивший в густых кустах.

Начался спуск с обрыва. Растительность здесь была реже, а земля — обнаженной и каменистой. Везде громоздились глыбы камня вперемежку с пучками жесткой лимонной травы с длинными листьями.

Берега реки были покрыты голыми валунами. Они показывали наивысший уровень, до которого поднималась в реке вода при разливе в период муссонов.

---

* Идти за зверем по следу (охотничье выражение).

Тропять стало легче. Выделявшиеся на фоне скал коричневато-ржавые капли показывали, где прошло животное. Судя по количеству крови, которое потеряла пантера, она, очевидно, была ранена гораздо серьезнее, чем я предполагал. По-видимому, пуля повредила артерию, иначе кровотечение, вероятно, уменьшилось бы, если не прекратилось бы совсем, так как подкожный жир, стягиваясь, закрывает пробитое пулей отверстие.

Мы достигли русла реки, где еще текла тоненькая струйка воды. Здесь пантера припала к земле, чтобы напиться, и оставила два ряда капель крови. Меня это очень озадачило, поскольку я выстрелил только один раз.

Перед тем как перейти реку вброд, пантера наступила на свою кровь, и на камне отчетливо отпечаталась передняя лапа зверя среднего размера, по-видимому, самца. Вода смыла кровь с лапы зверя, но на камнях и булыжниках на другом берегу также виднелись высохшие капли крови.

Перейдя реку, пантера изменила направление и около двухсот ярдов шла параллельно реке, вдоль ее берега, затем свернула налево и начала взбираться на склон оврага. Камни и скалы вскоре уступили место растительности, и нам опять пришлось пробираться через заросли высокой травы и колючего кустарника, кое-где перемежавшегося бамбуком и деревьями.

Пантера взбиралась все выше и выше, а за нею следом взбиралась и Куш. Наконец мы вышли напротив девятого мильевого камня на дороге из Денканикоты в Анчети, пересекавшую лес. За ночь и утро по дороге проехало множество телег, и на мгновение запах следа потерялся в коричневой пыли. Но Куш без труда нашла его на другой стороне дороги, и мы поспешили за ней.

Траву и бамбук постепенно сменили колючие растения и все чаще попадавшиеся заросли лантань. Там, где пантера проползла под кустами, мы оказались перед почти непреодолимой преградой. Обойти ее было невозможно. Оставалось одно — пролезть на животе.

В таких условиях ружье было мне обузой. Колючки царапали лицо, рвали волосы, впивались в руки и ноги, превращали одежду в клочья. Я проклинал все на свете. Мои товарищи находились в еще худшем положении, так как на них было меньше одежды. Может быть, их кожа менее чувствительна — не знаю. Но я уверен, что выра-

жения, которые вырывались у всех нас, обеспечили бы нам приз в любом конкурсе площадной брани. Только Куш оставалась невозмутимой и нетерпеливо поглядывала на нас, явно выражая неудовольствие нашей медлительностью и неповоротливостью.

Теперь уже стало ясно, что раннее иловитное держало путь к большому холму, приблизительно в полумиле от деревни Кундокотаи, расположенной между седьмым и восьмым милевыми камнями на дороге Денганикота-Анчети. На вершине этого холма множество пещер, причем крупные пчелы, которые водятся в скалистой части джунглей, выбрали изогнутые своды некоторых из них для своих сотов. Мне не раз приходилось их видеть, проезжая по дороге в Анчети.

Я чувствовал, что у меня остается весьма мало шансов убить черную пантеру. Искать ее здесь все равно, что искать пресловутую иголку в стоге сена. Кроме того, если пантера избрала своим убежищем пещеру, где расположились пчелы, она находилась под их надежной охраной. Потрявоженные пчелы — весьма грозные противники.

Мы потащились дальше, ломая на своем пути кусты. На отлогих каменистых спусках, отшлифованных в течение веков стекающей сверху дождевой водой, колючих кустов было меньше.

Запах вел Куш вверх к одной из наиболее крупных расщелин, смутно вырисовывавшейся над нами. Нам было видно с полдюжины свежих пчелиных сотов, свисавших со свода пещеры, и между ними кое-где остатки старых.

Благодаря туфлям на резиновой подошве я без особого труда взбирался на скользкий склон скалы, а моим босым товарищам это было еще легче. Когти Куш издавали слабый щелкающий звук, когда она галопом мчалась вперед нас.

Мы достигли входа в пещеру. Здесь над всеми другими звуками преваляло жужжание, издаваемое миллионами пчел, которые сновали взад и вперед. Кроме него был слышен нескончаемый слабый шум, производимый крыльями деятельных насекомых, которые приносили из джунглей мед лесных цветов, складывали его в соты и снова отправлялись в путь.

Маленькие создания были поглощены своим делом и не обращали на нас никакого внимания, но мы понимали, что стоит их потревожить, как эти существа, такие без-

обидные и мирные, обрушатся на нас, подобно потоку черной лавы, и за несколько минут зажалят до смерти.

Мы стояли перед входом в пещеру. Все еще видимый, хотя и очень слабый кровавый след в виде двух небольших высохших капелек показывал, что раненое животное вошло внутрь.

У входа пещера была сравнительно большой: около двадцати футов в ширину и столько же в высоту. Дневной свет проникал в нее на несколько ярдов, дальше царил мрак. Дно было каменистым и, к моему удивлению, сухим. Это, безусловно, и привлекло пантеру, а также пчел, которые не любят сырости.

Я шепотом приказал моим спутникам остаться снаружи и взобраться по каменистому склону наверх, а сам с Куш вошел в пещеру. Казалось, Куш знала, что впереди ждала опасность. Ее храбрости как не бывало, она кралась позади, все больше отставая.

Я продвигался вперед, пока мог что-то различить в тусклом свете, просачивавшемся через входное отверстие. Пройдя футов тридцать, не больше, я остановился. Дальше я идти не мог, так как не взял с собой фонаря.

У меня было два выхода: либо заставить раненое животное покинуть пещеру, либо вернуться за фонарем в Шиванипали, предупредив товарищей, находившихся наверху в сравнительной безопасности, чтобы они следили, не выскользнет ли до моего возвращения пантера из пещеры. Разумнее, конечно, было избрать второй путь. Он не только был безопаснее, но и гарантировал больше шансов на успех, но мне уж очень не хотелось снова шагать туда и обратно.

Я засвистел и громко крикнул. Ничего! Я снова закричал. Куш, до этого только скулившая, начала лаять. По-прежнему ничего. Молчание было единственной наградой за все наши старания.

Может быть, раненое животное умерло? Вряд ли. Ведь ничто не указывало на то, что пантера останавливалась после того, как перешла реку Анекал Ванку. Или она покинула пещеру до нашего прихода? Это могло случиться, но опять-таки ничто не давало оснований полагать, что так оно и было.

Я пошарил вокруг, чем бы запустить в глубь пещеры. Около моих ног лежал большой камень. Я поднял его левой рукой — он показался мне тяжелым.

Я бросаю левой рукой, хотя стреляю с правого плеча. Введя курок ружья и установив его на стиге правой руки, я изо всех сил бросил камень. Он исчез в темноте пещеры. Слышно было, как он стукнулся о каменистое дно и с грохотом покатился дальше.

Немедленно раздался столь знакомый, похожий на кашель, продолжительный рев — пантера кинулась на меня. Поскольку она была черная, я увидел ее лишь тогда, когда она появилась на свету в двух или трех ярдах от дула ружья. Я выстрелил, но, сделав стремительный бросок, она, казалось, продолжала по инерции скользить ко мне. Я выстрелил еще раз. Эхо подхватило звуки выстрелов, повторяя их снова и снова.

И тут разверзлась преисподняя. Производимый пчелами шум, который я бессознательно улавливал как негромкое гудение, достиг крещендо. Дневной свет, падавший через входное отверстие пещеры, закрыли мириады мятущихся черных пятен. Чем громче становился гул, тем больше их появлялось. Черные тучи мчались на меня. Казалось, сам воздух ожил. Я вызвал ярость пчел. Мне уже было не до пантеры, и я кинулся к выходу.

Пчелы лавиной налетели на меня. Жалили руки, шею, голову, лицо, забирались под куртку. Одна даже ухитрилась пролезть под рубашку и ужалить меня в спину.

Укусы были страшно болезненны.

Я скатился со склона скалы, по которому мы недавно взбирались. Будто издали до меня доносился визг Куш. Как я ни мчался, крылатые мучители летели быстрее: воздух был насыщен ими, и они беспощадно кидались на меня. Помню, я мысленно сравнил их с японскими пилотами, которые, жертвуя своей жизнью и машинами, таранили врага. Точно так же, жала меня, пчелы тем самым жертвовали жизнью. Ведь их жало имеет на конце зазубрины, которые не позволяют насекомому вытащить его после укуса из кожи врага. Оно отрывается вместе с мешочком с ядом, и пчела немедленно гибнет.

Когда я добежал до подножия склона, пчелы все еще вились надо мной. В отчаянии я залез под самый густой куст лантаны. Я всегда проклинал эти кусты, считая их дьявольским наваждением, которое вредит и человеку, и растительности, вторгаясь на поля и в джунгли, а кроме того, мешает беспумному продвижению по охотничьим тропам. Но в тот момент я благославлял лантану: она

спасла мне жизнь. Пчелы нападают и жалят с лету — в этом они сходны с пикирующими бомбардировщиками. Эти насекомые не настолько сообразительны, чтобы сесть, подползти и ужалить. Переплетенные ветви лантаны преградили им доступ к моему телу.

Рой рассерженных пчел продолжал гудеть надо мной. Прошло больше двух часов, прежде чем жужжание прекратилось и они снова принялись за работу. Мне очень хотелось спать, и я бы задремал, если бы не боль от укусов. Ощущение жжения увеличилось, а кожа около каждой ранки вспухла.

Было уже три часа дня, когда я вылез из-под лантаны и спустился к дороге, по которой направился в деревню Кундукотаи. Там я встретил моих спутников. Они почти не были искусаны. Пчелы, очевидно, направили свою атаку на двигавшихся врагов — на меня и бедную Куш. Она, сильно пострадав, тоже прибежала в деревню. Я не сомневался, что пчелы не обошли своим вниманием и пантеру.

Мы направились к моей машине и поехали в Денганикоту, где находились муниципальная больница и амбулатория. Было уже довольно поздно, когда мы разбудили врача. Пинцетом он удалил вонзившиеся в меня и Куш пчелиные жала и приложил нашатырный спирт. Маленькие злые духи пещеры всадили в нее девятнадцать, а в меня сорок одно жало.

Ночь мы провели в Денганикоте, в лесном бунгало. Кровати там были железные, без матрасов, и я предпочел устроиться в кресле. Мои спутники и Куш спали на веранде.

Укусы вызвали озноб и жар. Опухоль с шеи, лица и рук не спадала. Одной пчеле удалось вонзить жало около левого глаза, он опух и частично закрылся. Куш тоже мучилась, я слышал, как она скулила.

В десять утра мы поехали обратно к девятому мильному камню, а оттуда пешком пошли дальше, но на этот раз другим путем: по протоптанной скотом дороге и охотничьей тропе, где идти было сравнительно легко. Вышли мы из зарослей ниже того места, где находился каменный уступ, под которым стояли накануне.

Пчелы снова трудились в своих сотах. Все было мирно и спокойно.

Оставив крестьян, я во второй раз вместе с Куш вска-

рабкался на склон и осторожно приблизился к пещере. Я знал, что пчелы безопасны, пока я их снова не потревожу. Что до пантеры, я был почти уверен, что два моих вчерашних выстрела прикончили ее, а если и нет, то пчелы должны были завершить дело.

И в самом деле: в пещере в нескольких шагах от входа лежала, свернувшись клубком, черная пантера, мертвая и застывшая. Куш остановилась примерно за ярд от нее, зафырчала и зарычала. Опасаясь, что она потревожит пчел и снова навлечет на нас их гнев, я, чтобы успокоить, положил ей на морду руку.

Выйдя из пещеры, я кивнул крестьянам, чтобы они поднялись наверх. Общими усилиями мы стащили труп вниз. Пастух вырезал палку, и мы лианами прикрутили к ней лапы пантеры. Затем взвалили груз на плечи и понесли к машине; я подвесил мертвое животное между капотом и крылом.

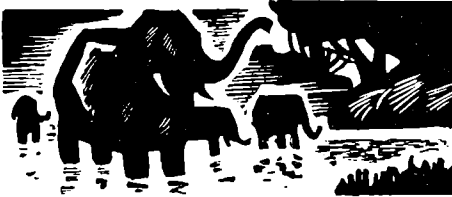
В бунгало Денканикоты я снял с пантеры шкуру. Розовые пятна отчетливо проступали под черным мехом. Застрявшие среди черных ворсинок пчелиные жала обнаружить было весьма трудно, но я велел крестьянам старательно подсчитывать те, которые они извлекли. Мы нашли двести семьдесят три жала, но на самом деле их было значительно больше.

Я заплатил крестьянам за помощь и возвратился в Бангалур, сторпцей вознагражденный за перенесенные муки, так как стал обладателем очень редкой шкуры черной пантеры — единственной, которую мне удалось подстрелить, — и удивительно умной собаки Куш. За семь рупий я купил ее.

Чуть было не забыл: помните, там, где пантера остановилась у реки Анекал Ванки, я заметил два ряда кровавых пятен. Более крупные свидетельствовали о сильном кровотечении. Так как я стрелял только один раз, то это меня удивило. Потом мне все стало ясно: моя пуля не попала между глаз, куда я целился, а, задев висок и ухо, поразила паховую часть. Вторая рана кровоточила, тогда как первая была только поверхностной. Очевидно, когда я стрелял, тело пантеры, готовившейся к прыжку, было слегка изогнуто.

Из двух пуль, выпущенных мною в пещере, одна поразила пантеру в грудь, а другая попала ей в открытую пасть и прошла навывлет через шею.

ЗМЕИ И ДРУГИЕ ОБИТАТЕЛИ
ДЖУНГЛЕЙ

О животных индийских джунглей

лей написано немало книг, представляющих большой интерес для всех, кого увлекает жизнь леса. Писатели-фермеры Данбар-Брэндер, Чемпион, Глесфорд, Бест, Корбетт* и многие другие проторили путь охотничьему рассказу о повадках животных, которые они сами смогли изучить. Часть этих рассказов написана полвека назад, когда джунгли Индии буквально кишели дичью, особенно хищниками. Эти авторы и раньше пользовались признанием, но только теперь выявляется бессорная ценность их сочинений. Не будет преувеличением сказать, что по мере того как жизнь девственной Индии уходит в прошлое, произведения этих замечательных людей приобретают все большее значение, ибо сохраняют для потомков сведения, которые нельзя купить ни за какие деньги.

И индийские шикари, вначале стремившиеся только к трофеям, и даже известные белые охотники в Африке, жаждавшие лишь обогатиться, впоследствии неизбежно проникались любовью к обитателям леса, которых когда-то выслеживали и убивали. Большинство из них отказалось от охоты и посвятило себя более благородному и трудному

---

* Названные авторы не были профессиональными литераторами. Они долгое время жили в сельских местностях Индии, где у них были земельные владения, поэтому Андерсон называет их фермерами.

делу — изучению природы и фотографированию диких животных.

В прежние времена считалось, что охота в джунглях связана с большим риском. Предполагалось, что помимо хищных зверей жизни охотника угрожают ядовитые змеи, скорпионы, пауки и прочие твари, не говоря уже о распространенных в джунглях болезнях — малярии, тропической лихорадке и других.

Когда, например, мой отец еще был охотником, поездка в леса к подножию гор Нилгири, в джунгли, покрывавшие округа Шимога и Кадур княжества Майсур, или же к Западным Гатам приравнивалась подвигу. Тогда думали, что утренние туманы вызывают бронхит, воспаление легких и особенно малярию и что животные джунглей необычайно свирепы и храбры.

Писатели-фермеры, напротив, убеждали нас, что дикие животные вовсе не агрессивны, что почти все они боятся человека. Наукой доказано, что в Индии нет ядовитых пауков, ящериц или лягушек, а водятся только немногие разновидности ядовитых змей и что воспалением легких можно заболеть везде, даже в городах самых жарких и сухих районов Индии. Сэр Рональд Росс выяснил, что малярийная бактерия разносится особым видом москитов, а не влажным туманом или лесным воздухом. Эти бактерии были найдены не только в джунглях, но и в других частях страны. Малярийные москиты размножаются в стоячей воде и в загрязненных водоемах, которыми изобилуют даже крупные города. Кампании по борьбе с малярией и другие правительственные меры способствовали искоренению этого недуга, медицина нашла против него быстродействующие и почти всегда эффективные лекарства, так что он уже не вызывает прежнего страха.

Что же до опасности, которую представляют собой дикие звери и змеи, то здесь лучший учитель — личный опыт. Можно, однако, с уверенностью сказать, что за несколькими редкими исключениями человек в лесной чаще подвергается значительно меньшей опасности, чем пешеход на улице города с оживленным автомобильным движением.

Конечно, охотник-новичок может иной раз совершить глупость и навлечь на себя беду, но только в результате своей неопытности и невежества. Получить же необходимый опыт при желании нетрудно.

Царем индийских джунглей считается тигр. Львы в Индии водятся только в лесном районе Гур в полуостровной части Гуджарата, где их заботливо оберегают. Тигр — величественное, красивое и благородное животное, но на самом деле по размерам, силе и подчас неумемному темпераменту царь джунглей, бесспорно, слон. Он безусловно куда опаснее тигра, и население областей, где водятся оба этих животных, относится к тигру — если он, конечно, не людоед — с некоторым пренебрежением, а к дикому слону — с большим почтением. Если вам случится идти по тропинкам джунглей с местным жителем и встретить при этом тигра или пантеру, он покажет их вам с искренним безразличием. Но стоит ему уловить треск ломаемых веток, как он немедленно остановится, произнесет на своем родном языке только одно слово — «слон», определит, откуда доносится звук, и попытается избрать путь подальше от того места, где пасется животное.

Эта осторожность — результат опыта жизни в джунглях, накопленного его предками и им самим. Зная неуравновешенность могучих животных, индийцы избегают излишнего риска. В спокойном состоянии слоны обычно безвредны, но они легко приходят в возбуждение, пугаются, раздражаются.

Чем многочисленнее стадо индийских слонов, тем менее оно опасно. По описаниям известно, что африканские слоны при необходимости действуют коллективно, стараясь напасть на охотника «массой». Индийские слоны так не поступают, но и каждый из них в отдельности представляет собой грозного противника. Особенно если это слон-бродяга, которому уже случалось убить человека, «влюбленный» слон, находящийся в состоянии течки, слон, который отбилсЯ от стада и пасется отдельно, или самка с детенышами, готовая для защиты их пожертвовать своей жизнью. Бывает, что слон настойчиво преследует человека, иногда целую милю, если тот, конечно, в состоянии столько пробежать. Догнав, слон буквально раздирает несчастного на части, либо топчет ногами, превращает в месиво, либо разбивает о ствол дерева, либо подбрасывает высоко в воздух.

Часто, сидя в лесной чаще у водоема, я, чтобы подшутить над слонами, которые приходят днем утолить жажду и искупаться, имитирую рев тигра или рычание пантеры. Обычно в первом случае слоны, находящиеся в стаде,

пронзительно затрубив, разбегаются, ломая ветви и кусты. Очень интересно наблюдать за самками с детенышами: торопясь убежать от тигра, якобы прячущегося поблизости в кустах, они буквально несут малышей перед собой, поддерживая их хоботом под брюхом. Если же слон один, он, заслышав голос «тигра», обязательно замирает, направляет свои уши в сторону звука и пытается определить местонахождение врага, «ощупывая» воздух хоботом. Затем поворачивается и не спеша исчезает в джунглях. Иной раз слон начинает переминаться с ноги на ногу и яростно размахивать головой и хоботом из стороны в сторону, но через минуту все же удаляется. Мне не приходилось наблюдать ни одного слона, который, заслышав рез тигра, остался бы на месте.

Рычание пантеры производит несколько иное действие: самцы в стаде проявляют воинственность и готовность защищать малышей. Слон-одиночка обязательно удаляется, хотя далеко не так поспешно. Раз или два я наблюдал, как после рычания пантеры слон ударял по воде ногой или хоботом, а затем продолжал пить воду. Но было заметно, что он явно волновался и чувствовал себя неуверенно.

Эти забавные эксперименты показывают, что, несмотря на огромные размеры и силу, слон отнюдь не храброе животное. Наоборот, он несомненно труслив и робок. Я где-то читал, что его глаза обладают способностью увеличивать предмет, на который он смотрит. Возможно, в этом причина того, что слон боится тигров, пантер, а также людей. Я не ошибусь, если скажу, что, как все «забияки», он полностью использует преимущества своего положения только тогда, когда видит, что враг проявляет страх. На существо, которое может дать отпор, слон нападает редко.

По-видимому, у слонов врожденная неприязнь к белым предметам. Поэтому в районах, изобилующих слонами, дорожные указатели окрашены в черный цвет; будь они белые, слоны немедленно выворотили бы их и отбросили бы далеко в сторону. Отправляясь в лес, где водятся слоны, неразумно облачаться в белое.

Когда-то были в моде пробковые шлемы белого цвета: благодаря свойству отражать солнечные лучи они оберегают голову от жары. Однажды один мой знакомый бродил по джунглям в таком шлеме. Трудно сказать, почему

он был в шлеме, который не только раздражает слонов, но, слишком выделяясь, лишает охотника возможности незаметно выслеживать животных. Он и проводник из племени шолага шли по гребню холма и увидели на порубке, в двустах ярдах от себя, пасущегося слона. При иных обстоятельствах слон, обладающий очень плохим зрением, не разглядел бы людей на таком расстоянии. Кроме того, ветер дул на людей, так что учуять их он также не мог. Но сверкающий белый шлем нельзя было не заметить на зелено-коричневом фоне джунглей. Слон затрубил и помчался в атаку. Охотник и шолага обратились в бегство. К счастью, шолага был опытным проводником. Он не покинул «сахиба» *, а бежал за ним следом и указывал путь. Слон быстро настигал их. Тогда шолага перегнал охотника, сорвал у него с головы шлем и бросил его на землю, увлекая сахиба дальше. Как только слон добежал до шлема, он утратил всякий интерес к преследованию. Без слов понятно, во что превратился прекрасный головной убор после того, как над ним «поработал» слон.

Известно, что между слонами случаются драки, которые с небольшими перерывами могут продолжаться до трех дней. Поводом для борьбы иногда служит благосклонность тучной «леди» или изгнание из стада «влюбленного» самца, чье внимание к самкам причиняет слишком много беспокойств. Но чаще столкновения возникают из-за того, что, почувствовав с возрастом свою силу, молодой самец оспаривает у вожака право первенства.

В таких битвах самцы наносят друг другу страшные увечья, пропарывая бивнями тело врага. Нечего и говорить, что во время и после сражений соперники находятся в самом раздраженном состоянии, и горе живому существу, которое в этот момент попадетсЯ им на глаза.

Один объездчик, служивший в лесничестве округа Салем, натолкнулся как-то в долине Додды Халлы на двух сражавшихся слонов. И тут произошло нечто удивительное: соперники забыли свою вражду и, громко затрубив, вдвоем накинулись на него.

Я уже писал в других рассказах о слонах-бродягах, поэтому не собираюсь здесь распространяться о них. Хочу только сказать, что более страшной встречи в джунглях быть не может. Тот, кто когда-нибудь услышит произи-

---

* Господин (хипди).

тельный, полный ярости и ненависти рев, увидит мчащееся на него через кусты и подлесок чудовище с загнутым внутрь хоботом, оттопыренными ушами и поднятым хвостом, запомнит это зрелище до конца своих дней.

В предгорьях Нилгири один слон-бродяга подбросил лесника высоко в воздух. При падении тот наткнулся на сломанный ствол бамбукового дерева и вскоре умер.

Слон-бродяга из Сегура, убитый преподобным Буллем, был сравнительно некрупным животным, но умным и свирепым. Он мог буквально красться за человеком или устраивать на него засаду, прячась за скалой или бамбуковыми деревьями. Как-то он поймал на сегурской дороге женщину-кули, растоптал ее, затем, играя, сорвал с трупа серебряный ожай браслет и шитку деревянных бус и зашвырнул на несколько ярдов в сторону.

Другой случай произошел с объездчиком из горного района Билигириранган, где водилось множество толстокожих. В то время там обитал слон-бродяга, за которым давно установилась дурная слава. Бродяга встретил объездчика и погнался за ним. Перебегая реку вброд, несчастный подвернул ногу. Слон поймал его и разорвал на куски. Целых три дня он неистовствовал над трупом и мешал проезду транспорта, пока не соблаговолит уйти, дав родственникам возможность собрать какие-то жалкие останки для сожжения.

В этом же округе бесчинствовал и другой слон-бродяга. Однажды он сбросил с дороги телегу вместе с запряженным в нее быком. Этот слон был убит Ван Ингеном, известным набивщиком чучел из Майсура.

Самое доблестное животное индийских джунглей, чья несокрушимая храбрость до сих пор не воспета, безусловно, дикий вепрь. В его теле, не таком уж крупном по сравнению с иными обитателями джунглей, таится больше решимости, напористости и неумолимой жажды убийства, чем у других известных мне животных. Слоны, бизоны и даже тигры и пантеры, будучи ранены, сначала неизменно пытаются уйти и нападают только в крайнем случае. Но раньте старого дикого вепря, и он из последних сил нападет на вас и будет драться с такой беззаветной храбростью, как ни один улан под Балаклавой*.

---

* Город в Крыму, у которого 13 октября 1854 г. во время Крымской войны произошло крупное сражение.

После слона наиболее интересное животное индийских джунглей — тигр. Лично я ему симпатизирую. Кроме, конечно, периодически встречаемых людоедов, которые подчас держат в страхе население на сотни миль вокруг, тигр вполне заслуживает того, чтобы его считали «джентльменом».

Охота на тигра — самый трудный вид этого спорта. Преследование раненого тигра очень опасно и требует от охотника великолепного знания джунглей. Но оставить его раненым в лесу, обрекая тем самым на страдания, — жестокость по отношению не только к животному, но и к людям, живущим поблизости: ведь ранение может превратить хищника в людоеда.

Пантера не может сравниться с тигром размерами, силой или отвагой, но она может быть очень коварным врагом. Я уже говорил, что даже пантеры-людоеды, несмотря на склонность к человеческому мясу, обычно испытывают страх перед людьми, характерный для их сородичей. Они редко нападают открыто, а почти всегда незаметно подползают к своей жертве сзади, предпочитая для этого темноту.

Пантера любит лакомиться мясом собак.

Когда-то на небольшой возвышенности, увенчанной храмом, едва ли в миле от города Коллегал округа Коимбагур поселилась пара пантер. Они дожимали американских миссионеров, живших у подножия горы, тем, что пожирали их собак, как только достопочтенные отцы ими обзаводились. В конце концов пантеры так обнаглели, что младший инспектор местной полиции вызвался уничтожить их с помощью нескольких юношей. Первым делом они подожгли около логова хищников траву, но так как это не дало результата, начали бросать в пещеру зажженные факелы. Пантеры выскочили оттуда, и в разыгравшейся схватке одна пантера была убита, а несколько юношей ранено.

«Мишка», неуклюжий медведь южной части индийских джунглей, — близорукое злое существо, отнюдь не храброе, но чрезвычайно возбудимое. Не так давно семейство медведей — отец, мать и довольно большой детеныш — облюбовало себе пещеру недалеко от Клозспета, в которой уже жила пантера. Когда хозяйка напала на пришельцев, медвежонок тут же пустился наутек. Родители пытались сопротивляться, но быстро спасовали перед

острыми когтями разъяренной пантеры и также обратились в бегство. Более того, глава семьи удирал с такой поспешностью, что сорвался со скалы высотой около ста футов и сломал себе передние лапы. На следующий день крестьяне копыями доби́ли его.

Стоит медведю услышать или увидеть приближающегося человека, как он, несмотря на свою неуклюжесть, со всех ног бросается прочь. Если же бежать некуда, он безо всякого повода с вашей стороны, побуждаемый не храбростью, а страхом, переходит в наступление, причем поровит своими тупыми четырехдюймовыми когтями попасть противнику в лицо. Я встречал местных жителей, которые подверглись нападению медведей: нанесенные ими раны были действительно ужасны, и жертвы до конца своих дней оставались обезображенными.

Движения медведя, когда он вырывает корни или роется в гнездах белых муравьев, чем-то походят на клоунаду. Стараясь достать самые вкусные корни и самых лакомых термитов, он изгибается и извивается, принимая причудливые позы. Издаваемые им звуки напоминают одновременно гудение самолета, жужжание осы, пытьше кузнечных мехов, причем последнее служит как бы аккомпанементом. Косолапый любит поспать в вырытых им неглубоких ямах, между скалами, в пещерах или же в густой траве под тенью деревьев. Храпит он так громко, что его хорошо слышно на расстоянии. Бывает, однако, что он спит беззвучно, и тогда ненароком можно на него наступить. Разбуженное животное с испуга незамедлительно кидается в атаку.

Люди племени шолага из Коимбатура отважно расправляются с медведями. Они прославились тем, что короткими острыми топориками проламывают черепа косолапым. Пытаясь достать до лица своего врага, медведь становится на задние лапы и тем самым открывает голову, шею и грудь топорю, находящемуся в руках сильного и решительного охотника. Щитом охотнику служит небольшое черное шерстяное одеяло, которое шолага обычно обертывают вокруг левой руки.

Вегетарианец и насекомоядный, медведь, однако, не гнушается падалью. Я несколько раз наблюдал, как он ворует сгнившую добычу тигра или пантеры.

Одна из опасностей, таящихся в джунглях, это ядовитые змеи. Судя по рассказам, которыми потчуют нович-

ков, индийские леса кишат пресмыкающимися. В действительности же в лесных районах водятся сравнительно мало змей. Они предпочитают поля поблизости от деревень, где произрастают зерновые. Здесь в земляных норах обитают миллионы полевых мышей, которые питаются зерном, а мышами питаются змеи.

На всем полуострове Индостан водятся только пять видов ядовитых змей, способных ввести в тело человека смертельную дозу яда: кобра, или очковая змея, гамадрида, гадюка Расселя, чешуйчатая гадюка, или пурса, и караит. Коралловая змея также очень ядовита, но ее пасть настолько мала, что она не в состоянии укусить человека. Укус рябой гадюки приводит к смертельному исходу лишь в редких случаях, причем пострадавший гибнет от шока. Большинство морских змей очень ядовиты; яд некоторых из них в двенадцать раз сильнее, чем яд кобры, но они, естественно, водятся только в море.

В общем относительная сила яда различных змей такова: яд гадюки Расселя примерно в два раза сильнее яда чешуйчатой гадюки, яд кобры в три раза сильнее яда гадюки Расселя, яд змеи караит почти в два раза сильнее, чем кобры. По сравнению с коброй яд гамадриды слабее, но зато эта самая большая в мире ядовитая змея, достигающая иногда в длину более пятнадцати футов, выпускает при укусе в четыре раза больше яда, чем содержится в железах кобры. Поэтому укус гамадриды вызывает смерть в три раза быстрее, чем укус кобры.

Гамадрида встречается только в холмистой местности среди вечнозеленых лесов, где выпадают обильные дожди. Она обитает исключительно в джунглях и по возможности избегает поселений людей. Питается она другими змеями, поэтому ее очень трудно содержать в неволе. Недавно в зоопарке Майсура погибла от голода одна из таких змей. На протяжении целого года ей предлагали различных неядовитых пресмыкающихся, но она упорно их отвергала. Смерть гамадриды вызвала бурную полемику в прессе Майсура, причем отдельные лица по религиозным мотивам выражали сильное недовольство действиями администрации зоопарка.

Гамадрида — крупная, как я уже сказал, змея, обычно зеленовато-оливкового цвета с белыми полосами. В Бирме и Малайе ее самцы бывают почти черными, хотя полосы у них все же различимы. По сравнению с коброй у га-

мадриады шея менее развита относительно длины тела и нет знаменитых «очков». Считается, что гамадриада очень агрессивна и нападает первой, особенно самка, охраняющая яйца. Я этой агрессивности не заметил, хотя дважды встречался с гамадриадой. Первый раз это произошло у ручья, протекающего глубоко в долине Западных Гат близ местечка Агумбе. Я выкапывал корни древовидного папоротника для моего сада в Бангалуре и погнался по воде за плывшей мимо редкой рыбой с ярко-красным хвостом. Мне хотелось заполучить ее для домашнего аквариума. Вдруг я заметил, что из зарослей папоротника высовывается голова ящерицы-игуаны. Я подошел ближе, чтобы разглядеть ее получше, но тут гамадриада — это была она, а вовсе не ящерица-игуана — поднялась на берегу во весь свой рост, оказавшись на целых шесть футов выше меня. Пресмыкающееся дрожало от ярости, его черные глаза горели, воздух с шумом вырывался из пасти. Со мной не было даже палки, поэтому я стоял совершенно неподвижно. Через несколько секунд дрожь начала ослабевать, надутый воздухом ошейник поник, змея опустила ее не далее чем в пяти футах от меня и заскользила через ручей. На полпути она остановилась и оглянулась, как бы проверяя, что я собираюсь делать. Я по-прежнему стоял неподвижно. Тогда она возобновила свой путь и исчезла в папоротнике у другого берега.

Второй случай произошел около Сантавери, на возвышенности Баба Будаи, во время охоты на тигра. Я сидел под деревом, как вдруг за моей спиной раздался странный свистящий звук, напомнивший мне сигнал, которым самец-бизон предупреждает об опасности. Я ожидал увидеть его, но из зелени появилась гамадриада и проползла через просеку рядом со мной. Сомневаюсь, однако, что на этот раз змея меня видела, так как я сидел неподвижно и не шевельнул ни одним мускулом.

Большинство людей, которым я рассказывал эти два случая, утверждали, что я спасся только благодаря тому, что не двигался. Может быть и так. Одно несомненно: мне повезло значительно больше, чем несчастному немецкому зоологу, прибывшему несколько лет назад в Агумбе, чтобы поймать для зоопарка пару гамадриад. Первым он без особого труда поймал самца. Двумя днями позже, когда он пытался поймать самку, она его укусила. Тут же в джунглях он и скончался.

В этой связи я вспомнил выступление одной бродячей заклинательницы змей, которое мне довелось увидеть в Мемье в Бирме. Если мне не изменяет память, заклинательница была очень красива. Она вынула гамадриаду из корзины и танцевала перед ней, пока та не приподнялась на несколько футов над землей, раздув шею. Тогда заклинательница поцеловала ее в рот. Позже я осмотрел змею и обнаружил у нее и ядовитые железы, и ядовитые зубы. Но это был самец гамадриады, а заклинательница, повторяю, была очень красивой женщиной. Возможно, именно поэтому он обошелся с ней так по-рыцарски.

Кобра хорошо известна и не требует подробного описания. Вопреки распространенному мнению она редко достигает в длину шести футов. В Индии водятся «одночковые» кобры — с белым пятном на шее, обведенным черным кольцом, «двухчковые», и кобры, вовсе не имеющие таких знаков, хотя их шеи также сильно развиты.

Узнать кобру по окраске трудно, так как она бывает всех цветов и оттенков, от черного как смоль, до белесого. Однако наиболее распространены серые и коричневые кобры.

Даже укусы детенышей кобры, только что вылупившихся из яйца и имеющих не более шести дюймов в длину, смертельно ядовиты. Наиболее агрессивны кобры в первые два года своей жизни. С возрастом они становятся спокойнее, а очень старые кобры кусают лишь в случае непосредственно им угрожающей опасности. В этом возрасте их можно приручить, не удаляя ядовитых желез и зубов.

Кобры откладывают яйца, примерно пятнадцать, с мягкой оболочкой и размером с голубины в неглубокую ямку или среди гнилых листьев. Для успешного выведения змеенышей необходимо солнечное тепло — только не прямые солнечные лучи — и значительная влажность, иначе яйца ссыхаются.

Средняя длина змеи караит около трех футов. Ее тонкое черное тело обвито белыми поперечными полосами. Она быстро двигается, очень пуглива и нервна, и в неволе обычно умирает по неизвестным причинам в течение одних-двух суток.

Гадюка Расселя — толстая змея, немногим более пяти футов в длину, с тремя рядами темно-коричневых ромбовидных пятен, расположенных цепочками вдоль спины

(одна в центре и по одной на каждом боку). Именно поэтому ее иногда называют «цепной змеей».

Чешуйчатая гадюка едва достигает двух футов. Это коричневая змея с белыми бороздками. Она замечательна тем, что ее плоская спина покрыта чешуей. В состоянии раздражения она закручивается в кольца, отчего чешуйки издают громкий скрежещущий звук.

Гамадриада, кобра и караит имеют по два неподвижных зуба, длиной соответственно в половину, четверть и одну восьмую дюйма. В их задней стенке проходят протоки, по которым тонкой струйкой стекает яд, выделяемый ядовитыми железами.

Гадюка Расселя и чешуйчатая змея также имеют по два ядовитых зуба. В бездействии они лежат в задней части рта, но могут быть подняты и повернуты на своем основании, как на оси. Вследствие такого строения жертва получает почти всю дозу яда, выделяемую ядовитыми железами. Ядовитые зубы крупной гадюки Расселя достигают до дюйма в длину и протыкают башмак из мягкой кожи, краги, брюки, плотные шерстяные носки.

Можно указать только приблизительные сроки наступления смерти человека после укуса его змеей, так как они зависят от многих обстоятельств: от возраста, конституции, здоровья и физического состояния пострадавшего, от размера змеи, от того, кусала ли она недавно другое живое существо и какое количество яда фактически попало в кровь человека.

После укуса гамадриады смерть наступает приблизительно через полтора часа; караит — через два-три; кобры — через четыре-шесть; гадюки Расселя — через двенадцать-тридцать шесть; чешуйчатой гадюки — спустя три-семь дней.

В Индии водится также огромное количество неядовитых змей. Возможно, наиболее интересная из них питон, достигающая восемнадцати футов. Некоторые малайские представители этого вида имеют в длину до тридцати пяти футов. Питон душит свою жертву — в зависимости от его размеров это может быть крыса, кролик, свинья и даже не крупный олень, — обвиваясь вокруг нее кольцами, а затем заглатывает ее целиком. Я читал, что во время военной кампании Бирмы против Японии случайно был подстрелен «сетчатый питон» (такое название получила обитающая в Малайе разновидность питона, встречаемая также

и в Бирме), который имел в длину свыше сорока футов. В смертельной агонии он выринул тело японского солдата вместе с каской. Не могу ручаться за достоверность этого рассказа, хотя он и появился в печати.

Ошибочно мнение, будто прежде чем проглотить свою жертву, питон покрывает ее слизью. Как у всех удавов, его челюсти не соединены между собой, а шкура очень эластична, поэтому он может проглотить животное, в несколько раз превосходящее размером его голову и туловище.

Среди неядовитых пресмыкающихся много разновидностей земляных змей, несколько видов древесных — тонких, очень подвижных, напоминающих по виду хлыст, песчаных, похожих на огромных червей, большое количество пресноводных. Одна из разновидностей песчаных змей имеет короткий тупой хвост, который выглядит как голова, что послужило основанием для широко распространенного убеждения, что у этого пресмыкающегося две головы.

Я всегда любил змей и с восьми лет держал их для забавы. Поэтому в школе я был чем-то вроде «шугала», особенно для девочек. Меня выгоняли из кино, из воскресной школы и даже из церкви за то, что я выпускал там пресмыкающихся. Кличка «заклинатель змей Андерсон» так и осталась за мной, хотя мне уже сорок восемь лет.

Змеиный яд имеет широкое применение в медицине, и я уверен, что еще не все его целебные свойства открыты. Работа в этой области затрудняется опасностью экспериментирования над человеком. Яд некоторых змей применяется в незначительных количествах при кровоизлияниях. Дантисты и остальные врачи используют его для прекращения кровотечения после удаления зубов и других мелких операций. Яд кобры и караит в малых дозах является эффективным лекарством при эпилепсии и других нервных заболеваниях.

Институт имени Хавкина в Бомбее изготавливает анти-токсические сыворотки, как применяемые после укуса змей одного вида, так и комбинированные. Последние незаменимы в тех случаях, когда неизвестно, кем укушен пострадавший. Для изготовления сыворотки под кожу лошади вводят змеиный яд, постепенно увеличивая его количество, пока лошадь не приобретает иммунитет, позволяющий переносить дозу в три-четыре раза больше смер-

тельдой. Затем у пса из вены берут кровь, из которой в конце концов изготавливается противоядие.

О способе приготовления сыворотки я услышал еще мальчишкой, очень им заинтересовался и решил сам его испробовать. Достал двух старых пони и обезьяну — где, до сих пор не решаюсь сказать, — и небольшим шприцем, приобретенным для этой цели, ввел им начальную дозу яда кобры. К несчастью, мои познания о дозировке были в то время довольно ограничены, и в результате через несколько часов мне пришлось хоронить пони и обезьяну. Помню, отец очень на меня сердился.

Накануне последней войны я хорошо зарабатывал, экспортируя в США змеиный яд, особенно яд кобры, в виде кристаллов. Средняя кобра вырабатывает каждые четыре-пять дней примерно кубический сантиметр яда. После кристаллизации он весит грамм; я получал за него около полутора долларов. У меня было двадцать кобр, следовательно, на их яде я зарабатывал тридцать долларов каждые пять дней или сто восемьдесят долларов в месяц. Весьма недурно, если принять во внимание, что змеи мне ничего не стоили, а кормил я их раз в десять дней лягушками и ящерицами, которых ловил подросток-индеец. Он получал за эту работу семь рупий в месяц, то есть примерно десять шиллингов.

Чтобы взять яд у пресмыкающегося, надо схватить его за шею и плотно прижать его пасть к стеклянной чашке, покрытой резиновой пленкой. Змея кусает резину. При этом яд выделяется из ее желез и попадает в чашку. Во избежание потери яда, который может растечься по поверхности резины, последняя должна быть очень тонкой, а чтобы змея не сломала о стекло зубы, край чашки обрабатывают несколькими рядами изоляционной ленты.

Кобра, раздувая шею, поднимается почти на треть своей длины и выставляет голову. В этот момент сравнительно нетрудно приставить палку к ее шее, пригнуть змею к земле и схватить сзади. Куда сложнее иметь дело с гадюкой Расселя, чешуйчатой гадюкой и караит: они прячут голову под кольцами своего тела и к тому же намного проворнее кобры. Да и длинные подвижные зубы гадюки делают ее опасным клиентом, требующим в обращении чрезвычайной осторожности.

Приручить кобру тоже легко. Кобры, находящиеся в корзине бродячего заклипателя, обезврежены — у них

удалены не только ядовитые зубы, но и железы, благодаря чему секреция яда прекращается и змея навсегда остается безвредной, хотя зубы у нее примерно через месяц вырастают снова. У гадюки Расселя ядовитые железы не могут быть удалены: они расположены слишком близко от мозга, рядом с большой артерией, проходящей в полости рта. Поэтому змеям этого вида заклинатели сшивают края нижних и верхних губ, оставляя посередине отверстие; в него раз в неделю вставляют костяную трубочку, через которую несчастным вводят пищу. Обычно она состоит из вина с желтком, стертым с молоком и сахаром. Так же кормят кобр, которые в неволе часто отказываются от своей естественной пищи.

Благодаря тому, что змея редко принимает пищу, ее несложно держать в неволе. Как правило, ей достаточно на семь-десять дней крысы, лягушки, ящерицы или птицы. Как ни странно, маленькие змеи значительно прожорливее крупных. Реже всех питается питон — с интервалом от двух недель до месяца, в зависимости от того, какое животное составило его последнюю трапезу.

Для всех змей, как ядовитых, так и неядовитых, характерно одно — все они, кроме гамадриады, боятся и избегают человека. Заслышав его приближение, они стараются скрыться из виду. Кусают змеи — в порядке самозащиты и от страха — только в том случае, если на них наступить. Между прочим, полезно знать, что змеи лишены органа слуха. «Слышать» означает для них чувствовать телом вибрацию. Поэтому рассказы о звуках флейты и других инструментов, «зачаровывающих» кобру, — сплошной вымысел. Ее внимание привлекает не музыка, а ритмичное покачивание тела, головы и рук играющего заклинателя. Оно-то и заставляет змею двигаться в такт с ним из стороны в сторону. Поэтому бесполезно, идя в Индии ночью по тропинке, разговаривать, кричать, петь или свистеть, чтобы отпугнуть притаившуюся змею. Гораздо действеннее тяжелые ботинки и постукивание палки по земле.

Два-три раза в год змеи меняют кожу. Она снимается наподобие чулка или перчатки. Чтобы освободиться от нее, змея либо трется о неровную поверхность, либо обивается вокруг какого-нибудь предмета.

Некоторые распространенные в Индии змеи размножаются путем откладывания яиц, некоторые — живородя-

щие. Наличие яда не влияет на способ деторождения. Кобра, например, откладывает яйца, тогда как гадюка Расселя и питон родят живых детенышей.

Кобра обычно селится поблизости от жилья человека; ее можно найти в термитниках и в норах грызунов на полях. Как ни странно, она избегает леса. Гамадриада, наоборот, обитает исключительно в джунглях. Гадюка Расселя чаще встречается в лесу и в густой траве, нежели вблизи селений, карайт вообще змея довольно редкая. Чешуйчатая гадюка водится в основном в сухой песчаной местности.

Брать в джунгли ампулы антитоксина бесполезно: они требуют хранения в холодильнике. Единственное надежное средство при укусе змеи — это сделать немедленно глубокий надрез и высосать как можно больше отравленной крови. Она не опасна для жизни. Яд кобры даже подмешивают в корм птицам, чтобы придать им больше воинственности во время петушинных боев. Это любимое развлечение мусульман, населяющих некоторые части Индии, которые ставят на победителей крупные суммы денег.

Перевязка над местом укуса требует времени и известного умения. Прежде чем ее успевают сделать, яд попадает в кровь. Кроме того, этот способ неприемлем, если пострадавший укушен в туловище.

Марганцовокислый калий в известной мере нейтрализует действие яда, но прежде чем засыпать кристаллы в ранку от укуса, необходимо сделать глубокий надрез, чтобы они могли проникнуть глубоко в ткань. Поэтому, отправляясь в джунгли, я всегда кладу в карман острый перочинный нож.

Я знаю человека, кстати говоря, браконьера, которого укусила кобра. У него хватило силы воли насыпать в ранку и вокруг нее порошу и поджечь его. В результате он выжег в ноге глубокую рану и стал прихрамывать, но не погиб.

Другой мой знакомый, заклинатель змей, укушенный коброй в большой палец руки, приставил к его второму суставу нож и что было сил ударил по нему тяжелым камнем. Для полной ампутации потребовался не один удар. Заклинатель чуть не истек кровью, но тем не менее выжил и жив по сей день.

Свидетелем третьего случая я был сам. Однажды мне пришлось заночевать в бунгало в Мутуре. На рассвете

меня разбудил человек, сообщивший, что с час пазад его укусила кобра.

Он вез в Пеннагарам бамбук. Накапуце, увидев на обочине дороги стадо диких слонов, он перепугался и вернулся на место привала, где заночевал. Около четырех утра он снова отправился в путь, но на этот раз шел позади телеги, чтобы ему было легче убежать, если снова встретятся слоны. Внезапно возница почувствовал острую боль и, взглянув вниз, увидел припавшую к его стопе змею. Быть может, колесо телеги пересекло ее. Он отшвырнул змею, она скользнула в сторону и скрылась, но по вздутой шее он успел заметить, что это была кобра. Он прошел две мили до бунгало в надежде найти там помощь. Я немедленно сделал в ране глубокий разрез и вместе с лесником начал водить несчастного по веранде, пытаясь удержать от обморока. Но вскоре я убедился, что все мои старания напрасны. У возницы изо рта потекла слюна, глаза закатились, речь стала несвязной, он зашатался, как пьяный. Мне удалось узнать у него имя и фамилию родственников, живших в миле от Пеннагарам. Внезапно он повис на моих руках мертвым грузом и потерял сознание. В половине десятого он скончался.

Я послал лесника сообщить о случившемся семье покойного и в полицейское отделение Пеннагарам. В два часа дня на телеге, запряженной быками, приехали громко причитавшие родственники. Затем прибыли полицейские. Они пожелали узнать, почему под бунгало закапала кровью, почему я сделал разрез в ране, почему пострадавший скончался. Наконец тело было уложено на телегу и отправлено в полицейский участок. Мне тоже предложили туда поехать, но я категорически отказался. Главный констебль, подумав, разрешил мне остаться при условии, что я не покину бунгало, пока не станут известны результаты вскрытия. Ответ пришел через три дня — возница умер от укуса кобры. На четвертый день полиция сообщила мне, что я больше не состою под подозрением.

За все тридцать девять лет, в течение которых я имею дело со змеями, я только один раз был укушен. Это случилось в 1939 году. Я схватил кобру, но она выскользнула у меня из рук и ужалила в указательный палец левой руки. К счастью, мой участок находился в девяти милях от Бангалура, и я на машине добрался до госпиталя, где мне проделали курс лечения. Неприятные последствия

мне пришлось испытать, но не от укуса, а от инъскции. На третий день у меня частично парализовало обе ноги. Вливания кальция и других лекарств за один день сняли эти явления.

В заключение мне хочется рассказать о широко распространенном в южной Индии странном поверии, будто начальник станции Полредипальян по фамилии Нараснах вылечивал любого человека, укушенного змеей, если его об этом извещали телеграммой. Это поверие укоренилось так глубоко, что телеграммы на имя Нараснаха передавались вне очереди. Из достоверных источников я слышал о многих случаях чудесного исцеления пострадавших, и в южной Индии по сей день живут сотни людей, которым он спас жизнь. Его *modus operandi* состоял в следующем: как только господин Нараснах получал телеграмму, он отправлялся к дереву, росшему во дворе, вырывал из дхоти или набедренной повязки нить, привязывал ее к ветке дерева и произносил молитву, после чего посылал пациенту телеграмму, в которой сообщал, что гарантирует ему жизнь, если тот откажется от табака, алкоголя и кофе. Пострадавший неизменно оставался жив.

Увы! Господин Нараснах отозвался на призыв всевышнего и ушел от нас. Но его никогда не забудут. Не знаю, умер ли его секрет вместе с ним, но боюсь, что да, так как мне не доводилось слышать, чтобы кому-нибудь еще удалось излечить человека от укуса змеи, пользуясь методами Нараснаха.

УБИЙЦА ИЗ ХАЙДАРАБАДА

В период британского правления к северу от княжества Майсур находились округа Беллари, Анантапурам, Карнул и Нандьял, относившиеся к бывшему Мадраасскому президентству. На север от них было расположено княжество Хайдарабад — владение хайдарабадского низама. Потомок некогда всемогущего могольского императора в Дели был верным союзником британских властей.

В настоящее время Хайдарабадское княжество более не существует и часть обширных земель низама вместе с округами Анантапурам, Карнул и Нандьял входят в состав штата Андхра Прадеш, на территории которого живет народ телугу. Андхра Прадеш — второй по величине штат Индийского Союза, уступающий только расположенному на север от него штату Мадхья Прадеш.

Событие, о котором пойдет речь, относится к тому давнему времени, когда эти округа входили в провинцию Мадрас.

Плохой климат препятствовал их развитию: дожди здесь выпадают редко, и на протяжении десяти месяцев в году держится невыносимая жара (в остальные два месяца жара тоже изнурительна). Плотность населения была невелика. Кроме городов Анантапурама, Карнула и Нандьяла — центров одноименных округов — население сосредоточивалось в маленьких деревнях, разбросанных на большом расстоянии друг от друга.

Железная дорога из Бомбея в Мадрас составляет в этих краях главную транспортную артерию. В Гунтакале от нее ответвляются три узкоколейные линии: на запад, на юг к Бангалуру в княжестве Майсур и на восток, через Дроначелам и Нандьял к Безваде, а оттуда к восточному побережью.

За Гунтакалом, Дроначеламом и Нандьялом восточная ветка проходит через лесной район и до Безвады минует пять станций: Газулапалл, Басавапурам, Челама, Богару, Дигувамету.

На узкоколейных линиях движение медленное, и машинисты почтовых поездов еще и сейчас часто видят ночью в свете паровозных фар диких животных, переходящих железнодорожное полотно. Нередко поезд сшибает кабана или оленя, решившегося в последнюю минуту перебежать дорогу.

От этих пяти станций в окружавшие джунгли вели в те дни только неровные и каменистые проселочные дороги и пешеходные тропы. Автомобильных шоссе еще не было. Это явилось одним из главных обстоятельств, которые способствовали сохранению местной фауны. В других частях страны неутомимые, но движимые дурными побуждениями охотники, вернее говоря, браконьеры, истребляли по ночам животных, попадавших в снопы света от фар автомобилей. Чаще всего эти «охотники» даже не знали, в какое животное стреляют. Бессмысленное, жестокое истребление нанесло и продолжает наносить огромный ущерб фауне Индии, поскольку распространяется на самок с детенышами. Множество тяжелораненых животных уплывает в джунгли и после медленной и тяжелой агонии умирает от смертельных ран. В свое время британские власти пытались бороться с браконьерством. Сейчас аналогичные усилия предпринимает правительство Индии. До сих пор они ни к чему не привели, и разбой продолжается. Он не прекратится до тех пор, пока население не поймет, что дикие животные составляют национальное достояние, и не положит конец их беспорядочному уничтожению или пока дикие звери не будут полностью истреблены.

В районе Газулапалл-Дигуваметы до последнего времени можно было започевать в джунглях, не боясь быть ослепленным светом фар и оглушенным ревом мотора, не опасаясь услышать звук выстрела, а может быть, и предсмертный крик животного.

Живет здесь племя ченчу, говорящее на языке телугу. Основную одежду людей этого племени составляет рваная и грязная набедренная повязка. Мужчины носят лук и стрелы, украшают себя бусами и перьями, а в торжественных случаях втыкают в волосы перья павлина.

Я не собираюсь ни протестовать против ночной охоты в автомобилях, ни описывать жизнь ченчу. Я просто хочу рассказать о тигре-людоеде, который на протяжении целых четырех лет время от времени терроризовал эту местность.

Началось с того, что тигр убивал и пожирал ченчу и одиноких путников в лесах княжества Хайдарабад. Примерно через полгода он ушел на юг и дал знать о своем прибытии в Челаму, похитив путевого обходчика.

В тех местах неизменно водилось множество тигров, но благодаря изобилию естественной добычи они редко досаждали местному населению, разве что задерут иногда корову. Поэтому, когда путевой обходчик исчез, решили, что он покинул насиженное место по одному ему известным причинам. Только через несколько месяцев, когда то там, то здесь стали пропадать ченчу, возникло подозрение, что причиной этих исчезновений может быть тигр.

Прошло три или четыре месяца после случая с путевым обходчиком, прежде чем тигр обнаружил свое присутствие. Однажды вечером двое угольщиков возвращались в деревеньку Вадалали, расположенную на опушке леса. До деревни оставалось с полмили, когда шедший впереди заметил, что из гнезда, находившегося довольно высоко над землей, вылетела пятнистая курочка коэл (самец коэл черен как смоль). Эта птица, по-видимому, наиболее крупный представитель семейства кукушек, к которому относятся также индийская «полоумная птица». Как все кукушки, коэл не строит гнезд, а подкидывает свои яйца другим птицам.

Раз коэл вылетела из гнезда, значит она только что отложила там яйцо. Яйца коэл считаются у ченчу большим деликатесом, но их трудно отыскать, поскольку они могут лежать в любом гнезде. Шедший первым угольщик поспешил обрадовать своего спутника. Тот, будучи помоложе, начал карабкаться на дерево и был уже почти у цели, когда внизу раздался пронзительный крик. С ужасом он увидел тигра, который углублялся в джунгли, унося в пасти его товарища, отчаянно звавшего на помощь.

Ченчу постепенно взобрался на самую верхушку дерева, в то время как тигр со своей не перестававшей кричать жертвой скрылся из виду.

Наступила ночь, но ченчу не осмелился спуститься на землю. Он провел на дереве двенадцать часов, дрожа от страха и холода, каждую минуту ожидая возвращения тигра. На следующий день, когда солнце стояло уже высоко, он начал кричать во все горло. Ветер дул в направлении деревни, его голос, наконец, был услышан, и группа крестьян отправилась на разведку.

Так людоед оповестил население, что выбрал своим местопребыванием район Челама.

Ченчу из Вадапалли сообщил эту новость начальнику станции Челама, тот телеграфировал в Нандьял, а оттуда известие было передано полиции, лесничеству, железнодорожным властям и коллектору округа *. Начались суды и пересуды, вспомнились таинственные исчезновения нескольких ченчу и железнодорожного обходчика, и в них обвинили людоеда.

Когда в джунглях появляется людоед, лесничество обычно разрешает охотиться в окрестных лесах без лицензий. Эта мера была принята и на этот раз, однако извещение лесничества не встретило горячего отклика. Мало кто пожелал выслеживать людоеда в местности, почти совсем лишенной дорог, где каждый ярд приходилось преодолевать пешком.

Не то один, не то двое железнодорожников предприняли попытки убить людоеда. Они разъезжали на дрезине взад и вперед между Газулапалли и Челамай, рассчитывая, по-видимому, наткнуться на тигра, услужливо усевшегося рядом с железнодорожным полотном и только того и ждущего, чтобы его пристрелили. Но людоед — увы! — не проявил галантности. Они так и не увидели тигра, хотя с каждой неделей все больше ченчу становилось жертвой незримого злодея. Только двоих исчезнувших разыскивали. Крестьянам, вооруженным палками, топорами, луками и стрелами, удалось обнаружить их разбросанные останки. Остальные жертвы пропали бесследно: слишком трудно было передвигаться в джунглях, да и крестьяне не хотели рисковать жизнью ради того, чтобы спасти лишь полусъеденный труп.

---

* Глава административных органов.

Это может показаться безразличием и бессердечностью, но я напому читателю, что эти бедные люди не имели оружия и не были организованы для борьбы с людоедом. Густые джунгли покрывали огромное пространство, и только несколько тропинок вело через чащу, нагроможденная валунов и заросшие лощины, пересекавшие лес во всех направлениях. Все знали, что, если людоед осмелится напасть на отправившихся на поиски людей, по крайней мере один погибнет, и каждый боялся, что это будет он. Можно ли их винить за это?

Когда число жертв людоеда возросло до одиннадцати, он, по-видимому, на какое-то время покинул эти края, так как в течение трех-четырех месяцев здесь не было убийств, хотя они возобновились вблизи реки Кришны. Тогда, и только тогда стало очевидным, что людоед из Хайдарабада и людоед из Челамы — одно и то же животное.

В княжестве Хайдарабад призыв к охотникам был встречен с большим энтузиазмом, и один или два мусульманских наваба * приступили к активным действиям против тигра. Он в своей дерзости дошел до того, что убил путника совсем рядом с деревушкой Мадикондой. Его отогнали, прежде чем он успел приступить к трапезе. Известие об этом было передано местному навабу, который разбил лагерь в нескольких милях от деревни.

Наваб стремглав помчался к месту происшествия и поспел туда до того, как труп унесли для кремации. На соседнем дереве он соорудил махан, чтобы дожидаться возвращения тигра к своей добыче. Его жертвой оказался бродяга, не имевший в той местности родственников, которые могли бы потребовать его тело, так что этот случай представлял единственную в своем роде возможность убить людоеда.

Но на этом и кончилось везение наваба. Почти одновременно с возвращением тигра неожиданно разразилась гроза. Так по крайней мере уверял наваб. Как бы то ни было, ему не удалось уложить тигра на месте, и при утреннем свете было обнаружено несколько кровавых следов, не смытых дождем. Наваб был удовлетворен сознанием того, что попал в тигра, хотя никто не смог назавтра пойти по следу хищника и отыскать его труп. Но наваб, да и все остальные, были уверены, что людоед мертв.

---

* Крупный землевладелец.

Прошло еще несколько недель. В один прекрасный день ченчу, охотившийся недалеко от Газулапали на куропа-ток и лесных петушков, не вернулся к обеду домой. В тот день он собирался проверить силки, расставленные в джунглях накануне, и обещал, как обычно, к обеду быть дома. Но прошел день, спустились сумерки, он все не возвращался, и его жена и единственный сын, уже юноша, начали беспокоиться. Они, конечно, слышали об убийствах в окрестностях Челама, но те произошли несколько месяцев назад, и с тех пор все о них забыли. Теперь же, когда их кормилец не пришел, жену и сына охватили дурные предчувствия.

Изучение случаев нападений людоедов убеждает, что они происходят при более или менее сходных обстоятельствах. «Злодей» появляется внезапно, чаще всего после того, как ранение лишает его возможности охотиться на животных. Убийства людей, сначала редкие, учащаются по мере того, как хищник осознает свою силу и превосходство над беспомощным в целом населением. Всем людоедам, как тиграм, так и пантерам, присуще одно странное свойство: несмотря на возрастающее чувство презрения ко всему человеческому роду, все их существо проникнуто осторожностью, каким-то подсознательным шестым чувством, которое иные охотники считают трусостью. Эти животные всегда нападают на жертву врасплох, обычно когда человек один или по крайней мере открывает или замыкает движущуюся цепочку людей. Случаи нападений людоедов на группу людей очень редки. Если же намеченная жертва оказывает сопротивление и борется за свою жизнь, людоед нередко отступает и обращается в бегство. Правда, это относится скорее к пантере, чем к тигру, по той простой причине, что последний — настолько сильное животное, что после его нападения немногие выживают и в состоянии возвратиться домой и рассказать о случившемся. Присущая всем людоедам осторожность или трусость — назовите это, как хотите — чрезвычайно осложняет их преследование. Неудачные попытки перехитрить животное делают его еще более осторожным, как будто оно понимает, что за его голову объявлена награда.

Тигр-людоед придерживается во время охоты определенного маршрута, иногда протяженностью в несколько сот миль. Он останавливается поблизости от сел или деревень

на неделю, другую, а затем снова следует дальше. Благодаря этому он не только исчезает, когда атмосфера вокруг него слишком накаляется, но и переходит на новые уголья, на новое поле деятельности, где его приход является неожиданностью для населения. Как только убийства прекращаются, крестьяне по свойственному им легкомыслию начинают думать, что опасность миновала, забывают об осторожности и, когда хищник в конце концов появляется, один из них легко становится его добычей. А поскольку тигр движется по огромному кругу, он через месяц-два или даже больше — это зависит от протяженности его маршрута — обязательно возвращается на старое место.

Как я уже упоминал раньше в этой книге, имея терпение и располагая необходимой информацией — получить ее не так-то просто, — а также картой округа, на которой отмечены места и даты убийств, можно не только определить область охоты тигра, но и установить срок его возвращения в то или иное место с точностью до двух недель. Это одно из главных обстоятельств, помогающих охотнику составить правильный план охоты на людоеда.

Я изложил историю появления «челамского людоеда» или, как его чаще называют, «убийцы из Хайдарабада», которую значительно позже восстановил из разрозненных фактов. Боюсь утомить вас подробным перечислением убийств, совершенных им после того, как он убил и частично съел охотника за птицами из Газулапали. Каждый новый случай был похож на предыдущий.

Тигр все время менял свое местонахождение, курсируя между Газулапали и Челамой на юге и рекой Кришной в княжестве Хайдарабад на севере. Достаточно бросить взгляд на карту, чтобы понять, сколь велик был район его действий. К тому же после ранения, нанесенного ему у Мадиконды навабом, он удвоил и утроил обычную для людоеда осторожность и вскоре приобрел репутацию «сущего дьявола», какого-то сверхъестественного злого духа. Теперь он старался как можно больше объесть свою жертву сразу же после убийства и крайне редко возвращался к ней полакомиться вторично. Это не только создало значительные трудности для преследовавших его охотников, но и увеличило количество жертв. Ведь для утоления голода тигру приходилось чаще заботиться о добыче.

Область его охоты была обширной и глухой, его хищнические действия не получили широкой огласки, и лишь

изредка в одной из местных газет появлялись краткие сообщения, уведомлявшие равнодушных читателей, что людоед еще раз потребовал себе дань. Так за три с половиной года он успел совершить около восьмидесяти убийств. Только тогда заметили, в какую грозную опасность он превратился.

Нам эта цифра кажется чудовищной. Но для такой огромной страны, как Индия, где средняя продолжительность жизни в настоящее время не достигла тридцати лет, а раньше была и того меньше, где голод, наводнения, болезни уносят каждый год тысячи жизней и где тысячи людей умирают от укусов змей, где рождаемость настолько увеличивается, что, несмотря на раннюю смертность, выдвигает серьезные проблемы, восемьдесят людей, ставших жертвой тигра, — это всего лишь капля в океане.

К тому же количество жертв достигло этой цифры за тысячу триста дней, то есть тигр любил, как «гурман», только полакомиться человеческим мясом. Это означало, что он разнообразил свое меню домашними и дикими животными. Следовательно, тигр не отвергнет приманки, если охотник ему ее предложит.

Время от времени я читал в газетах сообщения об убийствах, совершенных тигром. Лесничество прислало мне несколько официальных писем с предложением попытаться удачи в охоте на людоеда, но я оставался глух к этим просьбам. Работа не позволяла мне отлучаться надолго, да и область охоты людоеда находилась так далеко от Бангалура, что я не мог своевременно поспеть туда после извещения о появлении тигра или о новом убийстве человека. В то же время меня всегда интересовали проделки людоеда и слона-бродяги. Поэтому я договорился с лесничеством и полицейскими властями Мадрасского президентства и княжества Хайдарабад о том, что буду получать от них сведения о местах и датах убийств людей, и стал наносить их на карту местности. Последующее изучение карты показало, что хищник, по-видимому, от двух до трех месяцев охотится в районе Газулапали и Челама, а затем отправляется на север и следующие четыре месяца проводит в Хайдарабаде, после чего возвращается обратно. Расстояние от Газулапали до Басавапурама составляет шесть миль, а от Басавапурама до Челама — пять. Эти районы не только значительно ближе к Бангалуру, чем отдаленные области Хайдарабада, но меньше их по площади и

соединяются с Бангалуром железнодорожной веткой. Наконец, они гуще населены, следовательно, я мог скорее рассчитывать на помощь и на своевременное извещение об «убийстве», чем если бы начал действовать в джунглях Хайдарабада.

Как видите, я тешил себя мыслью, что когда-нибудь попытаюсь выследить людоеда, но он вынудил меня перейти к решительным действиям. Однажды утром инспектор Департамента общественных работ отправился на дрезине проверить линию Челама — Басавапурам. В Индии дрезина представляет собой простую деревянную платформу на четырех колесах не более шести футов в длину с установленной на ней скамейкой из неструганных досок. Эту платформу толкают двое кули — дрезинщиков. Они наловчились ставить ступни точно на рельсы, чтобы не наступать на щебень, причиняющий босым ногам острую боль. На подъемах кули двигались шагом, на ровном месте гнали дрезину бегом, делая около восьми миль в час, а на склонах вскакивали сзади на платформу. Инспектор регулировал скорость, пользуясь ручным тормозом. Когда надо было пропустить проходящий поезд, дрезину на станциях снимали с рельсов.

В тот день она двигалась в выемке, прорезавшей возвышенную часть местности. Инспектор, нажав на тормоза, остановил тележку и вышел проверить канавы для стока дождевой воды по обе стороны полотна. Спешить было некуда: поезд ожидался не раньше чем через два часа. Один из дрезинщиков прилег на платформе и задремал, а второй вскарабкался на насыпь, достигавшую семи футов высоты, уселся и вытащил «биди» — дешевую индийскую сигарету, изготовляемую из необработанного табака, закручиваемого в его же листья. Он зажег сигарету и с удовольствием закурил.

Инспектор все больше удалялся от дрезины. Кули отбросил окурки первой биди, вытащил вторую, зажег ее и, глубоко затянувшись, равнодушно посмотрел на своего начальника. Тот в это время переходил линию, чтобы проверить канаву на другой стороне. По пути он оглянулся на дрезину со спящим кули и на его товарища. С обеих сторон железнодорожное полотно окаймляли джунгли, они начинались примерно в пятидесяти ярдах от него, но кое-где отдельные кусты подступали значительно ближе к насыпи. Инспектор обратил внимание на один довольно

большой куст, возвышавшийся за курившим кули: ему показалось, что из-за куста высунулось «нечто» круглое, что шевелилось. Солнечный свет отражался в листьях куста мириадами сверкающих точек, но нижняя часть куста и «нечто» находились в тени. Таинственный предмет снова пошевелился, и инспектор начал присматриваться, недоумевая, что бы это могло быть. Затем предмет, казалось, расплющился, слился с землей и стал совершенно невидимым.

Теперь инспектор внимательно разглядывал противоположную канаву и забыл о движущемся предмете. Но всего лишь на несколько секунд. Неожиданно до него донесся пронзительный крик. Обернувшись, он увидел, как кто-то стащил с насыпи кули, вопли которого оглашали окрестности. Не понимая, что произошло, инспектор взбежал по склону выемки и увидел спокойно удалявшегося в джунгли огромного тигра, из пасти которого свисал кули. Его руки и ноги болтались из стороны в сторону.

Инспектор был так потрясен, что несколько секунд стоял неподвижно, словно пригвожденный к месту. Очнувшись, он бросился вниз к линии. Спящего кули уже разбудили вопли его товарища, но он не мог взять в толк, что за шум ему помешал.

Поравнявшись с дрезинной, инспектор крикнул кули:

— Тигр утащил Редди, скорее толкай дрезину.

Ему не пришлось повторять приказание. Оба они принялись изо всех сил толкать тележку, пока не добрались до спуска, где она покатила по инерции.

Этот случай получил широкую огласку, и во всех кругах общества инспектора клеймили за то, что он покинул человека в беде. Его называли трусом, моральным убийцей, выродком. Хотел бы я знать, сколько людей из тех, что так сурово криковали инспектора, поступили бы на его месте иначе. Не забывайте, что он был застигнут врасплох и к тому же не имел оружия.

Я решил, что пора мне попытаться встретиться с людоедом. Той же ночью я сел в поезд и на следующий день сошел в Газулапани.

Мне казалось разумнее всего начать действия с границы охотничьего района тигра и двигаться к Басавапурому и Челаме. Начав где-нибудь посередине, я лишился возможности последовательно прочесать всю территорию и зависел только от случайности. Мне нужна была помощь

местных жителей, так как я только раз был в этих местах и плохо их знал. Я надеялся разыскать сына охотника за птицами, убитого людоедом.

Как только поезд отошел от Газулапали, я познакомился с начальником станции и несколькими железнодорожниками. Узнав о цели моего приезда, они заявили, что с радостью окажут содействие.

Сначала я оказался в затруднительном положении: местное население говорило на телугу, на котором я знал всего лишь несколько слов. Правда, большинство железнодорожников немного понимало по-тамильски и хинди, а на этих языках я объяснялся довольно сносно. Начальник станции знал английский и взял на себя роль переводчика.

Прежде всего я объяснил, что мне необходимо получить дополнительные сведения об этом тигре, в особенности о его внешнем виде и повадках. Железнодорожники могли только сказать, что это был очень крупный тигр, но кто-то предположил, что двое лесных объездчиков, живших в деревне, знают больше и могут быть мне полезны.

По моей просьбе за ними послали, и через двадцать минут они явились. С одним из них, мусульманином Али Бегом, я мог объясняться на хинди. Второй — ченчу по имени Кришнашна — говорил только на телугу. Я жестом предложил им расположиться в тени огромного мангового дерева, сам уселся рядом и приступил к делу.

Я начал свою партию с людоедом гамбитом*, обещав значительное вознаграждение тому, кто первым доставит сведения, которые помогут отыскать тигра. Оба джентльмена павострили уши. Али Бег заявил, что наведет меня на тигра, даже если это будет стоить ему жизни. Ченчу передал через Али Бега, что также готов мне помочь, если будет точно знать, где находится тигр, так как не хочет рисковать жизнью.

Я оценил этот искренний ответ. Как все аборигены, ченчу был правдив и практичен.

Я начал их расспрашивать. Они утверждали, что видели тигра. С тех пор как начались убийства, они не отваживались углубляться в джунгли в одиночку и ходили

---

* Дебют в шахматной игре, в котором белые жертвуют пешку или легкую фигуру.

всегда вместе, вооруженные топорами. Кроме того, они старались не слишком отдаляться от деревни. Примерно десять дней назад они заметили приблизительно в миле от себя тигра, переходившего просеку. Тигр их тоже увидел и немедленно прыжками умчался в джунгли. Месяцем раньше они встретили тигра у водоема часов в девять утра. При виде их он также поспешно убежал. Но вот однажды — это было примерно четыре месяца назад — они едва ли в четверти мили от деревни встретили тигра, который доставил им несколько тревожных минут: он не только не убежал, как другие тигры, но, наоборот, повернулся к ним, изогнулся и громко зарычал. Обездчики готовы были кинуться наутек, но Кришнаппа шепотом предложил Али Бегу одновременно закричать. Так они и сделали. В ответ тигр зарычал еще раз, но напасть не решился. Помедлив немного, он пошел прочь, продолжая рычать и изредка оглядываясь. Когда тигр скрылся, обездчики поспешили назад в деревню.

У меня екнуло сердце: четыре месяца! Время совпало с расчетами, сделанными по карте, а необычайное поведение зверя подтверждало мою мысль. Без сомнения, обездчики видели людоеда в его прошлое посещение Газулапали.

Оба они были того же мнения.

Больше всего радовало то, что мне удалось установить начало нового четырехмесячного цикла. Тигр убил дрезнищика между Челамои и Басавапурамом, и он был последней жертвой людоеда. Если мои расчеты правильны и судьба ко мне благоволит, тигр в данный момент должен находиться где-нибудь между Басавапурамом и Газулапали. Мною овладело волнение. Казалось, удача сопутствовала мне. Сумею ли я ею воспользоваться?

Я принялся подробно расспрашивать обездчиков о тигре, который на них зарычал. Заметили ли они в нем что-нибудь особенное? Али Бег сказал, что это очень крупный тигр. Кришнаппа не сомневался в том, что это самец. Кроме того, ему показалось, что шкура животного несколько светлее и желтее, чем обычно бывает у тигров.

— Вспомни, сахиб, — объяснил он, — мы были очень напуганы и ожидали, что тигр кинется на нас. Кто в такой момент станет обращать внимание на подобные вещи?

Я заинтересовался, не знают ли они сына охотника за птицами. Они, конечно, знали. Он жил не более чем в двух

милях от станции. По примеру отца он стал охотиться на птиц, хотя правила лесничества запрещали ставить силки в охраняемом лесу. Еще отца несколько раз преследовали за это. Раньше объездчики время от времени получали то фазана, то пару лесных петушков для стола, и это заставляло их смотреть сквозь пальцы на противозаконную деятельность охотника. Сейчас даже эти подношения прекратились. Но можно ли винить бедного малого? Ему и свою семью трудно прокормить, зная, что этот сатана-тигр может скрываться за каждым кустом.

Обрадовавшись, что нашел союзников, я встал, перекинул ружье через плечо и попросил объездчиков проводить меня к дому охотника.

Мы пересекли железнодорожное полотно и по тропинке направились в лес. Редкие кусты сменились густыми джунглями, и вскоре мы могли идти только гуськом: впереди Кришнаппа, затем Али Бег, а сзади я. Для предосторожности я зарядил ружье и нес его со взведенным курком на правой руке, готовый к любым случайностям. Вряд ли тигр напал бы на нас — ведь нас было трое, но если бы он на это решился, под угрозой оказались бы Кришнаппа и я. Али Бег, шедший в середине, был в полной безопасности.

Пройдя, как мне показалось, не две, а три мили, мы пересекли каменистое русло, по которому тонкой струйкой бежал ручей, взобрались на небольшой пригорок и подошли к хижине. У открытой двери сидел симпатичный парень лет двадцати и строгал бамбуковую палку. Около него лежало почти готовое приспособление, в котором я узнал силок для птиц.

При нашем приближении он поднялся и почтительно поздоровался. Кришнаппа на телугу представил меня, и парень приятным голосом ответил. Али Бег вступил в роль переводчика и сообщил, что охотника зовут Балой. Из хижины высунулись старуха, очевидно, мать охотника, и молодая женщина лет шестнадцати-семнадцати, державшая совершенно голого младенца, с удовольствием сосавшего ее грудь. Ребенку было около года. Это, без сомнения, были жена и сын Балы.

Мы уселись на траве в нескольких футах от хижины, и я начал задавать вопросы, а Али Бег переводил. Кришнаппа часто вмешивался в разговор, уточняя то, что было не совсем понятно одному из нас. Да, Бала, конечно,

с радостью поможет белому «дораи» * убить людоеда, который растерзал его отца. Нет, он не примет денег или другой награды, иначе дух его отца разгневется. Ведь он единственный сын, и дух его отца хочет, чтобы он или сам отомстил убийце, или в крайнем случае помог другому. О да, он не раз видел людоеда собственными глазами. Однажды он отправился за водой к тому самому ручейку, который мы только что перешли. Дело было днем, перед обедом. Погрузив ведро в воду, он случайно посмотрел вверх и увидел тигра, кравшегося по противоположному берегу. К счастью, он заметил хищника, когда тот полз, может быть, в ста ярдах от него. Бала бросил ведро и стрелой помчался к хижине, а там, как только мог, забаррикадировал дверь, опасаясь, что людоед нападет на непрочное строение. Но этого не случилось. По ночам часто раздавался рев тигра: тот приходил к речушке на водопой. Это был крупный самец с довольно бледной желтой шкурой. Сахиб хочет знать, нет ли в нем чего-нибудь особенного? Бала закрыл глаза и задумался, и когда, наконец, открыл их, лицо его выражало надежду. Он мог только сказать, что темные полосы на бледной желто-коричневой шкуре тигра были неестественно узкие. Может ли это помочь господину? Бала видел много тигров, но с такими узкими полосами — ни одного.

Когда он встретил тигра в последний раз? Снова небольшая пауза, пока Бала обдумывал ответ.

— Около четырех месяцев назад.

Видел ли он после этого другого тигра? Конечно, видел, дважды. Но это были обычные тигры, а не убийца его отца. Откуда он знает? Да потому что они были меньше и темнее и, завидев человека, убегали.

Затем Бала сообщил мне то, что я так надеялся услышать. Он думает, что тигр снова бродит в окрестностях; правда, он не слышал и не видел его самого, но обнаружил около ручья крупные следы зверя. Такие же он замечал в прошлые посещения людоеда. Они окружали и полусъеденные останки его отца.

Я вскочил и заявил, что хочу сам осмотреть следы. Велев женщинам, пока его не будет, оставаться в хижине и забаррикадировать дверь, Бала провел нас обратно к ручью. Дойдя до того места, где мы перешли его на пути

---

* От дора — господин (телугу).

к дому, он повернул и пошел вниз по течению. Примерно через три фарланга ручей стал более полноводным, а его песчаные берега сузились. По ним позапрошлой ночью прошел тигр, направляясь с запада на восток. Следы были так велики, что отчетливо виднелись издали.

Они, несомненно, принадлежали самцу. Даже если допустить, что они расплющились в мягком песке, то и тогда оставить их мог только необычайно крупный тигр.

Мы вернулись к хижине, и я посоветовал Бале отправить семью в деревню Газулапали по крайней мере на то время, пока я здесь. Это развяжет ему руки, и он сможет со спокойным сердцем помогать мне. Страшно было подумать, что обитатели этой жалкой хижины, затерянной в самой чаще джунглей, — старая женщина, юная жена с младенцем, да и сам Бала — живут под вечной угрозой того, что одного из них может растерзать тигр. В наши дни войн и революций никого не удивишь рассказами о ратных подвигах, за которые героев восхваляют и награждают орденами. Случается читать и о гибели агентов и разведчиков, которые, добровольно жертвуя жизнью, пошли навстречу смерти, погибли, а их доблесть так и остается невоспетой. Волнующие рассказы о храбрецах, без сомнения, глубоко трогают нас. Но в те дни душа моя была переполнена чувством восхищения этими людьми, которые на протяжении долгих месяцев отважно жили в одиноком домике, где буквально у двери их подстерегал убийца, уже погубивший кормильца и главу семьи.

Женщины колебались, но я продолжал настаивать, Кришнаппа и Али Бег меня поддержали, и в конце концов родные Балы согласились. Потребовалось немного времени, чтобы собрать жалкие пожитки. Затем Бала и женщины водрузили на голову по узлу, причем молодая мать несла еще и ребенка, продолжавшего сосать грудь, и мы гуськом отправились в деревню.

В тот вечер начальник станции Баласубраманиам пригласил меня на обед. Он не ел мяса, и его жена, проявив все свое искусство, приготовила самое вкусное вегетарианское карри, какое я когда-либо ел. Восхитителен был и творог, поданный в большой чаше. Завершило обед кофе в больших кружках. Мы решили после обеда созвать «совещание» для составления дальнейшего плана действий, и Баласубраманиам предложил устроить его на станции, где его присутствие было необходимо, так как ночью

должны были пройти почтовый поезд в Гунтакал и два или три товарных состава. Итак, мы отправились на станцию и расположились на открытой платформе, я и начальник станции — на скамейке, а объездчики и Бала — на корточках перед нами.

Мне казалось, что разумнее всего завтра же выставить две живые приманки: одну в том месте, где тигр зарычал на объездчиков, а другую — около ручья, на полпути между хижиной Балы и песчаным берегом, где мы видели следы. Бала и Кришнаппа останутся в качестве наблюдателей и сообщат, если приманки будут убиты, а я в сопровождении Али Бега, который будет служить мне переводчиком, отправлюсь в Басавапурам и Челама, чтобы собрать сведения. Если одна из приманок будет убита, господин Баласубраманиам телеграфирует мне.

Начальник станции связался со своими коллегами на этих станциях и запросил у них «кхабар» — информацию. Они ответили, что не знают ничего нового о местонахождении людоеда, но что все настороже и никто не осмеливается выйти из дома в ночное время. Начальник станции Челама, кроме того, посоветовал Баласубраманиаму обратиться к инспектору Департамента общественных работ, чтобы тот разрешил мне пользоваться дрезиной, находившейся в Челама. Не дожидаясь просьбы с моей стороны, Баласубраманиам немедленно отправил в Нандьял срочную служебную телеграмму. Я был очень благодарен железнодорожникам за то, что они старались мне помочь. На протяжении всего этого рискованного предприятия они делали все, что было в их силах.

После этого я предоставил начальнику станции заниматься своими делами, а сам вместе с моими «оруженосцами» спустился в деревню. Была уже ночь, но нам не хотелось ничего откладывать на завтра. Мы направились к дому крестьянина, имевшего скот, разбудили его и объяснили, что нам нужны два молоденьких бычка для приманки.

В джунглях вокруг Бангалура, особенно в штате Майсур, всегда было трудно купить для этой цели животных. Требовался большой такт, так как крестьяне считали жестокостью привязывать на растерзанье тигра или пантеры живую приманку, даже для того, чтобы выследить хищника, губившего людей. Много хозяина приходилось уговаривать часами, а просьба, высказанная глубокой ночью,

при других обстоятельствах была бы встречена решительным отказом. К счастью, население этого района очень трезво смотрело на вещи. Как только крестьянин понял, зачем я пришел, он немедленно согласился и даже предложил мне самому сделать выбор.

В загоне для скота за домом, посветив фонарем, я выбрал двух молоденьких бычков. Хозяин захотел за каждого тридцать пять рупий, то есть меньше трех фунтов в английских деньгах. Я расплатился с ним, поблагодарил за помощь и попросил разрешения оставить животных до утра, когда мои спутники зайдут за ними.

Мы вернулись на станцию. Товарный поезд уже стоял на путях. Машинист, англо-индеец, разговаривал с Бала-субраманиамом в его комнате. В одной руке он держал термос, в другой — кружку, из которой прихлебывал кофе. Бедва я вошел, он назвался Вильямом Роджерсом, предложил кофе и сообщил, что только четыре дня назад видел ночью тигра, который прыжками пересек железнодорожную линию в миле отсюда по направлению к Нандьялу. Он не смог на расстоянии разглядеть подробности, но тигр показался ему довольно крупным животным. Кроме того, он сообщил, что если мне хочется подстрелить хорошего читала, самбара и даже кабана, то в окрестностях Дигу-ваметы их гораздо больше, чем у этой станции.

Я поблагодарил мистера Роджерса за информацию и сказал, что об охоте на оленя подумаю после того, как разделаюсь с тигром. Он пожал мне руку и направился к паровозу. Минуту спустя тишину прорезал пронзительный свист, и, громко пыхтя и бряцая, товарный поезд пополз дальше: Вскоре за поворотом дороги скрылся красный огонек последнего вагона. Станция снова погрузилась в тишину.

В это время из Нандьяла пришла ответная телеграмма: инспектор разрешил пользоваться дрезинной. Начальник станции открыл комнату для ожидания, всю обстановку которой составляли стол, два стула и дырявое кресло. Я зажег единственную лампу, подвешенную к потолку, а Бала внес мое ружье, постель, флягу и корзину с едой. Умывальник был пуст, а посылать за водой в столь поздний час мне не хотелось. Радуюсь, что у меня по крайней мере есть крыша над головой, я погасил свет и в темноте опустился в кресло. Тело мое наполовину провалилось в дыру в камышовом сидении. Я снял ботинки, откинулся

на спинку кресла, осторожно поднял ноги и, положив их на длинную подставку, моментально заснул.

Около половины пятого меня разбудил второй товарный поезд. Я снова заснул, но через несколько минут, как мне показалось, в комнату вошел Бала и тихо окликнул меня. Было уже совсем светло. Баласубраманиам отправился домой, чтобы час-другой отдохнуть. Пока Бала собирал хворост и разводил костер на сложенных в конце платформы трех камнях, я вытащил портативный примус, разжег его и зажарил бекон. Он был готов до того, как успела закипеть на костре вода для чая, и я, захватив полотенце, зубную щетку, пасту, мыло и смену белья, направился к колонке, утолявшей «жажду» паровозов. Сложив вещи на некотором расстоянии от нее, я разделся и обвязался вокруг бедер полотенцем. Затем встал под кожаный рукав и одной рукой повернул колесо, соединенное с крапом, который открывал воде доступ в колонку из резервуара емкостью в десять тысяч галлонов. На меня обрушилась лавина воды, чуть не сбившая меня с ног. Тем не менее это купание в сочетании с чисткой зубов доставило мне огромное удовольствие. В джунглях я обычно не утруждаю себя бритьем, но чувствовать себя чистым и свежим необходимо. Полотенце, заменявшее мне набедренную повязку, промокло насквозь, другого у меня не было, но это не имело значения, так как утро было отнюдь не холодным. Через несколько минут я уже мог одеться.

Когда я вернулся к Бале, вода в котелке весело бурлила. Мой «чотахазри» (так в Индии белые называют завтрак, от «чота», что на хинди означает «маленький», и «хазри» — «трапеза») состоял из чая, бекона и остатков чапати*, привезенных из Бангалура, которые к тому времени стали твердыми как камень.

К концу завтрака объездчики вернулись из деревни, где провели остаток ночи, и мы вчетвером отправились за бычками, чтобы привязать их в намеченных местах. Если вы не забыли, первое находилось на узкой просеке в миле от деревни, где объездчики увидели тигра, так напугавшего их своим поведением. Кришнапна срубил топором ветку, очистил ее примерно на три фута и один конец заострил. Затем мы выбрали дерево, на котором будет удобно устроить махан, в том случае, конечно, если тигр

---

* Индийский хлеб — пресные лепешки.

соблаговолит убить приманку, в пятнадцати ярдах от него вбили в землю кол и привязали к нему за задние ноги бычка. Затем мы вернулись на станцию, пересекли полотно и прошли еще три мили к ручейку, протекавшему недалеко от хижины Балы. Свежих следов не появилось, поэтому мы привязали второго бычка на берегу ручья — меньше чем в пятидесяти ярдах от того места, где прошлый раз тигр оставил следы.

Незадолго до полудня мы вернулись на станцию, и начальник начал настойчиво приглашать меня к завтраку. Вежливо, чтобы не обидеть Баласубраманиама, я отказался, так как чувствовал, что для него, члена высшей касты, мое присутствие в доме обременительно, хотя он из деликатности этого не показывает. Вместе с объездчиками я отправился в деревню и достал еду в деревенском «отеле», однокомнатном строении, крытом оцинкованной жестью и тростником. Затем мы снова вернулись на станцию, и я дал соответствующие наставления ченчу, которые оставались кормить и поить бычков: если одна из приманок будет убита, они немедленно сообщат начальнику станции, а уж Баласубраманиам знал, как поступить дальше.

Здесь я хочу сказать, как высоко ценю помощь, оказанную мне этим джентльменом. Содействие в предприятии, сопряженном с гибелью быка или коровы, почитаемых священными в его касте, противоречило его религиозным убеждениям. Но он изменил им ради важной цели и предлагал все усилия, чтобы облегчить мою задачу.

Поезд, который должен был доставить меня за шесть миль в Басаванурам, прибыл в половине третьего. Машинист разрешил мне ехать на паровозе, чтобы я видел джунгли по обеим сторонам полотна, а Али Бег сел в вагон третьего класса.

Поезд прошел шесть миль за двадцать пять минут. Осматривая густые джунгли, я чувствовал, как уменьшаются мои надежды на успех охоты. Тигр мог находиться где угодно на этой огромной территории, покрытой непроходимым лесом.

Станция Басаванурам ничем не отличалась от Газулапали. Когда я высадился и поблагодарил машиниста, мне пришла в голову мысль, что, привязав две приманки в Газулапали, я проявил сверхоптимизм: ведь тигр мог быть в Басаванураме или даже в Челаме, в пяти милях отсюда.

Начальник станции Басавапурам, впекастовый* тамил Масиламони также изо всех сил старался быть любезным. После первых же слов приветствия, заставивших меня почувствовать себя как дома, он стал уговаривать меня устроить свою штаб-квартиру в комнате отдыха для пассажиров, уверяя, что тигр безусловно будет обнаружен в Басавапураме, который находится в центре сферы его действий.

И снова я начал расспрашивать железнодорожников и объездчика-телугу, пришедшего из деревни. Все они видели тигра, и каждый уверял, что это был людоед. Но никто не заметил, чтобы он по величине или по окраске отличался от своих собратьев. Объездчик, которого звали Киту, рассказал, что на север от железной дороги, менее чем в миле от станции, есть озеро, где он часто встречал следы тигров, приходивших на водопой.

В тот же вечер мы пошли к озеру. Там я заметил старые следы тигра и свежие — крупной пантеры. Последнее меня огорчило: ведь пантера почти наверняка сожрет приманку задолго до появления тигра. Привязать приманку в таком месте, которое посещает пантера, — все равно, что преподнести ей бычка.

Ночь я провел в комнате для пассажиров, а утром купил в соседней деревне теленка и привязал на порубке, в полумиле от озера. Я велел Киту каждое утро кормить и поить его, а если он будет убит, сообщить начальнику станции.

Затем я сел на поезд и опять все пять миль до Челама ехал на паровозе. Машинист-индиец показал мне выемку, где тигр утащил дрезинщика. Она находилась почти на полпути между станциями.

В Челама все повторилось сначала: ко мне с приветствиями подошел начальник станции, предупрежденный о моем прибытии. Он пригласил двух местных объездчиков, и они уже ожидали меня на платформе.

Прежде всего мне рассказали, что, по словам проводника товарного поезда, без остановки прошедшего через Басавапурам, около Дигуваметы, то есть в шестнадцати милях от Челама, на восточной окраине лесного массива была убита женщина.

* То есть не принадлежащий к кастам, ведущим свое происхождение от четырех традиционных «варн» — сословий, иначе — «неприкасаемый».

Эта новость спутала все мои расчеты. Она не только значительно расширяла область поисков людоеда, но и расстраивала тщательно продуманный порядок размещения приманок. Я был почти уверен, что людоед где-нибудь в окрестностях Газулапала, а он совершил убийство в Дигувамете, в двадцати семи милях оттуда. Впрочем, двадцать семь миль в конце концов не такой уж длинный путь для тигра.

Я попросил начальника станции проверить сообщение. В Дигувамете подтвердили, что накануне утром исчезла женщина из племени ченчу, собиравшая на опушке леса цветы мхова. Крестьяне из ее деревни нашли только наполовину наполненную корзину. Начальник станции Дигуваветы советовал обязательно привязать приманки в Дигувамете и на маленькой станции Богаде, лежавшей между Челамай и Дигуваветой.

Веселенькая история! Чтобы выследить неуловимого тигра, придется выставить приманки чуть ли не на всех станциях этой ветки!

Не стану утомлять вас рассказом о том, как на следующее утро я привязал приманку в Челамае. Вы можете удивиться, почему я следующим же поездом не отправился в Дигувавету. Дело в том, что со дня убийства женщины прошло уже два дня, и к моему приезду тигр начисто обглодал бы ее кости, если бы я вообще их нашел. Поэтому я рассудил, что разумнее сначала выставить приманку в Челамае.

Я тут же уехал в Богаду и вечером привязал там еще одну приманку, а на следующий день утром добрался в товарном поезде до Дигуваветы и привязал сразу двух животных: на опушке леса, где тигр напал на женщину, и у скрещения просеки с большим ручьем и дорогой, по которой скот гнали в джунгли, рядом с деревом хончи. Местный лесничий Джозеф — индийский христианин, человек умный и очень знающий — уверил меня, что в прошлые годы с этого дерева подстерегли не одного тигра.

Уже пять дней я жил в этих краях, привязал семь приманок, истратил значительно больше денег, чем хотел и мог, устал от бесконечных рассказов о неуловимом людоеде, сам же ни разу даже не слышал рычания тигра. В джунглях царил необычная тишина.

Вечером я отправился с Джозефом в глубь леса. Джозеф, как и я, не был вегетарианцем и к тому же не имел

семьи, и после его заверений, что я не буду ему в тягость, я решил провести в Дигувамете по крайней мере несколько дней и облюбывал для сна веранду его дома. Слуга Джо-зефа, малаялп, вывезенный им из Каликата, освобождал меня от необходимости заботиться о приготовлении пищи, что при всей ее скудности и нерегулярности отнимало ежедневно много времени. Но более всего меня побудило остаться в Дигувамете то, что именно здесь только три дня назад тигр совершил последнее нападение. Вас снова может удивить, почему мы не предприняли серьезных попыток найти останки бедной женщины. Во-первых, как я уже сказал, это было бесполезно. Во-вторых, окрестные джунгли были чрезвычайно сухими, и хотя, привязывая приманку, я тщательно приглядывался, мне не удалось заметить каких-нибудь следов, которые указывали бы, в каком направлении тигр утащил свою добычу. Мы прочесали лес в радиусе свыше двухсот ярдов и не нашли даже доскута от одежды. И, наконец, я не хотел оставлять лишних следов в этой местности. Ее и без того обшарили крестьяне, искавшие женщину.

Джунгли в этом месте очень красивы, а по обилию пернатых и оленей представляли настоящий рай для охотников. Несколько раз нам встретились на лесных полянах стада грациозных читалов. Длинные, острые, высохшие, как кость, стебли травы под тяжестью семян клонились к земле. Это значительно увеличивало обзор, позволяя видеть между стволами деревьев и просматривать поляны. Мы даже набрели на величественного самбара, увенчанного великолепными рогами. При нашем приближении он с шумом умчался. Было самое начало вечера, и встреча с самбаром в это время говорила о нетронутых джунглях, о изобилии естественной добычи, оставлявшем совсем мало надежды на то, что тигр польстится на одну из моих приманок. Но это изобилие, казалось бы, исключало возможность превращения тигра в людоеда.

Я купил Али Бегу билет, наказав ему вернуться в Га-зулапали, а сам улегся спать пораньше. Наконец-то меня не беспокоил шум проходящих поездов, и, крепко проспав десять часов подряд, я встал, полный радужных надежд. Пока мы наслаждались отдыхом, слуга-малаялп сотворил чудеса. Перед нами стояли тарелки с хоппером и рисом-патти и кувшин крепкого чая. Первое блюдо готовится из рисовой муки тонкого помола, второе — из риса

особого сорта. Родина этих кушаний — Мадрас. Очевидно, мой новый друг Джозеф происходил из этого города. Завтрак оказался очень вкусным.

Затем я облился холодной водой в закутке без крыши, стенами которому служили бамбуковые циновки.

Джозеф был уже готов и ждал, пока я оденусь. В сопровождении двух объездчиков, подчиненных Джозефу, мы отправились проведать приманки. Оба бычка были целы и невредимы.

Оставалось только ждать. Бродить по джунглям в надежде встретить тигра было бессмысленно. Слишком уж велика была область его действий! Он мог находиться в любом месте между Дигуваметой и Газулапали, расположенных в двадцати семи милях друг от друга. Но я проделал большую подготовительную работу и мог в самое ближайшее время ожидать ее плодов.

И вот, наконец, события начали разворачиваться. Около девяти утра следующего дня зажужжал зуммер телеграфного аппарата, и Масиламони, начальник станции Басавапурам, сообщил, что прошлой ночью была убита моя приманка. Я не спешил радоваться. Если помните, я обнаружил у озера свежие следы пантеры и умышленно привязал приманку подальше от этого места, чтобы по возможности уберечь ее от хищника.

Я попросил Масиламони поручить объездчику Киту выяснить, убита ли приманка тигром или пантерой. Ответ не заставил себя ждать, так как Киту стоял рядом. Он утверждал, что бычка задрала пантера, и советовал приехать и убить ее, иначе все следующие приманки постигнет та же участь.

Это было разумно. В тот день пассажирского поезда на Басавапурам не было, но, к счастью, около одиннадцати утра в том направлении следовал товарный состав. Начальник станции остановил его, и в вагоне для проводников я доехал до Басавапурама. Джозеф настоял на том, чтобы поехать со мной.

Киту проводил меня к убитому бычку. Весь вид его — от рваных ран, нанесенных клыками на шее, до огромной дыры в желудке, где мясо перемешалось с кишками, — ясно свидетельствовал о том, что здесь похозяйничала пантера. Она плотно наелась прошлой ночью, и я опасался, что она не скоро вернется. Киту предложил, вместо того чтобы стропить махал, воспользоваться его веревочной

кроватью, и мы отправились за ней. Около двух часов потребовалось на то, чтобы вернуться и привязать кровать к дереву. К четырем все было готово.

Затем мы отправились на станцию, до которой было не больше мили, и наскоро перекусили бисквитами, чапати и бананами. Джозеф пожелал во что бы то ни стало пойти со мной, и в половине шестого мы уже находились в махане.

Вопреки моим ожиданиям не прошло и двадцати минут, как подо мной послышался слабый шорох. Пантера сидела и любовалась своей добычей. Она была настолько красива, что я с трудом подавил желание даровать ей жизнь. Только сознание, что она все время будет убивать наши приманки, заставило меня выстрелить, целясь ниже левого плеча.

И Киту, и Масиламони удивились, что мы вернулись так рано. Узнав, как все было, начальник станции попросил у меня шкуру убитого животного. При свете фонаря-петромакса мы с четырьмя кули отправились за трупом. Масиламони с волнением следил, как, следуя моим указаниям, свежевали пантеру. Я научил его, пользуясь раствором медного купороса, сохранить шкуру до тех пор, пока он пошлет ее набивщику чучел в Бангалур.

Утром я купил новую приманку. Этого бычка мы привязали у озера, где я видел старые следы тигра.

Я собирался вместе с Джозефом вернуться днем в Дигуамету, но на станции узнал от Масиламони, что он получил телеграмму от начальника станции Челама: этой ночью мою приманку задрал тигр.

Поезд уходил только через четыре часа, и я решил пройти пять миль до Челама пешком. Джозеф не возражал, и в половине двенадцатого мы уже были там.

Нас ожидали очень взволнованные начальник станции и объездчики. Придя в это утро напоить бычка, объездчики нашли лишь его останки, вокруг которых на земле отчетливо виднелись следы крупного тигра. Нарезав ветки и прикрыв ими труп от стервятников, они поспешили на станцию, чтобы передать мне новость.

Я старался все мои семь приманок привязать рядом с деревьями, на которых удобно соорудить махан. Это уже помогло мне подстеречь пантеру.

Объездчики вызвались достать чарпай. Тем временем начальник станции, Джозеф и я отправились в единствен-

ную деревенскую харчевню. За обедом Джозеф сказал, что хотел бы и на этот раз пойти со мной. Мне стоило большого труда отговорить его, не обидев. Одно дело подстергать пантеру и совсем другое — тигра, особенно если он и есть тот самый людоед, которого мы искали. Малейший звук или неосторожное движение выдаст наше присутствие и отпугнет хищника. Мне уже случалось сидеть в махане с товарищами, которые, невольно произведя шум, сводили наше бодрствование на пёт. Особенно часто это случается тогда, когда подстергать приходится далеко за полночь, человек устает и начинает нервничать. После всех трудностей я не хотел рисковать.

Убитая приманка находилась в часе ходьбы от станции, примерно в трех милях в глубь леса. Чарпай была доставлена еще до половины четвертого, но, чтобы не нарушать вида окрестностей, ветки для маскировки мы нарубили с отдаленных деревьев той же породы, что и дерево, на котором устраивали махан (это был тамаринд). Поэтому прошло около часа, прежде чем я смог устроиться на дереве.

Пока объездчики и Джозеф — он стоял на земле и подавал ветки — занимались маханом, я осмотрел убитого бычка и следы, оставленные тигром. Почва была довольно твердая, поэтому они отпечатались только частично, а подушечка лапы ни на одном не вырисовывалась отчетливо. Это был самец, и притом крупный, но я не мог с уверенностью сказать, то ли это животное, чьи следы я видел около ручья близ хижины Балы в Газулапали.

Около половины пятого я уселся в махан. Несколько минут ушло на то, чтобы разложить вещи: бутылки с чаем и водой, ужин, полученный в деревенском «отеле» — три больших чапата, завернутых в банановый лист, фонарь, патроны. В это время года ночи теплые, поэтому я не взял с собой ни одеяла, ни пальто. Наконец, укрепив фонарь на стволе ружья, я решил, что все готово, и сказал Джозефу и объездчикам, что сам найду дорогу на станцию. Они ушли. Моя вахта началась.

Уже темнело, когда я уловил чьи-то приглушенные шаги. Листья у тамаринда мелкие и нежные, опадая, они образуют на земле мягкий ковер, который под ногами производит лишь легкий, трудно различимый шелест. Лучше всего предупреждают о чьем-нибудь приближении, даже такого маленького существа, как крыса, сухие листья тико-

вого дерева: они начинают шуршать и потрескивать задолго до появления пришельца в поле вашего зрения.

Но я знал, что чуть слышные звуки возвещают о приходе тигра, и не удивился, когда, свесившись с махана, увидел его прямо подо мной.

На несколько секунд он скрылся из виду, но вскоре появился и смело направился к убитому бычку. Тот лежал на некотором расстоянии от дерева, поэтому мне были видны только левый бок, задние ноги и хвост тигра. Как известно, в сумерках очертания теряют в лесу свою отчетливость и предметы кажутся значительно более крупными, чем на самом деле. Это подтвердят все, кому приходилось бывать в это время в джунглях или даже в лесу Англии. Находившееся подо мной животное казалось необычайно большим, но я не мог различить ни цвета его шкуры, ни полос на ней.

Так как было слишком темно, чтобы отчетливо видеть мушку ружья, я большим пальцем левой руки нажал включатель фонаря. Луч света, задев левый бок тигра, упал впереди него на труп бычка. Торопливо прицеливаясь, я успел заметить, что тигр не понимает, откуда идет свет. Он, по-видимому, решил, что от убитой приманки. Во всяком случае он стоял как вкопанный и смотрел на нее.

Я прицелился немного ниже левого плеча хищника и выстрелил. Тигр повалился вперед, затем перекатился на правую сторону, показав белый живот и грудь. Я снова выстрелил и, продолжая светить фонарем, увидел, что зверь в агонии.

В течение двадцати минут я время от времени освещал его, желая убедиться, что он действительно мертв, затем спустился и тщательно обследовал свой трофей.

Это был крупный самец в расцвете сил, но с прекрасной темной шкурой, покрытой далеко не узкими полосами, — безусловно не тот, которого описал Бала. Людоед ли это? Или я убил другого тигра? Или же виденный Балой тигр не был людоедом? Ответить на эти вопросы, вихрем пронесившиеся у меня в голове, могло только время; оно покажет, будут еще человеческие жертвы или нет.

При помощи фонаря я отыскал извилистую дорожку, которая в конце концов привела меня к станции. Еще не было девяти. Джозеф спал в комнате ожидания, а объездчики — на циновках прямо на платформе. Я разбудил их

и рассказал, как было дело. Трудно описать их радость. Джозеф тепло поздравил меня и пожал мне руку.

Я поблагодарил его и поведал им свои сомнения, но Джозеф и объездчики были оптимистами. Они не сомневались, что я убил людоеда.

В это время начальник станции пришел встречать проходящий поезд. Услышав новость, он также очень обрадовался. Объездчики пошли за крестьянами, чтобы принести труп тигра. Примерно через час они привели человек десять, которые захватили с собой толстые бамбуковые палки, веревки и два фонаря.

Около часа ночи мы доставили тигра на станцию. Я велел положить тушу в конце платформы около железной ограды. При свете фонарей и моей запасной лампы, которую держал Джозеф, я сам начал свежевать убитое животное, так как выяснилось, что объездчики этого не умеют. Я был совершенно поглощен своим делом, когда на станции остановился поезд.

Все, кто в нем находился — пассажиры, проводники, машинист, — высыпали на платформу и, чтобы лучше видеть, образовали около меня огромный круг. В ту ночь я имел большой успех. Поезд задержался на станции больше чем на пятнадцать минут сверх расписания, но железнодорожники не возражали. Ведь даже в Индии не часто увидишь, как глубокой ночью на железнодорожной платформе сидят шкуру с колоссального тигра.

На следующий день я отдыхал, а начальник станции передал весть об убийстве людоеда на соседние станции. Все ликовали. Только я не испытывал удовлетворения и решил задержаться еще на неделю. Меня не оставляло странное предчувствие, что людоед жив и очень скоро даст о себе знать. Поскольку я рассчитывал провести здесь месяц и уже привязал приманки, лучше было оставаться на месте, чем возвращаться в Бангалур, а затем снова приезжать и начинать все сызнова.

Прошло четыре дня. И вдруг из Газулапали пришло сообщение, что тигр убил молодую жену Балы.

Хищник действовал точно по расписанию.

Джозеф в то время уже вернулся в Дигуамету. Отправив Баласубраманиаму телеграмму, чтобы он задержал Балы на станции, я сел в дрезину, так как поезд шел нескоро, и, подталкиваемый дрезинщиками, отправился в Газулапали.

Дорога заняла немногим более полутора часов. В ожидании меня Бала сидел в углу платформы и неслышно плакал. Рядом стояли опечаленные Баласубраманиам, Али Бег и Кришнаппа.

Трагичный рассказ молодого ченчу был немногословен. Узнав, что я убил в Челама людоеда, он решил, что опасность миновала, и вернулся с семьей в свою хижину. На следующий день его жена, проснувшись, переложила малыша к нему и вышла по нужде. Через минуту он услышал ее слабый крик. Поняв, что случилось нечто ужасное, он схватил топор и выбежал из хижины, но вокруг никого не было.

Еще не совсем рассвело, и Бала не мог обнаружить никаких признаков несчастья. Он позвал жену, но не получил ответа. Как безумный, бросился он за дом, куда она обычно ходила. Снова никого.

Трава еще была сырой от обильной ночной росы, и как только стало светлее, Бала различил на ней две борозды, уходившие в джунгли. Он понял, что они проложены двумя тяжелыми телами — тигра и его жертвы, которую тот нес в зубах.

И тут Бала поступил очень храбро и очень неосторожно: один, вооруженный только маленьким топором, он кинулся по следу.

Становилось все светлее, и через несколько фарлангов Бала обнаружил первый кровавый след в том месте, где тигр положил свою ношу среди мокрых от росы кустов, чтобы перехватить ее поудобнее. Теперь идти по следу было легче, и Бала догнал тигра, когда тот у подножия старого высохшего дерева собирался приступить к кровавой трапезе.

Людоед увидел охотника и зарычал. Еще секунда — и он напал бы на ченчу. Но при виде растерзанной жены Бала пришел в неистовство. Им овладел какой-то демон безрассудства и храбрости, и, пылая ненавистью, он, размахивая топором, бросился на тигра.

Я уже говорил вам, что людоедам присуща странная трусость: они редко отваживаются на прямую контратаку. В то утро людоед из Челама доказал, что не является исключением. Он колебался, пока юный ченчу не оказался рядом с ним, и тогда пустился наутек.

К счастью, благоразумие вернулось к Вале. Если бы он стал и дальше преследовать тигра, тот, преодолев страх,

мог бы перейти в наступление и уничтожить его. Бала схватил тело жены и побежал обратно к хижине.

Слушая эту безыскусную историю, я проникся восхищением и гордостью: каких героических сыновей имеет Индия даже среди племен, считающихся отверженными!

Дома Бала не терял времени на слезы. Он постарался получше забаррикадировать дверь в хижину, где положил тело жены, и вместе с матерью, несшей ребенка, поспешил на станцию, чтобы отправить мне сообщение.

Молодой охотник тихо плакал, рассказывая мне о своем горе, а я и не пытался его утешить: ему надо было выплакаться. Слезы были целебным средством матери-природы против страшного нервного напряжения, вызванного утратой, а успокаивать Балу было бесполезно. Я даже не мог подыскать слов утешения в страшном несчастье, которое ворвалось в его только начавшуюся жизнь.

Но Бала плакал не долго. Индийцы — врожденные фаталисты. Хотя я не мешал ему горевать и не торопил, через десять минут он встал и заявил, что готов действовать.

У меня уже был глубоко продуманный план, но он требовал огромной жертвы от Балы, и я не решался просить его о ней. Возможно потому, что мы оба прожили долгие годы в джунглях, нас связывало родство мыслей, и Бала без слов понял меня. Он посмотрел мне в глаза, слегка кивнул головой, и слезы снова заструились у него из глаз.

— Она была моей женой, — перевел его слова Али Бег, — и я любил ее, дорай, но отдам ее тело для приманки, чтобы отомстить за смерть моей любимой и отца.

Было произнесено достаточно слов и потеряно достаточно времени. Я был полон решимости выполнить роль, которую мне доверил этот скромный, но великий по своим душевным качествам человек. Наскоро поев карри из овощей и риса, приготовленное для меня женой заботливого Баласубраманиама, наполнив одну флягу чаем, а другую водой, я в сопровождении объездчиков, несших чарпай, и Балы отправился к его хижине.

Мертвая женщина являла собой печальное зрелище. Бала прикрыл бедра жены ее единственным сари*. На

---

* Традиционная женская одежда в Индии, представляющая собой прямую полосу ткани длиной в несколько метров, которую укладывают складками в виде широкой и длинной юбки, а конец перебрасывают через плечо.

юном лице было странное выражение покоя. Кровь струйкой стекала из растерзанного бока на грязный пол и капала из горла и груди, засыхая на смуглой коже. Мы с минуту стояли в почтительном молчании, рассматривая растерзанные останки той, которая еще утром была счастливой матерью. Затем я попросил Балу проводить нас к месту, где он увидел тигра.

Солище давно высушило росу, и трава, примята тягостью людоеда и его жертвы, распрямилась и лишь слегка склонялась, раскачиваясь под легким ветерком. Кровавые следы вскоре привели нас к высохшему дереву, под которым тигр собирался сожрать свою жертву.

Мы шли тихо и не разговаривали, хотя были настроены. Впрочем, нас было четверо — значит нам фактически почти ничто не угрожало. У подножия дерева мы остановились и осмотрели землю. В этом месте она была твердая, и к тому же ее покрывала короткая сухая трава. Никаких следов не было, да их и не могло быть видно.

Я вспомнил, что говорили о людоеде: после того как его ранил хайдарабский наваб, он никогда не возвращается к трупу человека. Вернется ли он на этот раз? Имеет ли вообще смысл устраивать засаду? Обнадеживало только то, что тигр даже не приступал к трапезе. Но с другой стороны, Бала напугал его. Одним словом, шансов на успех было очень мало. Но иного пути не было, и я решил попытать счастья.

Прежде всего следовало найти дерево, на котором можно было укрестить чарпай.

Тигр выбрал для трапезы место, густо заросшее кустарником и подлеском. До ближайшего дерева, не считая высохшего, было ярдов тридцать. Мне надо было забраться на самую его вершину, чтобы иметь шанс попасть в тигра. Он может вернуться лишь с наступлением темноты, и если я буду сидеть ниже, свет фонаря не проникнет сквозь кусты ежевика.

Я подошел к дереву и осмотрел его. Верхние ветки были не толще двух пальцев. Вряд ли они выдержат вес моего тела и чарпай.

Следующее большое дерево росло на десять ярдов дальше. Я вскарабкался на его вершину, но оттуда мне была видна только часть ствола сухого дерева. Ежевика скрывала его подножие и все, что находилось рядом.

Где же мне пристроиться?

Я вернулся к моим спутникам и обошел высохшее дерево. В свое время оно было большим, его ствол достигал у основания от двенадцати до пятнадцати футов в окружности. Было непонятно, что погубило дерево — болезнь или паразиты, или же корни его были съедены под землей. Как бы то ни было, оно умерло несколько лет назад, и высоко над моей головой в безоблачном небе торчали совершенно голые ветки.

Снизу его уже начали разрушать термиты, и недалек был час, когда ветхое основание не сможет выдержать вес ствола, дерево рухнет на землю и послужит пищей мириадам древесных жучков и насекомых, которые накинута на него.

Я подошел ближе. На уровне моей головы от ствола отходили три ветки, а под ними под коркой сухой земли копошились термиты. Встав на цыпочки, я увидел дупло, сделанное термитами. Внутри дерево было пустым.

Это не было заметно со стороны, особенно с того места, где лежало тело убитой женщины.

Я жестом позвал индийцев и прошептал Али Бегу, чтобы он попросил Балу проверить, можно ли мне устроиться в стволе. После того как я посветил фонарем в углубление и убедился, что там не скрывается змея, скорпион или даже сороконожка, Бала проворно влез в него. Он был по крайней мере на фут ниже меня и сразу же исчез в дупле. Но тут же высунул голову и сообщил, что внутри было тесно даже для него, мне же и вовсе не поместиться. Надо было расширить внутренность дупла.

И тут я заметил, что с другой стороны термиты проели дерево значительно больше.

С помощью Балу, действовавшего изнутри, мы начали отдира́ть куски гнилого дерева от дупла, время от времени нанося удары топором Кришнанны. Большую часть работы за нас сделали термиты, и мало-помалу мы не только расширили отверстие, в которое влез Бала, но и открыли противоположную сторону дупла сверху до уровня колен. Эта тяжелая работа отняла у нас около двух часов, но в конце концов я смог влезть в дупло и довольно свободно двигать там руками.

Однако моя позиция имела ряд серьезных недостатков. Прежде всего, я стоял спиной к тому месту, где тигр положил женщину, и куда он скорее всего вернется, если

вернется вообще. Смотреть в том направлении мне мешал ствол дерева. Прodelать отверстие с другой стороны мы не могли, так как не располагали для этого временем и не хотели шуметь.

Подумав, мы решили, что положим тело убитой чуть дальше от того места, где его оставил тигр. Иначе он мог бы утащить добычу, прежде чем я узнаю о его приходе, либо сожрать ее в пяти ярдах от меня, и я бы ничего не сделал. Конечно, я мог бы вылезти из укрытия и, крадучись, обойти вокруг дерева. Но это слишком рискованно. Кроме того, выбираясь в темноте из дупла, я произвел бы шум, и он заставил бы тигра убежать. Или же — и это куда страшнее — он бросился бы на меня, когда я стану обходить дерево. Малоприятная перспектива!

Вторым большим недостатком было то, что я должен был всю ночь простоять на ногах. Слишком узкое внизу дупло не позволяло мне даже присесть на корточках.

Далее, если тигр, прежде чем приблизиться к телу, произведет разведку местности, как поступил бы каждый благоразумный зверь, он сразу же увидит меня, как только окажется напротив прорубленной нами щели. Конечно, я прикажу замаскировать ее листьями и ползучими растениями, но смогу ли я обмануть глаза обитателя джунглей? Не покажется ли ему во всяком случае подозрительным, что на стволе, еще утром совершенно голым, появились листья и другие растения?

Если опять-таки кобра, скорпион или другая ползучая тварь избрала дупло этого дерева своим убежищем в прохладные ночи, я окажусь в ужасном положении. В общем могло возникнуть столько неожиданных неприятностей, что я решил о них не думать.

Я расстелил на земле пальто, на него мы сложили весь мусор вплоть до щепок и отнесли подальше. После этого мы отправились к хижине, и Бала решительно взвалил тело жены на плечо. Гуськом, в молчании вернулся мы к дереву. Я попросил Балу положить тело несколько влево от сделанной нами щели, так, чтобы, глядя на него, тигр не мог заметить меня. В дупле еле умещался я с ружьем, поэтому я поел чанати и выпил чаю, а флягу отдал Али Бегу.

Я залез в дупло. Бала и Кришнанна прикрыли отверстие ветками, а их замаскировали листьями и ползучими растениями. Бала то и дело отступал на несколько шагов,

чтобы проверить, не виден ли я снаружи. Поперек отверстия он приладил на уровне моей груди большую палку, на которую я мог при выстреле опереть ружье. Я попробовал бесшумно поднять ружье, подтягивая его вдоль тела, и положить на палку. Это мне удалось. Ченчу замаскировали палку и ствол дерева по обе стороны от моего лица вьюнками, перебросив их через находившиеся выше сучья. Наконец у основания трех веток, под которым находилось дупло, они укрепили такое множество ветвей и листьев, что я оказался просто закупоренным в моем убежище.

Прежде чем уйти, Бала попрощался со своей мертвой женой. Он поцеловал ее холодный лоб и ступни ног. Потом встал на колени и распростерся ниц на земле, прося у жены прощения за надругательство, на которое он обрекал ее бедное тело.

Когда он поднялся, глаза его были сухи, а лицо выражало решимость. Он посмотрел на меня, и снова между нами возникла душевная связь двух любящих джунгли людей. Его взгляд красноречивее любых слов говорил: «Я сделал все, что мог, даже пожертвовал телом своей любимой. Остальное зависит от тебя». Я дал себе слово, что не обману его надежд.

Минутой позже мои спутники отправились назад к хижине, а я остался один.

Часы показывали без четверти пять. Яркие блики, просачивавшиеся сквозь ветви подлеска, падали красными и темными пятнами на сари, в которое Бала завернул тело жены. Ее распущенные волосы обрамляли голову и спокойное лицо, обращенное ко мне. Тело уже окоченело. Одна рука лежала у мертвой на груди, по-видимому, в том самом положении, в каком ее уложил утром муж, когда уносил в хижину бездыханное тело; вторая, вытянутая, покоилась сбоку.

Ничто не двигалось кругом, и лишь легкий ветерок пробежал по листьям и траве, играл уголком сари и шевелил прядь черных как смоль волос мертвой женщины. Не было слышно ни звука, кроме слабого тиканья ручных часов и каких-то глухих ударов. Я не сразу понял, что это бьется мое сердце. Осторожно, дюйм за дюймом, вытягивал я ноги, опершись на спину. Им предстояло всю ночь выдерживать вес моего тела, и я по крайней мере должен был стараться помочь им.

Через три четверти часа джунгли ожили — раздались крики павлинов и лесных петушков, удаляющихся на покой. Один серый петушок важно прошелся по лесной полянке передо мной, бросая своим кукареку вызов умирающему дню. «Кук ки-а кка кук-м», — выводил он. Через несколько секунд откуда-то издали послышалось: «Ухив, кук кук-м». Петушок распустил перья и посмотрел в том направлении, откуда пришел ответ. Налетевший порыв ветра зашевелил подол сари. Тяжело взмахивая крыльями, петушок улетел.

«Ми-као ми-као», — слышался настойчивый крик павлина, и большие птицы одна за другой взлетали вверх и стайками размещались на ветвях отдаленных деревьев. Запоздалые бабочки и жуки парили в воздухе или с жужжанием устраивались под листочками и другими прикрытиями, которые они облюбовали себе на ночь.

Как всегда в тропиках, день быстро угас. Мои пернатые друзья, несомненно, уже спрятали головы под крылья а если нет, то вскоре спрячут. С наступлением сумерек на землю в ярде от меня уселось нечто округлое. Это козодой — предвестник ночи индийских джунглей.

«Чук-чук-чукуу», — твердил он. На фоне сухой травы его коричневое тело напоминало камень. Но вот, грациозно расправив крылья, он улетел. «Чип-чип-чип», — раздалось надо мной. Две летучие мыши быстро описывали круги около дерева, хватая налету не успевших спрятаться дневных жучков или поторопившихся вылезти ночных насекомых.

Мне и раньше много раз приходилось видеть и слышать, как замирает дневная жизнь и вступает в свои права ночь, но никогда я при этом не находился в подобном положении.

Стало совсем темно, но ненадолго. Вот уже над моей головой замерцали звезды, отбрасывая на джунгли рассеянный свет. В эту безлунную ночь они должны были служить мне единственным источником света.

Москиты обнаружили меня не сразу, но когда, наконец, их разведчики раскрыли мое убежище, им потребовалось всего несколько секунд, чтобы донести о нем в штабквартиру. И тогда целые эскадрильи пикирующих бомбардировщиков ринулись на меня. Стараясь перехитрить слишком предприимчивых насекомых, влетевших внутрь дерева, чтобы напиться моей крови, я, выпятив

пшикую губу, сдувал их с лица, а руки спрятал в карманы штанов.

Восемь часов. Я поднимал то одну, то другую ногу, шевелил пальцами внутри парусиновых туфель, чтобы улучшить кровообращение в стопах. На всю ночь обрек я себя на муки, хотя было известно, что этот людоед никогда не возвращался к трупу убитого им человека. Но тут передо мной всплыло заплаканное лицо Балы и выражение лица мертвой женщины, лежавшей так близко от меня, и я понял, что не мог поступить иначе.

Внезапно я насторожился, нервы мои напряглись до предела. Я ничего не видел, ничего не слышал, по так же точно, как свое собственное имя, знал, что людоед рядом. Нервная дрожь пробежала по моему телу. Какое-то неясное, не поддающееся определению чувство предупреждало меня.

Да, без сомнения, тигр поблизости!

Я напряг слух, стараясь уловить хоть какой-нибудь шорох, но было совершенно тихо. Ни олень, ни другое животное джунглей не выдавали криком приближения хищника.

Полная тишина и то, что тигр не торопился к мертвому телу, могло означать лишь одно — его что-то насторожило. Было ли это следствием напугавшего его столкновения с Балой, или же он видел и чуял что-то поблизости? А главное, видел и чуял ли он меня?

Вдруг тишину, длившуюся, казалось, вечность, прервало слабое сопение и шум, производимый тяжестью, которую волочат по земле. Тигр, бесспорно, решил утащить свою жертву. Еще момент — и он уйдет.

Я уже готов был отбросить осторожность, не таясь выставить ружье, зажечь фонарь и рискнуть выстрелить, но внезапно шум прекратился. Неужели тигр унес тело? И тут с другой стороны дерева, сзади, до меня донеслись чавканье и хруст костей.

Все было очень просто. Почему-то тигр перетащил тело на то самое место, где оставил его утром. Может, он решил, что пришедший ранее шакал или гиена сдвинули труп, а может, им руководил инстинкт. Во всяком случае он явно ничего не подозревал, иначе либо, крадучись, удалился бы, либо поспешил бы унести тело.

Я вздохнул с облегчением, но в этот миг мне ударила в голову мысль: теперь, чтобы выстрелить, мне надо выйти

из своего убежища и обойти дерево. Чувства облегчения как не бывало!

Вы помните, что Бала и Кришнаппа постарались загодить меня палками, листьями, вьюнками... Прежде всего надо было удалить их. При этом неизбежно возникнет шум, пусть даже слабый. Если он достигнет слуха тигра, тот убежит или — что гораздо хуже — обогнет дерево, чтобы выяснить происхождение шума, и обнаружит меня раньше, чем я буду готов.

Оставался один выход — дать тигру увлечься едой. Так я и поступил.

Всякий раз как он разрывал мясо, грыз кости, громко жевал, я тихонько распутывал лианы или вытаскивал палку и спускал к моим ногам внутрь ствола. Так я расчистил себе путь. Потом поднял правую ногу и, чтобы восстановить циркуляцию крови, подержал ее минуту в этом положении, прежде чем поставил по ту сторону дупла. После этого я немного подождал. Хруст костей продолжался. Тогда я, придерживаясь для устойчивости рукой за ствол дерева, очень осторожно поставил левую ногу рядом с правой.

Еще несколько секунд я не был готов к выстрелу, и если бы людоед обнаружил меня, мне бы не сдобровать. К счастью, тигр был слишком занят едой. Дюйм за дюймом я продвигался вперед. Еще один дюйм, и я предстану перед тигром. Случись, что его морда в это время будет обращена к дереву, он несомненно сейчас же увидит меня. В противном случае у меня еще оставался шанс не быть обнаруженным немедленно.

Настало время действовать, медлить было нельзя. Я поднял ружье, дулом кверху, положил его ложе себе на плечо и продвинул каждую ногу на дюйм. Затем слегка вытянул шею и выглянул из-за ствола. Мои глаза привыкли к рассеянному свету, и я хорошо разглядел тигра, вытянувшегося во всю длину поверх бесформенной массы. Это все, что осталось от тела женщины. Тигр лежал в полоборота ко мне и смотрел в том направлении, откуда пришел в тот вечер. Мушка на моем ружье не была видна, и, чтобы выстрелить, надо было включить фонарь.

Я осторожно поднял левую руку, установил ружье в положение для стрельбы и большим пальцем левой руки быстро нащупал включатель фонаря. Что-то подсказало тигру, что ему угрожает опасность. Он оглянулся, по в

этот миг луч света упал на его голову и сверкающие глаза. Из его пасти свисали куски мяса.

Моя первая пуля попала тигру в шею. Когда он подпрыгнул и перевернулся, я с молниеносной быстротой, какой еще ни разу в жизни не проявлял, всадил в него вторую пулю, а затем и третью. Он неистово корчился, но вдруг — не берусь рассказать, как это случилось, — вдруг исчез.

Он рычал от боли и ярости после первого и последующих выстрелов. Он все еще продолжал рычать и в агонии ломал ветки подлеска, но я его больше не видел. Он скрылся в джунглях.

Я поспешил спрятаться в дупле сухого дерева и хотел пополнить почти пустой магазин ружья, но прикинул, что, если произойдет заклинивание — а оно часто случается при перезарядке 405-калиберного винчестера, — я окажусь совершенно беспомощным. Я решил остаться с одной пулей. Хотя магазин моего ружья вмещал пять пуль, я обычно, идя на хищника, заряжал его четырьмя. Это была дополнительная мера предосторожности против заклинивания.

Я сомневался, правильно ли поступил, забравшись обратно в дупло. Может, разумнее было остаться снаружи. Тогда я бы видел тигра, если бы он напал на меня. Теперь же мне мешали кусты.

Но жалеть было поздно. Я стоял неподвижно. Все мое тело покрылось испариной, ружье скользило в руках. Я чувствовал ужасную слабость и головную боль.

Тигр все еще продолжал реветь и ломать ветки, но шум отдалялся и наконец совсем затих. Хищник не был мертв, но по крайней мере ушел. Я был спасен и благодарил судьбу уже за это. Меня стошнило, и я почувствовал себя гораздо лучше.

К несчастью, в волнении я не заметил, в каком направлении слышался удаляющийся рев. При таких обстоятельствах идти в темноте к хижине Балы было равносильно самоубийству. Ведь отыскать дорогу можно было лишь при помощи фонаря, и его свет выдал бы меня тигру, если он лежал где-нибудь под кустами.

Итак, остаток ночи я простоял в этой проклятой дыре на подкашивавшихся от усталости ногах. Рассвет я встретил в самом угнетенном состоянии духа, хотя ни на минуту не забывал, что мне повезло — я остался жив.

Как только рассвело настолько, что можно было видеть, я вылез из дупла и совершенно без сил опустился на землю. Приходилось ли вам всю ночь простоять на ногах на протяжении чуть ли не тринадцати часов? Если нет, попробуйте.

Минут пятнадцать я отдыхал. Потом отправился посмотреть на то, что еще можно было увидеть. Пока тигр был занят кровавой тризной, а я освобождал выход от папок и листьев и вылезал из дупла, прошло не больше десяти минут, ну, от силы, пятнадцать. За это время тигр уничтожил большую часть тела женщины.

Там, где тигр метался в агонии, земля была разворочена. Отсюда он сделал огромный прыжок в подлесок, находящийся на расстоянии двух ярдов. Кусты здесь были изломаны, листья забрызганы кровью. С этого места кровавый след уходил в джунгли. Я прошел несколько ярдов по следу и убедился, что он ведет на север. Значит, я мог сравнительно спокойно возвращаться в хижину.

Так я и сделал. Оказалось, что лежа в ту ночь без сна, Бала и объездчики слышали звуки выстрелов и на рассвете отправились мне навстречу, но прошли только около фарланга и остановились, чтобы подождать меня. Конечно, ченчу пошли бы и дальше, но Али Бег предостерег их, что я мог только ранить тигра, и тогда неизвестно, где он прячется.

Я рассказал обо всем, что произошло этой ужасной ночью. Мои часы показывали половину седьмого. Стрелял я в тигра, очевидно, около половины девятого вечера то есть десять часов назад. Тигр уже должен был скончаться или же, потеряв столько крови, лежать где-нибудь обессиленный, полумертвый от ран. Мне не терпелось как можно скорее отправиться по кровавому следу.

У Али Бега не было оружия, и я предложил ему дожидаться в хижине. Он ответил, что боится остаться один и предпочитает отправиться с нами и испытать свою судьбу. Итак, мы вернулись к высохшему дереву. Я предупредил Балу, что был вынужден дать тигру приступить к трапезе, пока освобождал себе выход. Он согласился со мной, что это было неизбежно. Но вид растерзанного трупа бедной женщины совершенно сразил Балу. Убитый горем, он громко разрыдался.

Бала ни за что не хотел уходить, пока не совершит кремации. Как ни старались повлиять на него объездчики

и я, уговорить Балу удалось только Али Бегу. Он прямо сказал, что нас всех, а особенно Балу, ожидают большие неприятности со стороны местной полиции, если мы кремируем труп до расследования. Тогда мы наломали ветвей и прикрыли ими останки, чтобы уберечь их от стервятников, которые не замедлили бы появиться.

Мы надеялись, что найдем тигра живого или мертвого поблизости, в скором времени вернемся и сделаем необходимое сообщение в полицию.

Но не тут-то было.

Кровавый след вел через кусты. Насколько я мог заметить, тигр был ранен в двух местах. Одна рана находилась в верхней части туловища. Из второй все время капала кровь. Идя по этому следу, мы обнаружили смешавшийся с запекшейся кровью кусок плевы, из чего я решил, что попал тигру в желудок.

Первый раз животное отдыхало в двух фарлангах от высохшего дерева. Валявшиеся здесь куски мяса, пропитанные кровью, показывали, что тигр страдал сильными приступами рвоты и что моя догадка верна.

Через полмили он снова сделал привал. Две небольшие лужицы крови подтверждали, что у него было два ранения. По-видимому, рана в желудок была более опасной, так как кровоточила значительно сильнее.

Тем не менее животное продолжало идти. Кровавый след, вначале очень отчетливый, стал менее заметен. Возможно, плева или жир затянули рану в желудке, и она перестала кровоточить.

Мы подошли к ручью, протекавшему между двумя пригорками. В этом месте тигр улегся в воду, которая до сих пор сохраняла розоватый оттенок. На противоположном берегу прочертилась узкая кровавая полоса. Здесь впервые за все время тропления были отчетливо видны отпечатки лап. Они, несомненно, принадлежали крупному самцу.

Следы продолжались и дальше, но пятна крови стали попадаться все реже. Вскоре это уже были отдельные редкие капли. Я, выражаясь мягко, был поражен. Мой многолетний опыт убедительно говорил о том, что по всем правилам охоты тигр должен был истечь кровью. Вместо этого он упорно держал путь вперед, направляясь на север. Капли крови встречались теперь очень редко и тропить стало значительно труднее. Мы углубились на много

миль в чащу джунглей, где только кое-где встречались тропы, протоптанные животными. Холмистую местность прорезали глубокие овраги, по которым тонкой струйкой вились ручейки. Воды было больше, чем достаточно, и тигр не раз останавливался, чтобы напиться. Больше деревья сменялись густым подлеском, состоявшим в основном из лантаны и других колючих кустарников.

Около часа дня нам попала последняя капля крови. Мы облазили окрестности, но больше ничего не нашли. След был потерян, погоня закончилась.

В молчании мы вернулись под палящим солнцем в Га-зулапали. Я устал как собака, сразу же повалился в комнате для пассажиров в старое кресло и заснул, прежде чем успел разуться.

Мистер Баласубраманиам послал телеграмму в полицию, и на следующий день из Нандьяла прибыли полицейские. Мы вместе с ними отправились к высохшему дереву.

Останки несчастной женщины начали разлагаться. Запах чувствовался уже за фарланг. На листьях, которыми мы прикрыли то, что осталось от ее тела, кишел рой мух. Я подвел младшего инспектора полиции к углублению в стволе дерева, где укрывался прошлой ночью, и рассказал всю историю. Акт занял тринадцать страниц. Шесть страниц потребовалось только для моих показаний.

Бала попросил разрешения кремировать тело жены. Молча присутствовали мы при том, как Бала и объездчики собрали в кучу хворост, положили на него останки женщины и, прикрыв их сверху сухими ветками, разожгли большой костер. Это была простая и печальная церемония, которую отравляло ужасное зловоние — запах горящего разлагающегося мяса. Я остался из уважения к чувствам Бала. Полицейский, которого сильно мучило, отошел в сторону и прислонился к дереву.

На следующий день я не мог смотреть Вале в глаза. У меня было такое чувство, будто я обманул его. Молодой человек понял это. Он вошел вместе с Баласубраманиамом в комнату для пассажиров, где я сидел, и попросил начальника станции перевести его слова:

— Передайте дораи, чтобы он не волновался из-за того, что ему не удалось убить тигра. Я знаю, он сделал все, что мог. Никто другой, даже я, не сделал бы больше.

Нельзя было сказать лучше, чтобы успокоить меня. Я почувствовал облегчение и попросил Баласубраманиама поблагодарить Балу за эти слова, за помощь и внимание, которые он мне оказывал.

Я пробыл в Газулапалли еще неделю, но ничего нового не узнал. Пантера убила одну из моих приманок, привязанную в Дигувамете. Я отправился туда и, убедившись, что это действительно пантера, к большому неудовольствию Джозефа, оставил ей недоеденную приманку.

В конце недели я распрощался с моими новыми друзьями, которые мне помогли и скрасили пребывание в джунглях. Бычков, служивших приманками, я роздал объездчикам, а тех, которые остались, подарил Бале.

Через три месяца после моего возвращения в Бангалур тигр убил человека недалеко от реки Кришны в княжестве Хайдарабад. Через три месяца в нескольких милях от Богары был убит еще один.

С тех пор убийства людей хищниками случались очень редко, но все же случались.

Оправился ли людоед, которого я ранил? Возобновил ли он свои нападения? Или же в этом районе действовали два людоеда, из которых один убил в Дигувамете женщину, собиравшую цветы, а другой — жену Балу? Если их и в самом деле было двое, то какой из них совершил последние убийства? А может, в них повинен третий тигр, недавно ставший людоедом?

Не могу ответить на эти вопросы, и это подчас мучит меня. Много бы я дал, чтобы узнать истину.

БОЛЬШОЙ БИЗОН ИЗ ГЕДЕСАЛА

Я не собираюсь предлагать вашему вниманию обычный охотничий рассказ о том, как я убил или ранил большого бизона. Если вы рассчитываете услышать что-нибудь подобное, то будете разочарованы так как я не только никогда не стрелял, но и не собираюсь в него стрелять: слишком я им восхищаюсь.

Большой бизон — храбрый старый боец — честно заслужил быть повелителем и вожаком стада, о котором так преданно заботился. Если бы он мог меня понять, я бы с гордостью назвал его своим другом.

Гедесал — маленькая деревня, населенная людьми из племени шолага, в центральной части «зоны бизонов», как я назвал лесной район на севере округа Коимбатур. С запада Гедесал прикрывают горы Билигириранган, на склонах которых мрачные скалы живописно перемежаются зелеными лужайками. На востоке тянется другая горная гряда, значительно уступающая по высоте и величию Билигирирангану. Эти невысокие горы сплошь покрыты лесом, в котором преобладают дикie финиковые пальмы. Между ними растет «тигровая трава», достигающая десяти футов высоты. Примерно к середине года на пальмах зревают желтые, сухие и совершенно безвкусные финики, которые, однако, любят и птицы и звери.

Топография местности, обилие растительности и фиников привлекают сюда бизонов, самбаров и медведей.

Между двумя горными хребтами с севера на юг простирается долина, по одной стороне которой одиноко вьется

дорога из Коллегала в Димбум. Она проходит между Гедесалом и одноименным бунгало.

Этот дом, необычайно большой для лесного бунгало, имеет ряд пристроек, в которых живут рабочие лесничества. Вокруг дома огорожен обширный участок, на котором посажены прекрасные горные розы. Их огромные соцветия папоминают букеты.

К югу от бунгало находится болотистая низина с небольшим водоемом. Благодаря тому что здесь растет нежно-зеленая трава, в долине почти всегда пасется стадо пятнистых оленей. Когда я последний раз приезжал в те края, вожаком стада был довольно крупный олень с великолепными рогами. На его темно-коричневых, почти черных, плечах резко выделялись белые пятна.

Надеюсь, ни один охотник, будь то человек или зверь, не прикончил его и он до сих пор бродит во главе своего «гарема» по прохладной сырой долине, такой же величественный и свободный, как джунгли, к которым принадлежит.

Невысокие горы к востоку от дороги и глубокая долина, проходящая вдоль основания горной цепи на западе, служат пастбищем для многочисленных стад бизонов. По долине течет довольно большая река, и питающие ее притоки то и дело пересекают дорогу. Этот и в самые жаркие месяцы не иссякающий источник воды и привлекает сюда животных.

Стада бизонов насчитывают от двадцати до сорока, а то и больше голов. В каждое входят коровы, телята и с полдюжины взрослых быков. Самый сильный бык завоевывает главенство над молодыми соперниками и становится вожаком стада, пока его в свою очередь не победит более молодой и энергичный самец или пока он не погибнет в джунглях. Бывает, впрочем, что вожак уходит из стада и ведет уединенное существование.

Бизоны страдают от таких болезней, как чума. От них ею часто заражается и домашний скот, который полагая выгоняют в джунгли. Не удивляйтесь поэтому, если натолкнетесь около Гедесала на бизона, пораженного ящуром, или, последовав за стервятниками, обнаружите труп животного, сраженного этим страшным, чаще всего смертельным заболеванием.

Большой бизон, о котором я хочу рассказать, был вожаком стада по крайней мере в тридцать голов. Я часто

встречал его рано утром, когда капельки росы еще блестят под лучами восходящего солнца, или около половины шестого вечера, невдалеке от дороги между тридцать девятым и сорок первым мильевыми камнями. Его легко узнать по сильно деформированному левому рогу, заворачивающемуся внутрь и вперед.

Возможно, именно этому недостатку старый бизон обязан своим долголетием: его голова не представляет ценности в качестве трофея, хотя правый рог имеет прекрасную форму. Правда, некоторые охотники и коллекционеры редких вещей оценили бы его голову как редкостный экземпляр, но, по-видимому, ему везло и до сих пор случай не свел его с подобным любителем диких животных.

В битвах деформированный рог был бесценным оружием. Его обладатель имел те же преимущества, что и единорог — если это мифическое животное когда-нибудь существовало, — так как мог пропороть или пронзить насквозь своего противника.

Часто проезжая темной ночью по дороге из Коллегала, я ради развлечения освещал фарами то одну, то другую обочину. Два или три раза свет отражался в широко расставленных голубых глазах бизона. Приглядевшись, я узнавал старого быка.

Первый раз я увидел этого ветерана несколько лет назад, когда бродил по пологим склонам Билигирирангана. На западе от главного шоссе ответвляется дорога, которая, минуя Гедесал, пересекает ручей, взбирается к седловине горного хребта, где исчезает, а затем с другой его стороны спускается в долину. В конце концов дорога приводит к красивому бунгалу Рапдольфа Морриса, известного охотника и автора интересных статей о крупных животных и об охоте.

Довольно далеко от седловины стоит дом из сборных конструкций, построенный лесничеством для его служащих и охотников, имеющих лицензии. В доме хранилась лестница, сплетенная из виноградной лозы. Какая-то добрая душа смастерила ее для тех, кто, не умея лазать по деревьям, не мог без нее забраться в махан.

В то утро я миновал дом и уже приближался к вершине горы, как вдруг услышал удары и шум от падения тяжелых тел, сопровождаемые яростным сопением. Они свидетельствовали о том, что где-то недалеко дерутся бизоны, и я поспешил туда, стараясь подойти незаметно.

Вскоре я увидел внизу, в долине, в трехстах ярдах от себя двух сцепившихся в неистовой схватке больших бизонов. Прижавшись лбами так, что их рога переплелись, они старались столкнуть один другого. Широко расставленные, напряжённые ноги говорили об огромных усилиях, которые затрачивал каждый, чтобы отеснить врага. Время от времени то один, то другой на момент высвобождал голову и рога и быстро наносил удар. Прежде чем соперник успевал ответить, их рога сплетались снова.

Вот тогда-то я и заметил, что странная форма рога одного из бизонов дает ему перевес над врагом.

Борьба продолжалась с неослабным напряжением еще минут двадцать. Затем ее изнурительный темп начал сказываться: яростное сопение сменилось храпом, блестящие бока животных покрылись испариной и кровью, отчетливо видными даже на расстоянии. Из пастьев быков текла пена, и ее брызги покрывали тела борющихся.

Мне никогда не приходилось видеть боя бизонов и очень хотелось узнать, чем он закончится. К счастью, ветер дул в мою сторону и противники дрались так, как если бы были одни.

Перевес, казалось, был на стороне быка с деформированным рогом. Его враг, обливаясь кровью, отступал. Он, конечно, и сам нанес несколько ответных ударов, но, очевидно, деформированный рог обеспечивал его обладателю превосходство. Еще через десять минут тяжелораненое животное начало спотыкаться. Несколько раз оно падало на колени. Рог врага то и дело впивался в его тело. Наконец бизон не выдержал и, шатаясь, бросился бежать. Но победитель и тогда не успокоился. Я видел, как он снова и снова догонял своего противника и бодал его, пока они оба не скрылись в джунглях, окружающих долину.

Сгорая от любопытства, я спустился к месту битвы. Земля была взрыта копытами бизонов и на расстоянии примерно двадцати ярдов покрыта пятнами крови и пены.

Прошло довольно много времени, прежде чем я снова увидел моего бизона. Это случилось вечером, поблизости от пруда, который находится в четверти мили от сорок первого милового камня. Тигр задрал двух животных из гедесалского стада. Крестьяне сообщили мне, что несколько раз видели его вечером на просеке рядом с прудом.

Примерно с половины пятого я бродил по берегу водоема, стараясь определить, какие звери его посещают.

Судя по следам, здесь недавно побывали слон, бизон, самбар, пятнистый олень и дикие кабаны. Несколько раз приходил и тигр, последний раз — дня за три до моего посещения. Следы бизона принадлежали, очевидно, огромному быку, настолько тяжелому, что он почти на фут погружался в прибрежную трясину. Они виднелись во многих местах — бизон был, по-видимому, частым гостем. Это меня удивило: ведь недалеко протекала река, где он мог утолить жажду.

Я спросил сопровождавшего меня шоллага, не знает ли он чего-нибудь об этом животном. Да, и он и другие жители деревни много раз видели бизона. Его левый рог направлен острием вперед... В моей памяти немедленно всплыла сцена незабываемой битвы, свидетелем которой я стал. Подумав, я решил, что передо мной следы победившего тогда быка, ибо подобная деформация рога встречается чрезвычайно редко.

Шоллага сообщил мне, что бизон часто посещает пруд. Он водит стадо, которое пасется поблизости, привлеченное, видимо, необычайно свежей травой в низине около пруда. Шоллага предложил мне побродить с ним по лесу. Если повезет, мы можем встретить не только бизона, но и тигра.

В то время меня интересовал не бизон, а тигр, и именно его имея в виду, я согласился. К тому же подкрасться к бизону — дело трудное, и его успех зависит от направления ветра, рельефа местности и естественных укрытий.

И вот мы пустились в путь по дорогам, проложенным скотом, по охотничьим тропам, по просекам... Помню, мы шли по узкой тропе, когда едва ли в тридцати ярдах от нас показалась голова и плечи огромного бизона. Он рассматривал нас благодушно, явно без всякой тревоги. Это был мой старый знакомый, бизон с деформированным рогом, напоминавшим о единороге.

Не проявляя страха, он стоял и смотрел на нас. Мы приблизились еще ярдов на десять. Только тогда он повернулся и исчез, с шумом рассекая тростник.

После этого я еще несколько раз встречал большого бизона, но мои симпатии он завоевал после одного происшествия.

Неизвестный охотник-браконьер застрелил самку бизона. Он и опомниться не успел, как на его джип налетел бизон и головой толкнул машину с откоса. К счастью, бизон не повторил нападения и браконьер отделался тем,

что повредил ногу и вдребезги разбил ружье. Один из шолога, сидевший в джипе на боковом сиденье, хорошо разглядел деформированный левый рог животного.

Я узнал об этом случае несколько месяцев спустя и был доволен, что старый бизон проявил себя так достойно. Без сомнения, в его бычьем уме сложилось убеждение, что сбросив джип, он поверг врага в прах. Не будь в том месте откоса, он бы, вероятно, продолжал свои атаки, обнаружил в машине людей и всех их уничтожил.

В ноябре 1953 года я, направляясь в Димбум, проезжал мимо Гедесала, когда заметил вдалеке на дороге высокую фигуру. Поравнявшись с этим человеком, я узнал шолога Рачена, которого обычно нанимал, когда приезжал в бунгало Гедесал. Остановив машину и поздоровавшись по-тамилски, я поинтересовался, что нового.

Рачен рассказал, что позанпрошлой ночью жители деревни слышали звуки разразившейся в джунглях страшной битвы между тигром и каким-то животным. По жестокости и продолжительности сражения — оно, казалось, длилось часами — они решили, что врагом тигра не мог быть дикий кабан — единственное животное средних размеров, которое отваживается вступать в единоборство с тигром. Оставалось предположить, что это слон... Но тогда был бы слышен трубный рев, который он издает, находясь в затруднении или сражаясь.

Поздно ночью звуки борьбы постепенно стихли, но еще до этого по громкому реву тигра крестьяне поняли, что он тяжело ранен.

Наутро жители деревни, движимые любопытством, отправились на разведку и набрали на место страшного побоища. Кусты и мелкие деревья были вырваны с корнем и втоптаны в землю, а среди них лежал труп тигра, неоднократно пропоротый рогами и растоптанный копытами бизона. Шолога не медля сняли с тигра шкуру и унесли в деревню.

Мне захотелось самому осмотреть место боя. Я посадил в машину Рачена. Сначала мы заехали в Гедесал. Шкура тигра все еще была прикреплена колышками к земле для просушки. Она была густо посыпана золой. Это единственное средство сохранить шкуру, известное шолога, которые не имеют соли.

Тигр был довольно крупным животным. Судя по шкуре, бизон сильно его поранил. Могучие рога пробили ее не

меньше, чем в пяти местах. Один из этих ударов пронзил сердце и оказался роковым.

Меня еще сильнее потянуло на «поле брани». Я вышел из машины, и шолога толпой проводили меня. Идти было недалеко — не больше полумили.

«Поле брани» — самое подходящее выражение для характеристики этого места, — всем своим видом свидетельствовало о том, что там сражались титаны. Трава и кусты, вытопанные противниками, были покрыты запекшейся кровью. Очевидно, бизон также был сильно ранен. И тут мне взбрело в голову пойти по его следам, чтобы найти где-нибудь в джунглях — умирающего или уже умершего. Уйти далеко в таком состоянии он не мог.

Бизон оставил за собой широкую кровавую полосу, по которой легко мог тропить даже начинающий. Он спустился с холма, направляясь к реке, и я был уверен, что на берегу натолкнусь на его труп.

Мы двинулись вперед, не заботясь о соблюдении тишины. Полтора часа шли мы, пока не увидели бизона. Он стоял в воде на мелком месте и отдыхал, прислонившись к стволу огромного дерева. Шум течения заглушил наши шаги, и мы успели спрятаться, прежде чем животное повернуло голову в нашу сторону.

Это был большой бизон из Гедесала, бизон с деформированным рогом.

Мы ясно различали страшные раны, нанесенные зубами и когтями тигра, на морде, шее, боках и крестце бизона. Даже брюхо его было сильно разодрано и оттуда свисало что-то красное. Он стоял в тени, и я не мог разглядеть, были это внутренности или просто кусок кожи. Но глаза его, хоть и выражавшие страдание, не были затуманены, и я не заметил в них страха.

Я хотел пристрелить бизона, чтобы избавить от мук, но у меня не поднималась на него рука после блестящей победы, доставшейся ему такой ужасной ценой. Но я, конечно, был уверен, что больше его не встречу.

Совсем недавно мне снова случилось посетить Гедесал, и каково же было мое удивление и радость, когда однажды вечером я увидел большого бизона с его стадом в излюбленном месте, недалеко от сорок первого милового камня, где вокруг пруда растет высокая мягкая трава.

Пусть живет он как можно дольше в джунглях, к которым принадлежит.

ДОЛГОГРИВЫЙ ТИГР ИЗ ЧОРДИ

→ то рассказ об очень крупном

тигре, который терроризировал места, где обитал, точнее, жителей тех мест, и которого было очень трудно выследить и убить.

Автор охотничьего рассказа обычно старается заинтересовать читателя описанием трудностей, в конце концов завершающихся убийством преследуемого зверя. Боясь переутомить читателя, он умалчивает о многих постигших его разочарованиях. Однако описание одних только побед создает впечатление, что охота на людоеда — тигра или пантеру — почти всегда успешна, почти всегда нетрудна и требует сравнительно немного времени — самое большее нескольких дней.

На самом деле это не так. Неудачи случаются очень часто, охотник затрачивает массу физических и моральных сил, а преследование зверя нередко тянется месяцами и даже годами. Иногда его так и не удается пристрелить.

Я собираюсь рассказать об охоте, которая длилась пять долгих утомительных лет, хотя, конечно, преследование зверя велось с перерывами. Кроме меня это животное пытались выследить и другие охотники из Бангалура и Бомбея, не говоря уже о местных немвродах *. И на протяжении всех этих пяти лет наши старания неизменно оканчивались неудачей.

* Имя библейского отважного охотника, ставшее нарицательным.

Этого тигра прозвали долгогривым за то, что кольцо необычайно пышных волос закрывало его горло и нижнюю челюсть. Благодаря обилию растительности голова его казалась настолько большой, что, желая ее изобразить, видевшие его люди разводили руки далеко в стороны. Впрочем, людей, которые после встречи с тигром остались живы и могли рассказать о нем, было очень немного.

Сначала он, очевидно, обитал в окрестностях деревни Чорди. Там его впервые увидели и там же он впервые убил человека.

Чорди — деревушка в джунглях, расположенная у дороги, примерно в четырех милях от городка Кумси, который находится в шестнадцати милях от Шимоги, центра одноименного округа в штате Майсур. От Шимоги до Бангалура сто семьдесят две мили.

В девяти милях от Чорди на Бангалурской дороге стоит деревня Анантапурам, а в одиннадцати милях от нее город Сагар. Далее дорога минует деревню Талгуппу и доходит до знаменитых водопадов Герсоппа или Джог, где река Ширавати падает четырьмя каскадами с высоты девятисот пятидесяти футов. Это незабываемое зрелище вызывает чувство восхищения и благоговейный трепет даже у самых черствых людей.

У вершины водопадов возвышаются два бунгало для путешественников. То, что на южном берегу реки Ширавати, находится на территории штата Майсур и получило название Майсурского. Второе бунгало, расположенное на противоположном берегу, который входит в штат Бомбей, окрестили Бомбейским. Это старый, очень уединенный и редко посещаемый дом, и именно поэтому я ему отдаю предпочтение.

Первым налетам тигра предшествовали события, неизменно содействующие превращению животного в людоеда. Тучные стада, пасущиеся по всей территории охраняемого леса Шимоги, побудили тигра отказаться от охоты на свою естественную добычу в джунглях. Коров было много, подкрасться к ним легче, чем к диким животным, и постепенно тигр стал опасным врагом пастухов в окрестностях Чорди.

Нападения и убийства следовали одно за другим, пока, наконец, владельцы скота не решили что-нибудь предпринять. Один энергичный крестьянин, отправляясь в лес пасти стадо, захватил с собой дробовик, хотя правила ле-

существования запрещали брать в лес огнестрельное оружие, не имея специальной лицензии на охоту.

Надо же было, чтобы в тот день долгогривый тигр выбрал для нападения именно это стадо. Спрятавшись за деревом, крестьянин выстрелил и крупной дробью сильно поранил правый бок зверя. На какое-то время тигр исчез из окрестностей Чорди, и все владельцы скота были благодарны хозяину ружья за то, что он избавил их от опасности.

Но вскоре долгогривый тигр снова появился в кустарниковых джунглях на границе с Анантапурамом. Рана на боку не мешала ему, и он по-прежнему охотился на скот, пасущийся в охраняемой зоне.

И снова крестьяне решили избавиться от дерзкого хищника. Теперь его подстерегли, когда он приближался к туше убитой днем коровы, и ранили вторично, на этот раз в правую переднюю лапу.

Вторая пуля разможила тигру кость. Она зажила, но изуродованная лапа стала короче. Тигр больше не мог бесшумно и незаметно подкрасться к животному, броситься на него, повалить на землю и перебить ему шею, а тем более удержать пойманную добычу. Даже домашние животные слышали приближение тигра и убегали. Если он нападал на них, они сбрасывали его с себя.

Тигр познал голод, бока его ввалились. Он, большой долгогривый тигр, был вынужден охотиться за крысами, но случалось, что и они оставляли его ни с чем.

Только лягушки, живущие в застойных прудах, крабы с твердым панцирем и люди двигались не настолько быстро, чтобы спастись от тигра. Острая необходимость, и ничего больше, заставила тигра изменить своим привычкам и перейти на человечесьё мясо.

Эти сведения о тигре я собрал постепенно, а характер его раны понял много лет спустя, когда пристрелил хищника и осмотрел труп.

Итак, однажды в Анантаपुरаме с автобуса сошел человек и отправился через джунгли в деревушку, расположенную в трех милях от остановки. Уезжая накануне в Шимогу, он велел жене на следующий день своевременно сварить обед, так как собирался к полудню обязательно вернуться. Еда была готова, но он не пришел. Это не встревожило жену, знавшую, что в Индии, особенно в маленьких городах, дела подчас устраиваются не скоро. Время не

имеет значения на Востоке или, если имеет, то очень небольшое.

Он не вернулся ни вечером, ни на завтра. На третий день старший сын отправился в Шимогу узнать, что задержало отца. Оказалось, что тот три дня назад уехал домой.

И опять никто не взволновался. Родные решили, что глава семьи поехал в Сагар — более крупный административный центр. Прошло еще пять дней, никаких сведений не поступало, и только тогда семья забила тревогу. Полиция начала поиски, и в придорожных кустах была найдена туфля.

Родные признали, что она принадлежала пропавшему, и это вызвало подозрение, что на него напали бандиты. В полицейском участке допросили нескольких подозрительных лиц, но они доказали свою невиновность.

Полиция усерднее принялась за поиски. Были обнаружены обрывки одежды, сухие пятна крови на ветках и кустах и следы тигра, ведшие вдоль русла пересохшего ручья. Но следы тигра в этой местности не были редкостью, и тайна исчезновения так и осталась тайной.

Четыре дня спустя велосипедист ехал ночью из Кумси в Чорди. В полумиле от Чорди дорогу пересекала река, а через нее был перекинут мост, огороженный перилами из известняка. Проезжая по нему, велосипедист посмотрел вниз и увидел почти прямо под собой тигра, лакающего воду. Он был на безопасном расстоянии от животного и поэтому затормозил, оперся ногой о перила и начал наблюдать за тигром.

Тот кончил пить, повернулся и начал взбираться на берег. Еще несколько секунд — и он исчезнет в подлеске. Тогда шутки ради велосипедист закричал: «шу-шу». Тигр остановился, оглянулся и сердито зарычал.

Велосипедист поспешно снял ногу с перил и что было сил помчался в Чорди. Там он сообщил друзьям, что встретил страшного тигра, который пытался напасть на него, и что он спасся только чудом.

Через месяц произошло первое убийство, не оставлявшее сомнений в том, кто его виновник. Однажды утром женщина из деревушки Тупур, которая находится на пути между Чорди и Анантапурамом, решила выкупать буйвола и спустилась с ним к ручью, протекающему у деревни. Усевшись на берегу, она смотрела на своего подо-

печного, погрузившегося по самую шею в воду. Рядом другая крестьянка набрала воды и, направляясь домой, обменялась с соседкой несколькими словами. Не успела она пройти и ста ярдов, как услышала пронзительный крик и, обернувшись, увидела тигра, уносившего в пасти ее недавнюю собеседницу.

Тигр с жертвой скрылся в джунглях, а женщина бросила ведро и со всех ног кинулась в деревню.

За этим последовали регулярные убийства людей. Бюрократическая машина раскачивается медленно, и не скоро в охраняемой лесной зоне была разрешена охота на людоеда. Но после этого число желающих принять в ней участие непрерывно возрастало. Среди них почетное место принадлежало жителям Бомбейского президентства*. Однако, как они ни старались, все было напрасно. Этого тигра не соблазняли коровы и буйволы, выставляемые в качестве приманки. А между тем убийства людей продолжались.

Мой друг Джек Хогтон, прозванный «Верзилой» за свой огромный рост — около шести футов четырех дюймов, — также решил попытать счастья и попросил меня сопровождать его. Если не ошибаюсь, это было примерно через год после того, как тигр превратился в людоеда.

Не помню почему, скорее всего потому, что я уже использовал свой отпуск, я мог поехать только на неделю. Туда мы отправились на машине Джека — форде модели 1931 года, а обратно я должен был возвращаться в Бангалур поездом, так как Джек собирался остаться в джунглях на месяц.

В Шимоге мы остановились на полдня, чтобы выяснить у лесничего округа названия мест, где были совершены нападения на людей, и их точные даты. При помощи этих сведений мы рассчитывали установить место следующего «налета» тигра. Ведь, как я уже упоминал, тигры-людоеды обычно придерживаются определенного маршрута.

После изучения карты нам стало ясно, что тигр действовал в нескольких милях от дороги между городом Кумси и противоположным берегом реки Ширавати, где находилось Бомбейское бунгало.

---

* Так в колониальной Индии назывались три главные провинции: Бенгальская, Бомбейская и Мадрасская.

В этом районе, покрытом густым лесом, много деревушек. Их жители занимаются почти исключительно скотоводством. Хищники всегда убивали здесь большое количество домашних животных, поэтому было трудно определить, охотился ли наш тигр на домашний скот. Мы были почти уверены в этом: убийства людей совершались слишком редко, тигр не мог прокормиться только человеческим мясом. Однако местные жители уверяли, что людоед не трогает домашних животных.

Верзила остановился в маленьком бунгало в полумиле от Тупура. Это был живописный домик в джунглях, примерно в двухстах ярдах от дороги. Окрестный лес изобилует дикими животными, особенно пятнистыми оленями. В том году у некоторых самцов были великолепные рога, и нам повезло повстречать несколько исключительных экземпляров.

Верзила, как полагается, купил животных для приманки: двух молодых буйволов и очень дряхлого быка. Одного буйвола мы привязали недалеко от реки — там тигра видел велосипедист; старого быка — около ручья, где тигр утащил женщину из Тупура, а второго буйвола отвели на тропинку около Анантапурама, по которой должен был идти домой исчезнувший крестьянин.

Покончив с этими приготовлениями, мы отправились на машине к водопаду Джог и там также приобрели двух буйволов. Одного мы привязали примерно в полумиле от Бомбейского бунгало, а второго на южном берегу Ширавати, недалеко от остановки паромов, курсировавшего между Майсурским и Бомбейским бунгало. Переправа через реку проходила примерно на милю выше водопадов.

Таким образом, Верзила купил пять приманок, и я помню, что они влетели ему в копеечку. Мы собирались почевать то в бунгало Тупура, то в Бомбейском бунгало, чтобы каждое утро проверять другую приманку.

Сопоставляя даты убийств (всего жертв было девять), я пришел к выводу, что тигр должен был находиться между Сагаром и Анантапурамом. На третий день я тоже приобрел буйвола и привязал его на полпути между этими двумя селениями, в фарланге от главной дороги.

В этот день мы почевали у водопадов Джог. Утром мы навестили выставленные поблизости приманки, и так как обе они были живы, отправились в Тупур. По дороге

мы решили проведать буйвола, которого я привязал накануне. Он был убит тигром.

Поскольку это была моя приманка, Верзила как истый охотник настаивал, что именно я должен попытаться убить тигра. Я же, зная, какой он любитель охоты, не соглашался. Между нами разгорелся спор, который мы в конце концов разрешили, подбросив монету. Выиграл Верзила.

Он вскарабкался на дерево и кое-как уселся на ветках, а я поехал в бунгало Тупура за маханом. Это была простая квадратная рама из бамбука, размером около четырех футов с каждой стороны, переплетенная наваррской лентой*. К углам ее были приделаны петли из толстой веревки, за которые махан подвешивали к дереву. Из Тупура я привез трех крестьян, чтобы они помогли укрепить махан.

Пока они возились с маханом, Верзила лег вздремнуть на заднем сиденье машины. В четыре часа я его разбудил, и он взобрался в махан с «малюткой Биллом», как любовно называл свое изящное восьмимиллиметровое ружье системы Маузер с точным попаданием. Пожелав ему удачи, я отвез крестьян в Тупур, а сам поехал ночевать в Анантаурам; оттуда было ближе до махана, где сидел Верзила.

На рассвете я подъехал к этому месту и загудел. В ответ, как было условлено, он закричал на манер аборигенов. Это означало, что все в порядке.

Я вышел из машины и пошел к Верзиле, но на полпути встретил его. Он сообщил, что убил тигра, который вернулся, как только стемнело.

Я очень обрадовался удаче Верзилы, а сам он был вне себя от восторга. Мы отправились посмотреть трофей. Это был красивый крупный самец в расцвете сил с роскошной шкурой, на которой отчетливо виднелись темные полосы.

Мне сразу бросилось в глаза, что это самый обыкновенный тигр, без пышной гривы, которая, по официальному правительственному сообщению, являлась отличительной чертой людоеда. Верзила, упоенный успехом, этого не замечал, а у меня не хватило духу раскрыть ему глаза.

---

* Широкая лента цвета хаки, используемая на обмотки.

С большим трудом погрузили мы тело тигра в машину. Проезжая через Анантапурам, Верзила остановился и выставил свой трофей на обозрение горожан. И тут его постигло горькое разочарование. Вокруг послышались возгласы:

— Но, сахиб, это ведь не людоед!

— Как не людоед?! — возмутился Верзила. — А кто же? И почему вы решили, что не людоед?

— А где же у него грива?

— Грива? — Сначала Верзила ничего не мог понять, но потом в его глазах мелькнула догадка. Он укоризненно посмотрел на меня. — Совсем о ней забыл. По-видимому, я уложил не того тигра. Но ты-то знал об этом?

— Да, Верзила, знал. Но ты так радовался, что я не мог тебя разочаровать. Я первым делом обратил внимание на то, что у этого тигра нет гривы, но тебе, конечно, ничего не оставалось, как только пристрелить его.

Чтобы придать своим словам больше убедительности, я торопливо добавил:

— Кроме того, он появился в темноте, и ты даже при свете фонаря не мог разглядеть, есть у него грива или нет. Во всяком случае это великолепный экземпляр, таким трофеем можно гордиться. Не унывай, старик.

Но Верзилу было не так-то легко утешить. Он впал в такое уныние, что, когда мы прибыли в Туपुर, не проявил ни малейшего интереса к свежеванию тигра. Напрасно я пытался обратить внимание Верзилы на огромные клыки, когти, на прекрасную темную шкуру. Безучастно развалившись в кресле, он твердил одно:

— Знай я, что это не людоед, не стал бы стрелять в бедное животное.

По мере того как день клонился к вечеру, он становился все мрачнее и мрачнее и наконец объявил, что, если к утру ни одна из приманок не будет убита, он вернется в Бангалур.

На другой день, чуть начало светать, мы были уже на ногах. Все три приманки, привязанные вокруг Тупура, оказались нетронутыми, и, как было договорено, мы отдали их прежним владельцам за четверть цены. Затем поехали к водопадам Джог: и там оба буйвола также были живы. Мы и их вернули хозяевам и в конце дня уже мчались в Бангалур.

Долгое время о тигре не было никаких новостей.

Больше чем через год в газетах появилось сообщение, что около города Кумси, почти на обочине дороги, тигр растерзал угольщика.

Я попросил окружного лесничего Шимоги телеграфировать мне о дальнейших убийствах.

В отличие от западной части штата Майсур и округа Читтур в округе Шимоге леса перемежаются многочисленными деревнями, между которыми простираются поля, засеянные в основном рисом. Движение транспорта и пешеходов там более оживленное, что очень затрудняло выслеживание тигра.

Как это ни странно, в джунглях Шимоги не проживают аборигенные племена. Здесь работают только пришлые кули-малаяли с западного побережья Индии и ламбани — индийские цыгане, удивительно напоминающие своих западных собратьев. Женщины-ламбани отличаются от коренного населения Индии более светлым цветом лица и живописным одеянием. Они носят не сари, а широкие юбки, облегающие жакеты из двух половинок, стянутых на спине тесемками, и шали, покрывающие голову и плечи. Дополняют убранство большие костяные браслеты, ожерелья, кольца в носу, в ушах, на ногах и на руках.

Мужчины-ламбани темнее женщин и, как многие другие жители Индии, носят тюрбан и набедренную повязку или короткие штаны с рубашкой. Колени и икры остаются неприкрытыми, но грубые сандалии защищают ступни от колючек.

Между цыганами и цыганками южной Индии вообще нет ни малейшего внешнего сходства: большинство женщин красивы и грациозны, мужчины же непривлекательны и угловаты.

Ламбани, как правило, кочевники и не любят жить в деревнях, а располагаются на открытом месте в небольших соломенных шалашах.

Среди ламбани много пьяниц. Они гонят водку из коры бабулового дерева, из риса, из бананов, из пальмового сахара, а также из плодов дерева джамун.

Люди этого племени, особенно женщины, работают на кофейных и апельсиновых плантациях в западной части Майсура. Кроме них здесь нанимают малаяли и мопла *

---

* Так называют в штате Керала, населенном малаяли, местных мусульман.

с западного побережья, но те работники никудашипе. Неразрывными узамн связаны они с родными домами среди кокосовых пальм, лагун и рек. Отсутствие промышленных предприятий заставляет их уходить на заработки, но стоит им скопить небольшую сумму денег (а они в отличие от ламбани очень бережливы), и они тотчас отправляются на родину, чтобы насладиться несколькими месяцами безделья.

Меня это волновало лишь в одном отношении: соберись я выслеживать тигра, мне пришлось бы рассчитывать только на себя. По знанию джунглей и умению тропить зверя ламбани нельзя было сравнить с такими аборигенными племенами, как пуджари, шолага, карумба и ченчу.

Прошел месяц, и я получил ответ от окружного лесничего Шимого: между Кумси и Чорди тигр убил женщину, собиравшую на обочине дороги листья тиковых деревьев.

Из этих больших прочных листьев делают тарелки, на которых в индийских харчевнях подают пищу, в частности рис. Для этого четыре-пять листьев сшивают по краям иголкой или — значительно чаще — скалывают веточками ракитника. Многочисленным харчевням штата Майсур требуются сотни тысяч тарелок, и их изготовление составляет своеобразную отрасль ремесленного производства там, где в изобилии растут тиковые деревья. Лесничество продает с аукциона право на сбор листьев подрядчикам, а те нанимают сборщиков, отдавая предпочтение женщинам, так как им платят меньше, чем мужчинам.

Так вот, несчастная женщина, которую растерзал тигр, и была одной из таких сборщиц листьев. Поблизости находились ее подруги, занятые тем же делом. Увидев, как из кустов выскочил тигр, схватил женщину и унес, они бросились бежать в Кумси. Там собралась поисковая партия, которой в конце дня удалось обнаружить наполовину съеденные останки. В заключение своего длинного послания окружной лесничий выражал надежду, что я отправлюсь в Кумси и попытаюсь убить людоеда.

Радиус действий тигра, равно как и другие обстоятельства, заставляли меня предположить, что на этом этапе выследить тигра почти невозможно. К тому же для этого требовалось несколько недель, если не месяцев, а я не мог рассчитывать на такой длительный отпуск.

Тогда я решил написать дипломатичный ответ. Сердечно поблагодарив окружного лесничего, я дал ему по-

нять, что охота на тигра требует много времени, которым я не располагаю. Я рекомендовал ему через лесничества и полицейские участки предупредить жителей, чтобы они остерегались людоеда, передвигались только днем и только по дорогам, ходили группами и чтобы кули временно прекратили работы. В случае нового нападения на человека я советовал уговорить родственников не трогать его труп и известить меня телеграммой. Кроме того, я предложил лесничеству приобрести нескольких буйволов и привязать их для приманки на некотором расстоянии друг от друга в области действия тигра. Я же обещал приехать, как только получу телеграмму, в которой сообщалось бы о новой жертве — животном или человеке, если только труп не будет унесен с того места, где его оставил хищник.

Ответ пришел на третий день. Окружной лесничий сожалел, что я не приеду. Он, конечно, не мог поручиться, что все крестьяне, живущие на такой огромной территории, будут соблюдать осторожность. Кроме того, он сомневался, чтобы родственники жертвы согласились оставить в джунглях тело близкого им человека. Наконец, он сообщал, что в правилах лесничества не предусмотрены расходы на покупку буйволов для приманки.

Я предвидел этот ответ. От первого письма у меня осталось впечатление, что его автор не представляет всех трудностей охоты на людоеда, и мне хотелось дать ему понять, что выслеживать тигра, при таких условиях — все равно, что искать иголку в стоге сена.

Несколько недель прошли спокойно, и вдруг людоед снова нанес удар, совершив на этот раз двойное убийство. Между Чорди и Тупуром на дороге, граничащей с Карадбетским заповедником, где охота на тигров запрещена, он напал на лесоруба с сыном, старика убил, а сына унес. Окружной лесничий просил меня немедленно приехать.

Рано утром, собрав снаряжение для десятидневного пребывания в джунглях — на более продолжительный срок мне нельзя было отлучиться, — я выехал из Бангалура. Большая часть дороги ремонтировалась, и я только к двум часам добрался до Шимоги, где остановился ненадолго, чтобы поблагодарить окружного лесничего за сообщение.

Он был очень любезен и дал мне два письма, адресованные участковым лесничим в Кумси и Чорди. В одном

он просил помочь мне закушить животных для приманки, в другом приказывал пропустить меня с ружьем в заповедник Карадибета.

Еще раз поблагодарив его, я погнал машину в Чорди. Тамошний лесничий тотчас велел позвать двух лесорубов, которые были свидетелями последнего нападения людоеда.

Они прибыли через несколько минут и рассказали следующую историю.

Подрядчик из Шимоги, купивший недавно право на порубку леса в миле от Тупура, нанял их и лесоруба с семнадцатилетним сыном. Жили они все в Шимоге, но на время порубки решили поселиться в Чорди.

Два дня назад они встали рано утром и отправились на работу. Идти надо было три мили. Проходя мимо заповедника Карадибета, который находился от них с правой стороны, сын попросил отца дать ему пожевать «пан».

Я прерву свой рассказ, чтобы объяснить, что такое «пан». Это длинный сердцевидный лист бетеля, одного из видов ползучего кустарника, в который заворачивают немного извести с тремя-четырьмя кусочками ореха арековой пальмы — «супари», а иногда с кусочками кокосового ореха и сахара. Известь и супари вызывают обильное слюноотделение. «Пан» очень популярен среди всех слоев населения, особенно среди рабочих. Индийцы на ходу жуют бетель, часто сплевывая слюну, окрашенную в красный цвет, и повсюду оставляя «кровавые» пятна. При виде их европейцы, впервые приехавшие в Индию, приходят в ужас, полагая, что они свидетельствуют о массовом заболевании туберкулезом.

Однако вернемся к нашему рассказу. Отец остановился, чтобы достать лист, завязанный в угол набедренной повязки. Остальные лесорубы прошли вперед. Вдруг они услышали рычание и, оглянувшись, увидели, что юноша лежит на дороге, на нем сидит тигр, а отец, растерявшись, продолжает стоять с протянутой рукой.

И тут они стали свидетелями героического поступка. Ради спасения сына отец пожертвовал собой. Пытаясь отогнать тигра, старик кинулся вперед, громко крича и размахивая руками.

Тигр на миг отпустил юношу, кинулся к отцу и начал яростно рвать его горло и грудь. Кровь хлынула фонтаном. Тогда, оставив отца, тигр снова бросился на сына, который в оцепенении взирал на гибель отца.

Лесорубы пустились наутек и бежали всю дорогу до Тупура, ни разу даже не оглянувшись, чтобы посмотреть, что же случилось с их товарищами. В Тупуре ни у кого не оказалось оружия, и крестьяне отправились в Шимогу, чтобы сообщить в полицию о происшествии.

По дороге они встретили грузовик, направлявшийся в Чорди за песком. Крестьяне остановили грузовик и попросили водителя повернуть обратно и доставить их в Шимогу. Водитель, на редкость храбрый малый или во всяком случае желавший казаться таким, предложил крестьянам доставить их к месту «фантастического», как он выразился, происшествия. А там уже они решат, что делать дальше. Кто-то спросил:

— А как же тигр? У тебя ведь открытый грузовик. Вдруг он прыгнет в кузов и убьет кого-нибудь?

— Брат мой, — отважно заявил водитель, — я с вами — и вам некого и нечего бояться. Неужели я стану сложа руки дожидаться, пока тигр прыгнет в грузовик? Я мгновенно направлю на него машину.

Ободренные этими словами, крестьяне взобрались в кузов и скоро были у заповедника. Шофер, который считал всю историю выдумкой с начала до конца, искренне удивился, увидев лежащего в огромной луже крови мертвого старика.

Сына и след простыл.

Самоуверенность водителя к тому времени значительно поубавилась, и он задержался ровно на столько, сколько понадобилось, чтобы уложить в машину тело лесоруба. Затем он на полной скорости помчался в Шимогу, где крестьяне сделали подробные сообщения в полицию и лесничество. Ради формальности было произведено вскрытие трупа дровосека и вечером того же дня его тело отдали родственникам.

На следующий день к месту происшествия прибыли полицейские, чтобы заняться поисками юноши. По утверждениям очевидцев, следы были отчетливо видны, но поскольку никто из полицейских не умел тропить хищника, они в тот же вечер вернулись в Шимогу, сообщив, что им не удалось обнаружить останки пострадавшего.

Это все, что знали лесорубы о последнем «подвиге» людоеда.

Лесничий угостил нас кофе, и мы все вместе направились к месту нападения тигра.

Мне и раньше приходилось ездить по этой дороге. Это был второй случай, когда преследуемый мною тигр нашел прибежище в Карадибетском заповеднике. Первый раз раненый людоед из окрестностей деревни Гауджа направился к заповеднику, но, к счастью, я убил его, прежде чем он успел пересечь его границу.

Лесничий уже побывал здесь и указал место, где тигр совершил нападение на лесорубов. Движение в этом месте было оживленное, и за три дня колеса автобусов, грузовиков, машин и телег, запряженных волами, совершенно уничтожили следы крови.

Заповедник начинался в нескольких ярдах от дороги тиковой рощей. Деревья, посаженные ровными рядами лет пятнадцать-двадцать назад, сейчас достигали двадцати футов. Густой массив посадок уходил примерно на два фарланга в глубь заповедника, а там сменялся естественными джунглями.

Если зверь не ранен и не оставляет заметного кровавого следа, тропить его под тиковыми деревьями почти невозможно. Опавшие с них сухие листья покрывают землю толстым ковром, на котором следы не отпечатываются. У юноши, унесенного людоедом, по-видимому, не было сильно кровоточащей раны. После тщательных поисков мы обнаружили на листьях тиковых деревьев только три кровавых пятна.

Я знал, что заповедник тянется на север до реки и до проселочной дороги, соединяющей деревню Гауджу на западе с Амлиголой. Там он кончается, хотя сами джунгли простираются дальше. Поскольку я получил специальное разрешение в случае необходимости застрелить людоеда на территории заповедника, наиболее разумным казалось привязать четыре приманки на границах заповедника и одну в центре.

Я попросил лесничих помочь мне, так как знал по опыту прошлых лет, что приобрести в этих краях сразу пять голов скота очень трудно. Они заверили меня, что приманки будут доставлены. Пока шел этот разговор, мои спутники проявляли заметное беспокойство. Было уже шесть часов, и вечерние тени быстро сгущались. Осторожно, держась вместе, пробирались мы сквозь густую чащу тиковых деревьев к машине, стоявшей на дороге.

Назавтра необходимые мне пять животных были найдены только к половине первого. Полдня было потеряно.

В результате до захода солнца мы успели привязать только три приманки, а остальные две отвели на предназначенный им участок на рассвете следующего дня.

Около трех пополудни крестьяне, работавшие на полях недалеко от Чорди, сообщили нам, что прошлой ночью был убит молодой буйвол, которого мы привязали вблизи места, где людоед напал на лесорубов. Крестьянам об этом рассказали объездчики. Не зная, каким путем мы пошли, они просили всех встречных передать новость нам.

Мы поспешили в Чорди. Когда мы прибыли туда, лесничий грубо бранил объездчиков за то, что они не разыскали нас. Вряд ли можно было их винить. Мы целый день передвигались с места на место, и, на мой взгляд, они поступили очень разумно, оставшись в Чорди и посылая нам весть о случившемся через проходивших мимо людей. Если поторопиться, еще можно было успеть построить махан.

Около половины четвертого мой студебеккер уже стоял на дороге напротив тиковой рощи. Три минуты ушло на то, чтобы вытащить складную чарпай из багажника машины. Я совсем недавно смастерил ее, уменьшив длину против обычной почти в два раза, благодаря чему ее стало легче перевозить.

Среди молодых посадок было несколько старых и высоких тиковых деревьев. У подножия одного из них и был привязан буйвол.

На это проклятое дерево было очень трудно взобраться. Ствол у него совершенно гладкий, первые ветки находятся на высоте только двенадцати футов, а я никогда не умел лазать по вертикальному шесту. Я встал объездчику на плечи, а остальные старательно подталкивали меня, пока я не ухватился за первые ветки и не подтянулся. Листья тикового дерева так велики, что прикрыть ими махан было нетрудно, а поскольку вокруг росли только тиковые деревья, наша маскировка сливалась с их кронами. Развилка, на которой мы устроили махан, находилась на высоте свыше двадцати футов.

Тигр уже съел половину бычка, но и того, что осталось, было достаточно, чтобы ожидать повторного визита убийцы.

Около пяти вечера мои спутники удалились. Еще двадцать минут у них должно было уйти на то, чтобы откатить машину и освободить дорогу для тигра, если он взду-

мают появиться с этой стороны. Впрочем, он мог и вовсе не прийти.

Но тигр пришел. Когда уже совершенно стемнело, пятнистые олени пронзительными криками оповестили о его приближении. Эта популярность — или, наоборот, непопулярность — среди мирных обитателей леса должна быть очень обременительна для хищника. В данном случае, я уверен, он считал ее весьма неуместной.

Тигр двигался без особых предосторожностей, и я слышал шелест сухих листьев под его лапами задолго до того, как он подошел к своей добыче.

Я направил на него свет фонаря, и он посмотрел мне прямо в лицо. Трех секунд, в течение которых я разглядывал хищника, было достаточно, чтобы заметить, что у него не было «гривы». Но у меня не оставалось иного выхода, и тигр упал, пораженный пулей в сердце.

Я подождал минут пятнадцать, чтобы убедиться, что он мертв. Он не шевелился, и я спустился с дерева. Когда до земли осталось семь или восемь футов я прыгнул. Сильный удар о землю оставил у меня самые неприятные воспоминания. Подойдя к трупу и тщательно осмотрев его, я выругался. Как я и предполагал, это был не людоед. Вокруг его шеи не было кольца волос. Убийца снова ушел, а пострадало невинное животное.

На следующий день я свеживал тигра, а лесничие составляли официальный отчет о том, что я застрелил хищника, который не имел гривы, а следовательно, может, вовсе и не был людоедом, тогда как в имеющейся у меня бумаге мне разрешалось охотиться на территории Карадибетского заповедника только на людоеда.

До конца моего отпуска тигр не тронул ни одну из приманок. Окружной лесничий Шимоги официально потребовал от меня объяснений, почему я убил в заповеднике хищника, не являвшегося людоедом.

Я всю жизнь прожил в Индии, и подобный бюрократизм, характерный для всех государственных чиновников, меня не удивил. В ответ я написал письмо, в котором сожалел, что окружного лесничего ввели в заблуждение, и утверждал, что убил в заповеднике людоеда, согласно выданному мне разрешению.

А почему бы и нет? Все остались довольны. Декорум был соблюден, все заинтересованные стороны очень точно и старательно выполнили свой долг.

Мне пора было возвращаться в Бангалур. Я поблагодарил лесничих за помощь, продал оставшиеся четыре приманки их прежним владельцам меньше чем за четверть выплаченной им ранее суммы и отправился домой. По дороге я остановился в Шимоге, чтобы засвидетельствовать свое почтение окружному лесничему. Он извинился за то, что был вынужден требовать от меня объяснения, и сообщил, что считает мой ответ очень умным.

Прошел год. После убийства старого лесоруба и его сына новых жертв не появлялось. Все стали думать, что долгогривый тигр был плодом чьей-то фантазии и что я действительно убил людоеда. Так думал и я, пока эти иллюзии не рухнули.

Тигр снова убил человека на окраине города Сагар, расположенного, как я уже говорил, на дороге между Кумси и Анантапурамом, не доезжая водопадов Джог. Две недели спустя он растерзал жителя Анантапурама, а через месяц — крестьянина из Тагарты и крестьянку из Гауджи. Оба эти селения находились в десяти милях от Анантапурама. В начале августа он средь бела дня утащил мальчика, пасшего скот недалеко от дороги на окраине Кумси.

Людоед вернулся откуда-то, где пропал после убийства старого лесоруба и сына, и всерьез занялся истреблением людей. Или это был другой людоед, действовавший куда быстрее своего предшественника?

Я выкроил недельный отпуск и отправился в Кумси. Новый окружной лесничий Шимоги пожелал мне успеха. Я спросил, остались ли в Кумси и Чорди лесничие, с которыми я встречался год назад, и обрадовался, получив утвердительный ответ.

Мы встретились как старые друзья. Лесничие считали, что в прошлом году я действительно убил людоеда, а сейчас орудует другой хищник. Где иначе мог все эти месяцы находиться людоед? Известно, что хищники никогда не отказываются от пристрастия к человеческому мясу. Следовательно, где бы тигр ни бродил, он должен был за этот период растерзать по крайней мере нескольких человек, а это стало бы известно.

Их доводы казались очень разумными и, несмотря на мои сомнения, убедили меня.

Стали думать, что делать дальше. Тигр напал на людей в Сагаре, Анантапураме, Тагарты, Гаудже, а сейчас и в Кумси. Это была та же область, в которой несколько

лет назад действовал людоед, прозванный долгогривым, если вообще такой существовал. Где же привязать при- манки? Откуда начать? Мы были в нерешительности.

На следующий день эти вопросы разрешились сами собой. Тигр утащил пастуха-подростка в Амлиголе, которая, если вы не забыли, находилась в крайней восточной точке северной границы заповедника Карадибета, то есть в северо-восточном углу неправильного прямоугольника, образованного территорией заповедника.

Узнав об этом, мы с лесничими в три часа дня отправились в Амлиголу. Ее достопримечательностью было очаровательное маленькое бунгало. Рядом с ним протекала речушка, которая служила северной границей Карадибета и впадала в большой пруд примерно в миле от бунгало. Мальчик пас скот на берегу пруда. Тигр приблизился по руслу речушки и около девяти утра напал на пастуха, убил его и тем же путем удалился со своей жертвой в джунгли.

Мне показали следы, оставленные тигром и свисавшими ногами мальчика. Пятен крови почти не было.

Когда мы кончили осмотр местности, было уже слишком темно, чтобы пытаться отыскать тело убитого. Я досадовал, что так поздно узнал об убийстве, и проклинал свое невезение. Как мы ни старались быстрее добраться до Амлиголы, плохая проселочная дорога не позволила развить большую скорость. А ведь если бы в тот вечер мне удалось отыскать останки мальчика, я около них дождался бы возвращения тигра.

Лесничие устроились в одной комнате бунгало, я — в другой.

Вскоре после полуночи послышался рев тигра. Казалось, он находился примерно в миле от нас. Лесничие тоже услышали его. Думая, что я сплю, они постучали в дверь, соединявшую наши комнаты.

Я отпер парадную дверь, выходящую на длинную узкую веранду. Джунгли были залиты лунным светом. Только в тропиках можно ощутить непередаваемое очарование лунной ночи в лесу. Пока я любовался чудесным зрелищем, буквально пьянея от восторга, тигр снова заревел, на этот раз гораздо ближе. И тут я понял, что животное движется вдоль берега речушки, в нескольких ярдах от бунгало, и через несколько минут пройдет мимо. Людоед ли это?

Я решил попытаться счастья.

Мне потребовалось не более двух минут, чтобы закрепить фонарь на дуле ружья. Через ванную комнату я выскочил из дома с его задней стороны, пробрался через жидкую изгородь молодых деревьев и по склону бросился вниз к речушке.

Я видел переливающуюся под лунным светом блестящую гладь воды, хотя под деревьями, где я стоял, было очень темно. Как я уже говорил, речушка образовывала северную границу заповедника Карадибета, и противоположный берег проходил по его территории. Тигр опять подал голос. Он быстро приближался и сейчас уже был в четверти мили от меня. Если я собирался подстеречь его, мне следовало поторопиться.

Мои глаза лихорадочно искали, куда бы спрятаться. Примерно в двух футах от берега, на котором я стоял, в воде рос тростник. Я знал, что река неглубокая, бегом спустился с берега, бесшумно погрузил в воду ноги, стараясь не производить всплесков, и, присев на корточки, спрятался в тростнике. Две или три минуты стояла мертвая тишина. Прибрежные деревья отбрасывали глубокие тени, за которыми мне ничего не было видно.

С берега, где я только что стоял, снова послышался рев — тигр в этот момент проходил мимо.

«Один, два, три, четыре, пять» — считал я, давая тигру пройти, чтобы он не оказался надо мной, когда я осветю его. Но вот я нажал кнопку фонаря... Полосатое тело зверя находилось едва ли в пятнадцати ярдах от меня.

Он остановился и обернулся. Теперь тигр был обращен ко мне правым боком, и мне пришлось выстрелить, целясь ниже правого плеча. Он подпрыгнул и упал навзничь. Я выстрелил второй и третий раз.

В этот момент он понял, где я прячусь, поднялся и начал спускаться ко мне, оступаясь и скользя по отлогому берегу. Моя четвертая пуля разможила ему череп, когда нас отделяли едва ли пять ярдов.

Позже, когда я осматривал его, меня поразило обилие волос, росших вокруг его шеи. Они образовывали настоящую гриву.

Некоторые загадки джунглей никогда не будут разгаданы, в том числе и та, почему вообще у этого тигра была грива.

ЛЮДОЕД ИЗ ПЕГЕПАЛАЙМА

В этой главе пойдет речь о похождениях тигра-людоеда, который сейчас, когда я пишу эти строки, скорее всего жив. По официальным данным, он убил сорок человек, хотя неофициальный список его жертв, говорят, насчитывает тридцать семь мужчин, женщин и детей. Из них около половины действительно были убиты и частично или полностью съедены хищником, остальных же он лишь покалечил. Власти учитывают только погибших, отсюда и расхождение между официальными и неофициальными данными.

Я думаю, что герой этой главы то же самое животное, которое я вывел в рассказе «Мучитель из Раджнагара», помещенном в другой книге. Когда я первый раз писал об этом тигре, его логово находилось в кустарниковых джунглях на севере округа Коимбатур. Ближайшая от них деревня — Раджнагар, и поскольку от нападений хищника первыми пострадали пастухи из этой деревни, он получил широкую известность как тигр из Раджнагара. За ним водилась одна особенность, по крайней мере в то время: выскочив из-за укрытия, он когтями сильно калечил пастуха и неизменно уносил животное из его стада. Ни разу не было замечено, чтобы он растерзал кого-нибудь из людей, на которых напал. Один или два человека пропали, и считалось, что их сожрал тигр, но достоверных доказательств этого не было. Известно было только, что тигр неизменно рвал людей, ставших его жертвами, когтями, прибегая к помощи клыков.

Это породило мнение, будто тигр когда-то был ранен в морду или в челюсть. Но, покалечив пастуха, хищник энергично пожирал убитое животное. Значит, он прекрасно мог и кусать и грызть. Это совершенно необычайное явление так и не получило удовлетворительного объяснения, хотя было выдвинуто множество остроумных предположений.

Я рассказал, как пытался убить этого тигра и как меня постигла неудача. Он был совершенно неуловим. В конце концов я вернулся домой в Бангалур. Мучитель из Раджнагара вышел бесспорным победителем из первого раунда наших встреч. Однако я искренне надеялся, что мне представится возможность начать второй раунд, который закончится более успешно для меня.

Я получил много писем от друзей и доброжелателей, интересовавшихся, будет ли у рассказа продолжение. А один мой старый знакомый Джо Кирней даже прислал телеграмму из Лос Анжелоса в Калифорнии, в которой сообщил, что ждет описания дальнейших приключений, связанных с этим тигром.

Увы, я не мог удовлетворить их любопытство, так как мучитель из Раджнагара перестал калечить людей и вскоре после посещения мной тех мест исчез. Мы тешили себя надеждой, что у него изменился характер или что он в новом году решил начать новую жизнь. А быть может, он ушел в отдаленный район джунглей или даже погиб... Прошло время, и пастухи из Раджнагара снова начали выгонять стада в кустарниковые джунгли вокруг их деревни и вечером возвращались домой усталые, но невредимые.

Около девяти месяцев все было спокойно. Однажды к вечеру, когда солнце начало садиться за горный хребет Билигириранган и когда в деревеньке Пегепалайям, находящейся на расчищенном среди джунглей участке к востоку от горного хребта Пегепалайям и в двух милях к западу от дороги из Димбума в Коллегал, стены хижин отбрасывали длинные тени, по лесным тропам шло стадо. Сопровождали его пастух и подпасок.

Местность пересекали заросшие густым лесом овраги. В дождливый сезон по ним стремительно мчались потоки, но в тот напоенный ароматами вечер овраги были совершенно сухи. Щebetание и шорох крыльев пернатых придавали всему пейзажу настроение мира и спокойствия.

Стадо переходило через один такой овраг. Пастух достиг уже его дна, а подпасок, погруженный в свои мысли, только начал спускаться по склону. На его пути была группа молодых бамбуковых деревьев, окруженная высокой травой. Скот обошел это препятствие.

Вдруг сзади послышался глухой стук, а затем тяжелый вздох. Пастух оглянулся, но на дороге, огибавшей бамбуковые деревья, никого не было видно. Он двинулся дальше, не сомневаясь, что мальчик догонит его.

Вот наконец и Пегепалайям. Пастух еще раз оглянулся, но опять не увидел мальчика. «Венкат, Венкат», — позвал он. Ответа не было. Пастух снова закричал, и опять никто не отозвался. Стадо продолжало брести к деревне, и, не желая оставлять его без присмотра, пастух последовал за ним.

Сотни причин могли задержать мальчика, и сначала его отсутствие никого не встревожило, но когда прошел час, затем второй, а он не появлялся, пастух вспомнил, что впервые хватился его на дороге около бамбуковых деревьев, когда услышал какой-то вздох. Может быть, подпаска укусила змея? Мысль о том, что он мог стать жертвой хищника-людоеда даже не пришла пастуху в голову. В окрестностях Пегепалайяма до тех пор не слышали о такой опасности.

Пастух поспешил к бамбуковым деревьям. Миновав их, он разглядел на сухой земле поверх следов своих ног и копыт скота отпечатки лап тигра, следы короткой схватки и борозду, прочерченную телом мальчика.

Так появился людоед из Пегепалайяма.

После этого отовсюду стали приходить вести о нападениях на людей: с юго-запада — из Талвади и Талаималаи, находящихся в тридцати милях от Пегепалайяма; с востока — из Аламбади на берегах реки Кавери, до которой больше сорока миль; с севера — из селения в шести милях от Коллегала. Последнее нападение отличалось особой дерзостью: около половины одиннадцатого утра, когда ярко светило солнце, тигр утащил с поля пятнадцатилетнего мальчика.

Интересные подробности стали известны после того, как людоед совершил новое нападение примерно в трех милях от оврага, где утащил подпаска из Пегепалайяма.

Трое крестьян шли по проселочной дороге, по которой

раньше из леса вывозили бамбук. Из страха перед людоедом вырубка бамбука почти полностью прекратилась, и люди ходили в джунгли только в случае крайней необходимости, всегда днем и только группами. У этих троих были неотложные дела. Вышли они после обеда и к половине четвертого рассчитывали быть дома.

Они были почти у цели, как вдруг впереди них на дороге выскочил тигр. Люди остановились, скованные ужасом. Тигр бросился на первого крестьянина, поднялся на задние лапы и когтями передних начал раздирать ему лицо. Его спутники кинулись к ближайшему дереву и вскарабкались на него. Крестьянин, подвергшийся нападению, проявил редкое присутствие духа и вслепую ударил тигра по морде ножом, который все шлага носят с собой, чтобы прорубать дорогу среди подлеска. Получив неожиданный отпор, зверь взревел от боли и по свойственной, очевидно, всем людоедам трусости оставил свою жертву и скрылся в кустах.

За это время крестьянам удалось добраться до верхних веток дерева, откуда они с ужасом наблюдали за разыгравшейся внизу сценой. Кровь хлестала из глубоких ран пострадавшего, стекала с его лица и груди. Он сидел на земле, по-видимому, в состоянии шока.

— Брат, — звали его крестьяне, — скорее иди сюда и залезай на дерево, оставаться внизу опасно. Людоед может вернуться.

Раненый услышал их, с трудом поднялся и, сняв тюрбан с головы, начал вытирать кровь. Крестьяне снова звали его, и он уже повернулся, чтобы идти к дереву, но судьбе было угодно иначе, и дни его на земле были сочтены. Мгновенная трусость тигра сменилась яростью, вызванной, быть может, болью от раны. Одним прыжком он очутился около несчастного и на этот раз мощным ударом передней лапы сразу же перебил ему шею. Как только тот упал, тигр схватил его тело в пасть и на глазах у крестьян утащил в джунгли.

Вскоре после этого случая я побывал в Пегепалайяме и беседовал с обоими очевидцами. Они рассказали слово в слово одно и то же. Оба утверждали, что тигр в основном действовал когтями, а не клыками.

Я вспомнил о неуловимом мучителе из Раджнагара. Может, со временем он стал смелее, пристрастился к человеческому мясу и получил известность, как людоед из Пеге-

палайяма? То, что рассказывали крестьяне, подтверждало такую возможность.

Мне пришлось много потрудиться, чтобы навести справки о тигре, причем не только в Пегепалайяме, но и в ближних деревнях, где хищник совершил нападения, а также в лесничестве Коллегала.

Несколько трупов его жертв были обнаружены до того, как он успел их полностью уничтожить. На всех них остались следы и когтей, и зубов. Окончательных доказательств того, что этот тигр убивал при помощи только когтей, не было.

Первый раз я пробыл в Пегепалайяме неделю, и за это время людоед не коснулся ни одной из трех выставленных мной приманок. Ничего нового о нем мне узнать не удалось. Меня ждала служба, никаких причин для продления отпуска не было, и я вернулся в Бангалур.

Вскоре после моего отъезда людоед снова совершил убийство — среди бела дня в открытом поле, только в шести милях от Коллегала, напал на мальчика. На этот раз, надеясь, что ему повезет больше, чем мне, преследовать тигра взялся мой сын Дональд.

Нам обоим очень хочется знать, не является ли людоед тем самым мучителем из Раджнагара, о котором я рассказывал раньше. Ответить на этот вопрос, по-видимому, невозможно, разве что Дональду удастся выяснить причины появления у тигра странной привычки действовать преимущественно когтями. Если Дональду посчастливится, он, без сомнения, отгадает одну из наиболее интересных загадок джунглей.

Стоит мне вспомнить о ней, как я перестаю видеть лежащие передо мной страницы. В моем воображении встает бушующее пламя лагерного костра, каскады искр рассыпаются в темноте, кольца дыма тонкой спиралью уходят ввысь.

Ночь светлая и безоблачная, небо усыпано мириадами звезд.

Мерцающий свет пылающего костра выхватывает из мрака пространство радиусом примерно в пятнадцать ярдов. За ним снова темнота — напряженная, безмолвная, плотная, словно чем-то осязаемым обволакивающая все вокруг, — темнота ночных джунглей.

Я с удовольствием курю трубку, выпуская кольца дыма. Они сливаются с дымом от костра и исчезают в дре-

жащем свете пламени, от которого исходит приятное, хотя и немного обжигающее тепло.

Кругом разлилась тишина, нарушаемая только потрескиванием и шипением огня.

И тут где-то далеко за холмами раздается: «Уун-уун! Аунгх! Аунгх!» Это ревет тигр.

Я часто слышал его и раньше, но с каждым разом все с большим волнением прислушиваюсь к этим ужасным и вместе с тем к таким мелодичным звукам.

«Угха-угх! Угх! Аунгх-х! Ауунгх! Уун-уун!» Тигр приближается все ближе и ближе.

И мне хочется думать, что это голос людоеда из Пегепалайяма.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Предисловие	5
Глава первая. Повадки паптеры	7
Глава вторая. Пантера-людоед с гор Елагири	18
Глава третья. Старый Мунусвами и пантера из Магади	44
Глава четвертая. Черная паптера из Шиванинали	62
Глава пятая. Змеи и другие обитатели джунглей	84
Глава шестая. Убийца из Хайдарабада	102
Глава седьмая. Большой бизон из Гедесала	143
Глава восьмая. Долгогривый тигр из Чорди	150
Глава девятая. Людоед из Пегешалайяма	169

Кеннет Андерсон

**Черная пантера
из Шиванипали**

*Утверждено к печати
Редакционно-издательским советом
востоковедной литературы
при отделении исторических наук
АН СССР*

Редактор издательства *Р. М. Солодовник*

Художник *А. И. Белокин*

Художественный редактор *И. Р. Бескин*

Технический редактор *С. В. Цветкова*

Корректор *Ф. А. Дворкина*

Сдано в набор 15/XI 1963 г.

Подписано в печать 29/II 1964 г.

Формат 84 × 108¹/₃₂. Печ. л. 5,5.

Усл. печ. л. 9,02. Уч.-изд. л. 9,03.

Тираж 115 000 экз. Зак. № 1805

Цена 45 коп.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»

Москва, Центр, Армянский пер., 2

Типография «Красный пролетарий» Политиздата
Москва, Краснопролетарская, 16

Отпечатано с пластмассовых форм
на ротационных машинах.

Цена 45 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«НАУКА»